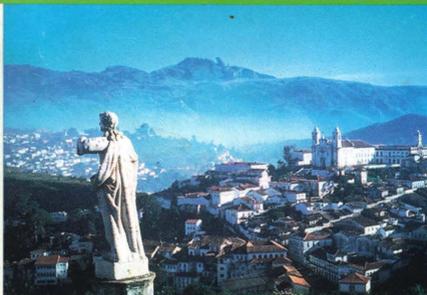

М 7 - 20

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

ВОКРУГ СВЕТА

№1 1996

ПРИЗ НОМЕРА:
путешествие
в Бразилию

ЯЗЫЧНИКИ
живут
на Волге

У НАСТОЯЩИХ
людоедов

«Катти Сарк» '95

Путорана...
Таинственная страна гор,
рек и водопадов.
И хотя плато это находится
не так уж далеко —
чуть восточнее Норильска, —
оно до сих пор остается во многом
«белым пятном» для
исследователей и
путешественников.

Фото ВЛАДИМИРА РЯБКОВА

Перемены на фоне постоянства

ЛЮБЕЗНЕЙШИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Сто тридцать пять лет назад редакторы “Вокруг света” Павел Ольхин и Алексей Разин пропели вдохновенную оду Путешествию. И немудрено: россияне к тому времени совершили уже несколько десятков кругосветных экспедиций, сделали немало открытий в дальних походах. Перечитаем еще раз восторженные строки программной статьи из самого первого номера нашего журнала: “Как в громадной панораме, проходит перед любознательным путником весь шар земной со всеми редкими и со всеми обыденными явлениями. В журнале “Вокруг света” будут передаваться впечатления и наблюдения путешественников и естествоиспытателей всех стран, веков и народов...”

Хорошо писали наши предшественники по журналистскому цеху! Каждый из нас, сегодняшних редакторов, без колебаний подпишется под этими словами. Ведь “впечатления и наблюдения путешественников” по-прежнему составляют преобладающую и интереснейшую часть наших публикаций.

В редакции хранится несколько годовых подшивков “Вокруг света” прошлого века. Иногда я открываю и разглядываю их — эти свидетельства ушедшей культуры, подобные застывшим в камне следам динозавра. Я замечаю, как менялся от десятилетия к десятилетию журнал, превращаясь из сборника переводных статей сперва в тонкий еженедельник с изящными гравюрами и фотографиями позирующих людей, потом в ежемесячник, напечатанный на рыхлой бумаге с цветными вкладками, наконец, в иллюстрированный журнал, использующий современные достижения полиграфической техники. Иным стал за эти годы и наш герой, тот самый “любознательный путник”: он по-другому воспринимает и оценивает окружающую действительность и пишет не тем слогом, что прадедушка. Меняется мир — меняется журнал.

Эти рассуждения выглядят, пожалуй, тривиальными, но повод, породивший их, таковым мне не кажется. Журнал переживает трудную пору творческого обновления. Такое случилось последний раз в шестидесятые годы, когда живительные токи “оттепели” и переход на многокрасочную печать позволили творческому коллективу создать современный образ “Вокруг света”. Уникальный по тематике, привлекательный по изобразительному ряду и творческому методу, выгодно отличавшийся от собратьев минимальной идеологической нагрузкой, он стал окном в мир для миллионов советских людей, особенно для юношества.

Но вот пришли девяностые годы, отмеченные потрясениями и коренными переменами в привычном укладе нашего существования. За несколько лет перед изумленным россиянином словно раскрылся занавес, скрывавший гигантские витрины с незнакомым и запретным товаром. Появились новые журналы в лакированных обложках, рекламные ролики, кинофильмы, видеокассеты, книги, телепередачи. Чтобы вступить на путь конкурентной борьбы, нам потребовалось пойти на значительные финансовые затраты. Мы нашли возможность улучшить качество журнала, увеличить его объем — сперва до 80, а теперь до 96 страниц. Разве не заслужили наши образованные, любознательные подписчики, особенно те, кто живет в маленьких городах и селах, право получать отпечатанный на хорошей бумаге журнал с увлекательными, богато иллюстрированными очерками?

Вот строчка из письма рассерженного читателя с многолетним стажем: “Вы превратили журнал в рекламный буклет”. На этом тезисе стоит остановиться подробнее, и не только потому, что на самом деле реклама занимает не более 15 процентов журнальной площади.

Никакое периодическое издание не может существовать в условиях рынка без публикации рекламы, если, конечно, его не содержит какой-нибудь магнат. Благодаря дополнительному источнику средств от рекламы редакция может позволить себе назначить сравнительно низкую подписную цену и быть независимой. Поэтому за рубежом рекламу печатают практически все журналы, в том числе и заочно чтимый у нас американский “Нэшнл джиографик”.

Мы размещаем преимущественно ту рекламу, которая может пригодиться конкретным людям, а не фирмам. Ответы на анкету (№9/95) показывают, что реклама и туристская информация привлекают внимание читателей, особенно тех, кому от 20 до 40 лет.

Неправда, что за границу ездят только “новые русские” и “челноки”. На острове Родос, например, я узнал, что каждый второй турист из России покупает дополнительную экскурсию. Этим людям мы будем рассказывать, как с пользой провести время в поездке, в том числе и по России.

Было время, когда наши рассказы о дальних странах, экзотических островах, мировом культурном и природном наследии выглядели красивой сказкой — не потому, что не соответствовали действительности, а потому, что были столь же недоступны для читателей, как тридевятое царство и тридесятое государство. Теперь путешествие в дальние страны перестало быть чем-то уникальным, уделом одних только мужественных покорителей пространств. Поэтому я хочу, чтобы вы читали журнал “Вокруг света”. И обязательно путешествовали — если не по Патагонии, то хотя бы по родной стране.

АЛЕКСАНДР ПОЛЕЩУК,
главный редактор

А. Поleshuk

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

ДАНИЯ. Праздничная регата "Катти Сарк" в датском порту Фредериксхавн.

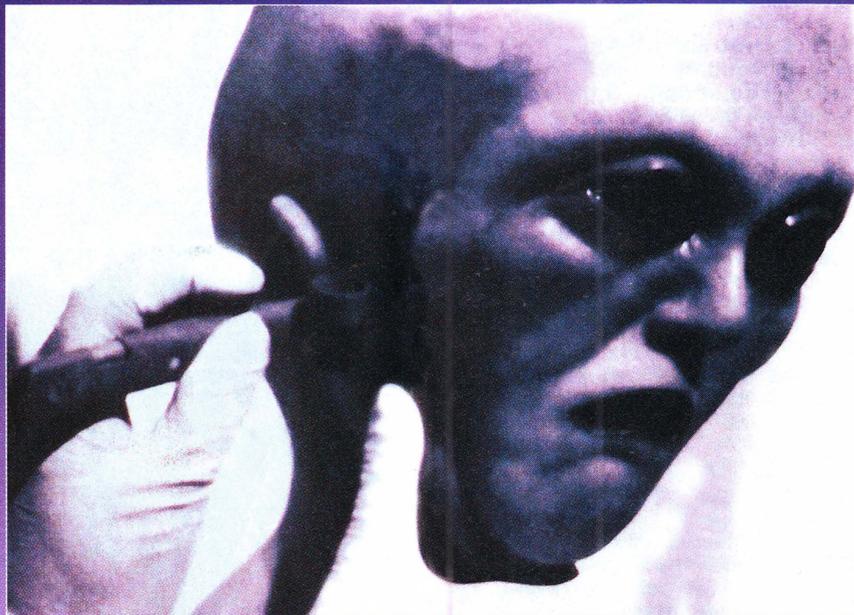
Раз в году, в один из портов мира — в Нью-Йорк, Киль или Плимут — слетаются эти остроклювые "птицы" ушедших веков, чтобы люди верили в мечту, чтобы знали: живы еще "пленители моря", "глотатели широт", "бегущие облака" — барки, бриги, фрегаты, бригантини... И событие это названо в честь старинного клипера "Катти Сарк".

В 1995 году путь парусных судов лежал через Северное море, по маршруту Эдинбург — Бремерхавен — Фредериксхавн — Амстердам — Зеебрюгге (см. стр. 8-19)

Фото Д.ДЕМИНА

ЗАГАДКИ, ПРОЕКТЫ, ОТКРЫТИЯ

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В РОЗУЭЛЛЕ?

7 июля 1947 года. 16 часов местного времени, город Альбукерке, штат Нью-Мексико, США. Лидия Слэппи, оператор телетайпа с радиостанции КОАТТ, сидела за аппаратом. Внезапно поступило сообщение, которое на протяжении нескольких дней присутствовало в новостях по всей Америке и вся важность которого, возможно, до сих пор не оценена. "...летающая тарелка потерпела аварию... упала недалеко от Розуэлла..."

А потом наступило гробовое молчание. По официальной версии, разбился метеорологический зонд. Вся

информация была строго засекречена. Но имелся некий фильм. О его существовании знали немногие. И вот эта пленка, по прошествии почти полувека, поступила в распоряжение ученых. Что на ней? Не фальшивка ли? А если нет, то не придется ли пересматривать устоявшиеся взгляды на многие научные дисциплины?

В одном из ближайших номеров журнала мы расскажем о том, что удалось выяснить специалистам из лабораторий США, Великобритании и Дании, которые получили для анализа образцы достопамятной пленки 1947 года.

Адрес редакции:
125015, Москва, А-15,
ул. Новодмитровская, 5А, 16 эт.
Тел.: 285-88-83, факс: 285-09-30

«Vokrug sveta» («Around the World»)
Magazine of Travels,
Adventures and SF
Est. 1861
5A Novodmitrovskaya str.
Moscow 125015, Russia
Phone: 285-88-83, Fax: 285-09-30

Учредитель журнала:
трудоу коллектив редакции

Свидетельство о регистрации журнала
№929 от 13 ноября 1990 г.

©Товарный знак «Вокруг света»
зарегистрирован Роспатентом.
Свидетельство №131448 от 28.08.95

Использование наименования журнала, его
товарного знака, полная или частичная
перепечатка материалов —
только с разрешения редакции

Редакция не всегда разделяет
точку зрения авторов публикуемых
материалов

Редакция, к сожалению, не имеет
возможности ответить каждому
корреспонденту письменно

Ответственность за содержание
публикуемой рекламы несут
рекламодатели

В НОМЕРЕ

VIA EST VITA

8 Дмитрий ДЕМИН
Ветры всех широт

СТРАНЫ И НАРОДЫ

Яцек ПАЛКЕВИЧ
20 Прощание с первобытным
миром, или Путешествие к
последним настоящим
дикарям Новой Гвинеи

26 А.БЕРКОВИЧ
Стена

32 Лев МИНЦ
Священные рощи мари

81 Л.БИНДЕМАН
Ганнибал, малая родина
Марка Твена

ПРИЗ НОМЕРА

44 Блицтур по Бразилии

НЕВЕДОМЫЕ ТРОПЫ

47 Владимир ДОБРИН
Охота на
гиппопотама

56 **ПЕСТРЫЙ МИР**

Цветоделение:
АО «Вокруг света»
Изготовление фотоформ:
журнал
«Техника — молодежи»
Печать:
Werner Soderstrom,
Porvoo, Finland
Экспедирование тиража:
АО «Молодая гвардия»
Номер подписан к печати 15.12.95
Тираж 75 тыс. экз.
©«Вокруг света» 1996
ISSN 0321-0669

**Ежемесячный
научно-художественный
журнал
путешествий,
приключений,
фантастики**

№1 1996

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОЗЫСК

Алексей ШЛЫКОВ
Царица Камея 50

В.ЛОБЫЦЫН, И.СТОЛЯРОВ,
И.АЛАБИН
**Еще раз о гибели
крейсера «Жемчуг»** 59

К.ПАРЧЕВСКИЙ
Русские углы 63

ЧТЕНИЕ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Отто СКОРЦЕНИ
Операция «Дуче» 70

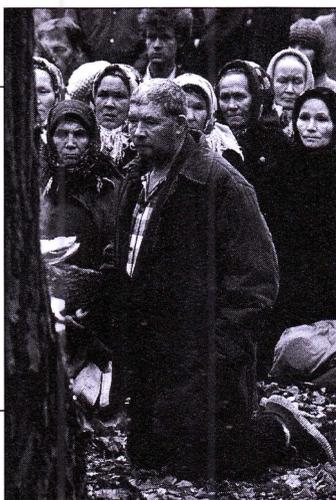
АДРЕС

Вильям АЗАР
**В «мертвый сезон»
по земле ацтеков** 85

Николай ЗИМИН
Жми на педали 90

Никита КРИВЦОВ
**Что есть что
в американском отеле** 92

Олег НИКОЛАЕВ
По Словении и Италии 95

С.32

С.20

С.50

С.59

Главный редактор
Александр Полещук

Заместители главного редактора:
Владимир Лебедев
Вильям Азар

Секретариат:
Николай Непомнящий
(ответственный секретарь)
Людмила Костюкова

Редакторы:
Лидия Чешкова
(ведущий редактор)
Игорь Алчев
Лариса Боброва
Лев Минц
Валерий Орлов
Надир Сафиев
Вера Семенова

Отдел «Адрес»:
Юрий Мешков
Никита Кривцов

Дизайн и верстка:
Владимир Бельтюков
(главный художник)
Ольга Бойко
Алексей Городецкий
Константин Янситов

Заведующая редакцией
Надежда Малиничева
285-89-38

Финансовая группа:
Валентина Зеленина
(главный бухгалтер)
Ирина Евдокимова
Евгения Чубуркова
285-88-09

Менеджеры:
Николай Рогинский
(главный менеджер)
Александр Ребрик
285-80-58

Операторы
компьютерного набора:
Галина Воронцова
Марина Грязнова
Галина Пожидаева

Приемная. Справки:
Любовь Андреева
285-88-83

Приложение «Искатель»:
Ответственный редактор
Евгений Кузьмин
285-88-84

Издательский дом
«Вокруг света»:
Генеральный директор
Вячеслав Заворотов
285-89-36

Рекламное агентство
«Вокруг света»:
Генеральный директор
Феликс Тамоян
285-80-79

Подписка:
**АО «Агентство подписки и
розницы»**
Индекс издания 70142
по каталогу Федерального
управления почтовой связи

**Цена номера
по подписке 7000 руб.**

Распространение
оптом и в розницу:
агентство «Инком-пресс»
тел. (095) 195-89-94

Издатель журнала:
**АО «Редакция журнала
«Вокруг света»**
Совет директоров:
Сергей Житенев
(председатель)
Александр Полещук
(генеральный директор)
Владимир Малютин
Владимир Шилов

Редакционно-издательский совет:
Александр Полещук
(председатель)
Юрий Веденин (зам. председателя)
Вильям Азар
Владимир Бельтюков
Сергей Житенев
Константин Ильшев
Владимир Лебедев
Юрий Мешков
Николай Непомнящий
Татьяна Ташева
Борис Федоров
Лидия Чешкова
Игорь Шабдурасулов

VIA EST VITA

Ветры всех широт

ДМИТРИЙ ДЕМИН,
наш спец. корр.
ФОТО АВТОРА

Каждый год в одном из портов мира собираются парусные корабли всех морских стран, чтобы участвовать в самой знаменитой регате «Катти Сарк».

Корабли уходят в Северное море.
На первом плане — самый большой в мире
четырёхмачтовый барк «Седов».

Немецкий барк «Александр фон Гумбольдт» — один из самых старых парусников.

Регата «Катти Сарк» — всегда праздник.

Регату «Катти Сарк»-95 принимал романтический Эдинбург.

Ночной экспресс

Н

очной экспресс Лондон — Эдинбург, сверкающий двухэтажный автобус, мчался по дорогам Шотландии, разрывая тьму. Кругом все спали. Спал в кресле рядом со мной японец. Два шведа напротив сидели неподвижно, уставясь в одну точку. А мне не спалось, и в голове вертелась одна-единственная мысль: «Не успею... опоздаю... они уже уйдут...»

Экспресс то и дело останавливался в маленьких городках, люди выходили и входили, шумно рассаживались, пили пиво и засыпали. А я смотрел на часы и дергался.

Бессонные ночи в Москве у английского консульства, бесконечные очереди жаждущих получить визу, попытки проникнуть через какой-нибудь никому не ведомый вход и упрашивать, и доказывать, что без тебя все сорвется... Дали визу. Остался один день... А потом этот проливной дождь... Зачем же я засунул в карман рубашки загранпаспорт?! Страницы разбухли, фотография отклеилась, виза потекла...

И вот, наконец, аэропорт Хитроу. Длинный хвост пассажиров у контрольных стоек. Ах, как долго и придирчиво проверяют русские паспорта! Какого бы сэра выбрать попокладистее? Или, может, вот ту чернокожую даму с кобурой на бедре? Но выбирать не пришлось — вон он, машет мне, седой и строгий джентльмен в огромных очках.

Чиновник внимательно смотрит на меня, потом листает мой подмоленный паспорт. Старых виз много,

он подолгу рассматривает их, потом добирается до британской.

— Ваша профессия?

— Журналист. Из «Вокруг света».

— Вокруг че-е-го?

— О-о, сэр, это такой русский журнал путешествий... старейший... ему, знаете, сэр, уже больше ста лет... «Вокруг света».

— Но зачем вам в Лондон? О чем вы собираетесь писать?

— О «Катти Сарк», сэр.

Тут у него глаза вылезли из-под очков:

— О виски «Катти Сарк»?

— Виски? Нет, сэр, не о виски, хотя это тоже интересно, но...

И я, путаясь и сбиваясь, стал ему объяснять, что в Лондоне пробуду недолго, мне надо в Шотландию, в Эдинбург, а точнее, в порт Лит, где 15 июля, то есть завтра утром, — я так спешу, сэр, — рано утром будет старт большой парусной регаты «Катти Сарк». Вы, сэр, конечно, знаете об этом? Принц Филипп ее почетный попечитель...

И тут он сердито обрывает меня:

— А почему вы будете писать об английских кораблях?

— Нет, не только об английских! Там соберутся парусники со всего света. Tall ships — высокие корабли.

Я взмахиваю руками, изображая паруса. Он поднимает очки на лоб, и что-то странное появляется в его взгляде:

— И в Эдинбург придет русский парусник? В России есть парусные корабли?

«Да еще побольше чем в Англии!» — думаю я про себя, а ему говорю:

— Да, сэр! У нас самый большой в мире парусник «Крузенштерн»!

Старые моряки говорят: «Океан можно увидеть только с бом-брам-рея».

Барк... и четырехмачтовый барк. Высота мачт...

Но он уже не слушает меня. Он ничего не слышит! С ним происходит нечто невообразимое. Он снимает очки, расстегивает ворот рубашки, сдвигает в сторону галстук и ни с того ни с сего заливается смехом, ворошит волосы, давится от смеха — и вот передо мной совсем другой человек, веселый красноречивый шотландец, который, путаясь и сбиваясь, точно, как я, начинает мне рассказывать что-то про дедушку из Глазго, какой он был крутой парусный мастер, сам строил яхту, брал с собой внука, то есть его, в море... И они попали в шторм! У-у, какая красота в шторм у скал Шотландии! Он хлопает меня по плечу: «Ты не боишься шторма, а-а?!»

А я краем глаза вижу, как он другой рукой уже что-то чиркает в желтой карточке, шлепает печать в мой паспорт и протягивает мне, дескать, «все о-кей, парень, полный вперед! Попутного ветра!» Или как там у англичан?

И вот я уже качу тележку с чемоданом, набитым фотоаппаратурой и книгами, по каким-то длинным тоннелям, выхожу на улицу.

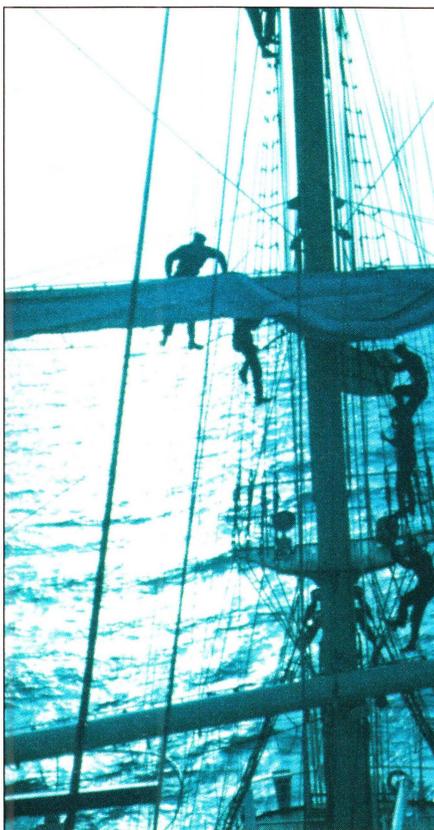
Солнышко, синее небо, облака плывут, ветренно — ах, какой славный ветер для старта! Мелькают красные двухэтажные автобусы, снуют черные старомодные такси, дробью рассыпается английская речь... Лондон! Good morning!

И, напевая — «еще немного, еще чуть-чуть...», качу тележку ко входу в метро. Ага, по синей линии до Green park и хвостик по голубой до Victoria. Там вокзал, там меня ждет друг Саня, коллега. С билетом до Эдинбурга. Сейчас всего час дня, и к ночи я уж точно буду на корабле!

Я доехал по синей линии до Грин Парк, пересел на голубую до станции Виктория. Вот захожу в огромный зал... Но почему здесь так пусто? Где мой друг Саня? Где поезд до Эдинбурга?

Ставлю чемодан на мраморный пол, закуриваю и чувствую, как что-то уже дрожит внутри. Как вестник судьбы, появляется Саня.

— Саня, привет! Все о-кей? — спрашиваю я с надеждой, а Саня растерянно:

— Извини, я тут уже час бегаю, не знаю, что делать...

— Нет билетов?

— Ни билетов, ни поездов. Забастовка. Поезда пойдут только завтра.

Что такое завтра? Зачем мне завтра? Завтра они уйдут. До Эдинбурга почти полтысячи миль...

Единственное, что мы смогли сделать, — это взять билет на ночной автобус.

Времени теперь было хоть отбавляй, мы выпили черного пива, перекусили. И тогда оптимист Саня сказал:

— Слушай, напишешь ты про свою «Катти Сарк»? Она тут рядом стоит, в Гринвиче. Давай еще по пиву — и в Гринвич.

«Катти Сарк»

Вдоль Темзы, мимо Тауэра, через Бридж-Тауэр мы из Лондона едем в его пригород — Гринвич. И раз уж мы в Англии, поговорим об англичанах. Они считают, что всех людей можно поделить на три типа. По их «эстетическому отношению к действительности», как сказал бы наш Чернышевский.

а) это те, которые считают, что на свете нет ничего красивее женщин;

б) другие считают, что нет ничего на свете красивее скачущих лошадей;

в) и те, кто, вслед за поэтом Джоном Мейсфилдом, повторяют: «Корабль в море с наполненными ветром парусами — что может быть прекраснее!»

Последние считают себя счастливыми, если им удалось увидеть «Золотую Лань», судно «железного пирата», великого мореплавателя, открывателя новых земель и вод Френсиса Дрейка. Точная копия «Золотой Лани» стоит на Темзе, в Лондоне.

Или «Викторию» — флагманский корабль адмирала Горация Нельсона, который под Трафальгаром разбил флот Франции и Испании. И битва, и корабль принесли ему славу и смерть.

Или маленькую «Джипси Мот» — «О-о, неужели на этой скорлупке сэр Френсис Чичестер в одиночку обогнул земной шар?!» — великую «Джипси Мот», покинувшую моря, чтобы стать памятником мужества человека в борьбе со стихией и самим собой. Она стоит в Гринвиче, рядом с самым знаменитым клипером романтической эпохи «чайных гонок» красавицей «Катти Сарк».

- Эта та самая «Катти Сарк», подумайте только! Расстояние в тысячу миль прошла за три дня! Обошла чудо-корабль «Фермопилы»! На океанах она не знала равных! — под моросящим дождем на открытой палубе «Катти Сарк» один знаток втолковывает другому.

Здесь только третий тип англичан. Они знают названия всех знаменитых парусников, все верфи, где их строили, всех капитанов, что вели их через океаны. Знают все — рекорды, скорости, грузы.

— А как же, сэр! — толстяк с достоинством кивает головой. — «Старая Белая Шляпа» знал, что строить... И! — Толстяк вздымает палец к небу: — Корабли были деревянными, а люди — железными!

Вот и мы с Саней ходим по потемневшей от времени тиковой палубе «Катти Сарк», спускаемся вниз,

в твиндек. Укрытые рогожей сундуки с чаем, тугие тюки с австралийской шерстью — это был основной, генеральный груз клипера. Еще ниже — 22-местный кубрик, низкий и темный, освещавшийся лишь керосиновыми лампами. В кормовой части — выставка: модели, чертежи, документы, мореходные инструменты, личные вещи капитанов. В трюме клипера — раскрашенные резные носовые фигуры кораблей ушедших веков из коллекции знаменитого капитана Камберса.

Здесь, на «Катти Сарк», и воздух пропитан той романтической эпохой, когда подгоняемые ветрами всех широт, срезая гребни волн, бороздили океаны красавцы-клипера.

Под форштевнем вскипала пена, тянулась вдоль бортов, сливалась с кильватерной струей. След тянулся на много миль, растворяясь в бесконечности океана. Из Европы в Китай и Австралию и обратно — с грузом чая или шерсти — клипера должны были штормовать вдоль Атлантики и поперек Индийского океана, дважды обогнуть мыс Доброй Надежды, бороться с тайфунами Китайского и Яванского морей, держать курс в штиль. Капитаны и матросы боготворили свои корабли. Капитан Бур-

гонь говаривал о своем клипере: «Делает все, как разумный, только разговаривать не умеет». О «Фермопилах» слагались легенды: «Этот клипер делает семь узлов при таком слабом ветре, который не задувает пламени вынесенной на палубу свечи!»

А какие им давали имена: «Властелин морей», «Вестник рассвета», «Пылающий крест», «Утренняя фея»... Но история сохранила нам лишь этот — с коротким и резким именем «Катти Сарк».

«Катти Сарк» — «Короткая Рубашка». Почему дал это имя своему чудо-клиперу лондонский судовладелец Джон Уиллс, — не знают даже старые моряки. Может быть, потому, что это имя героини поэмы Роберта Бернса? А Роберт Бернс родился в Шотландии, и в Шотландии же, в маленьком городе Думбартон, близ Глазго, был построен корабль...

Но точно известно: Джон Уиллс задумал построить такой клипер, которому не будет равных на всех океанах. И построил. С помощью молодого гениального конструктора Геркулеса Линтона.

Необычайно острый корпус. Ширина смещена не в нос, как у старых кораблей, а от миделя на корму —

Британская «Рона-2» — одна из быстроходных яхт.

мощная корма будет защищать от попутных штормовых волн. Мачты — ниже. Реи — длиннее. Больше прямых парусов, чтобы легче справляться матросам. Корпус обит деревом, но остов корпуса — железный. Под острым форштевнем — резная фигура — ведьма Ненни с вытянутой рукой преследует удирающего Тома О'Шентера, как в поэме Бернса «Том О'Шентер».

Новому клиперу предстоял нелегкий путь — 16 000 миль до Шанхая. Джон Уиллс стоял на берегу и смотрел вверх, на мачты высокого корабля. Он не проронил ни слова, только смотрел в небо, где белые паруса обгоняли быстро бегущие облака. На нем был безукоризненно белый новый костюм и ослепительно белый старый цилиндр, который Джон никогда не снимал, за что и был прозван «Старой Белой Шляпой».

Но Джон Уиллс не был «шляпой», хотя и построил парусник в то время, когда высокотрубные паровые бриги и барки, извергая клубы черного дыма, завоевывали океанские просторы, вытесняя «пленников ветра». Да, Джон Уиллс принадлежал к

С утра до вечера весь Эдинбург на набережных порта Лит.

Самая симпатичная команда — на английском бриге «Роялист».

тому типу англичан, что без ума от парусных кораблей. Он ненавидел «коптивших небо». И еще. Он знал простую истину: за океанский ветер не надо платить!

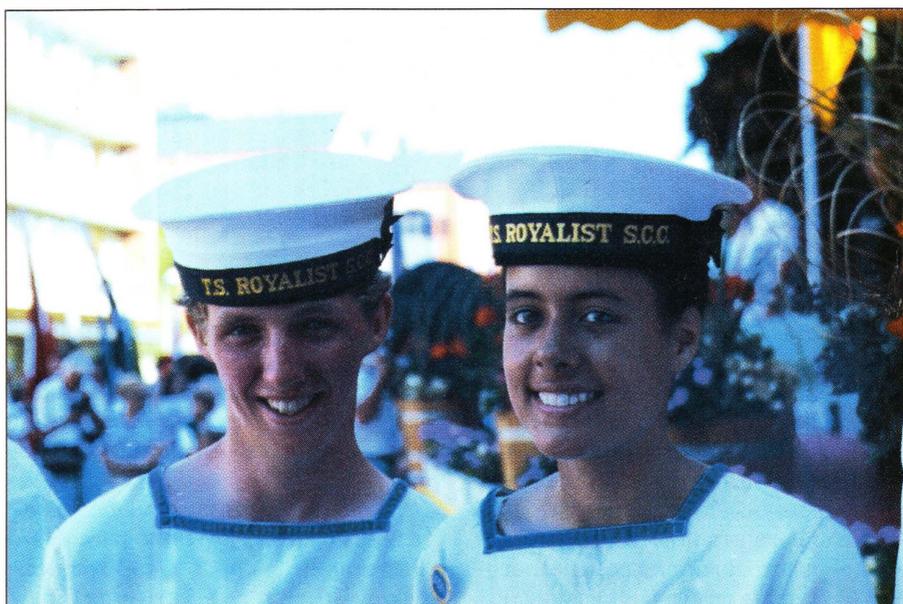
«Катти Сарк» ушла в свой первый, «девичий», как говорят англичане, рейс в 1870 году, а вернулась на Темзу, в Гринвич, на свою «вечную стоянку» 10 декабря 1954 года.

Сколько раз за свои восемьдесят с лишком лет гордый клипер обошел земной шар! Сколько раз терял паруса, разорванные штормами, тайфунами, ураганами! Сколько раз проигрывал чайные гонки и сколько раз побеждал! А какие знаменитые капитаны стояли на его мостике — капитан Мьюди, капитан Мур, старый морской волк Ричард Вуджет. Под командованием Вуджета, который между морскими делами спокойно изобретал... велосипед оригинальной конструкции, «Катти Сарк» обошла своего вечного соперника — клипер «Фермопилы».

25 июня 1957 года королева Англии открыла на «Катти Сарк» Музей парусного флота. На стене сухого дока были выбиты слова: «Здесь сохраняется «Катти Сарк» как памятник своего времени, как дань уважения людям и кораблям эпохи Паруса».

Эдинбург. Порт Лит

Да, странная вещь — путешествие. Вот только что мы штормовали с другом Саней на «Катти Сарк» в ревущих сороковых, а уже и Лондон далеко позади, и тянется придорожная Шотландия. За окном довольно унылый пейзаж, и я достал блокнот, чтобы записать что-то о «Катти Сарк», но провалился в сон. И тогда появился старик Вуджет. Он сказал мне: «Слушай, приятель, путешествовать в прошлом ничуть не хуже, чем в настоящем...» Когда проснулся и посмотрел в окно, глазам своим не поверил: не сон ли это? Передо мной плыла... скала! Нет, сказочная гора, поросшая лесом, на темной вершине которой стоял замок, окруженный каменной стеной. А внизу скакали же-

лезные всадники меж сине-белых облаков. И этот замок, и гора были как бы в центре площади, в центре города, по улицам которого медленно двигался наш автобус. И солнце стояло высоко. Я понял, что мы в Эдинбурге, но который же час?! Был полдень. И это вместо восьми часов по расписанию?! А вдруг они не ушли?! Я рванул на улицу, взял такси и стал лихорадочно искать глазами: где высокие мачты? где парусные корабли?

— «Порт Лит», — прохрипел водила...

Вокруг были красивые каменные дома-крепости с резными башнями, были очаровательные романтические пивнушки, были даже мужчины в клетчатых юбках, и не было только высоких мачт. Я поставил чемодан

на булыжный тротуар и закурил. Что же делать? Побродить по Эдинбургу, купить путеводитель и передуть оттуда для «Вокруг света» парочку исторических анекдотов с отсечением голы Марии Стюарт, несчастнейшей из королей?

И тут мой глаз, усиленный двумя с половиной диоптриями, увидел... о-о, милые сердцу белые форменки с голубыми гюйсами!

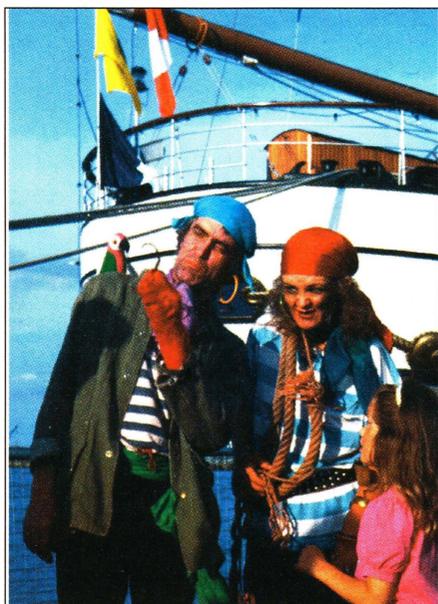
Я бросился к ним.

— Ребята! Вы с «Крузенштерна»?

Они как-то недоверчиво посмотрели на меня, но заговорили по-русски:

— Не-е-а... Мы из Мурманска. Пришли на «Седове».

— И «Седов» здесь?! Мне же сказали, он на ремонте.

— Не-е-а... Мы уже три дня здесь стоим.

— А где «Крузенштерн» стоит?

— Рядом с нами. Отсюда с километр...

Вливаюсь в поток людей и уже знаю — он течет к большим кораблям, высоким кораблям, тол шип — и ничто теперь не собьет меня с курса.

Взрослые, дети, с рюкзаками, с кучей фотоаппаратов, на велосипедах, коляски с немощными, нарядные дамы, шуты, клоуны; сувениры, модели парусников, морские фуражки, мороженое, пиво; вот дама в костюме адмирала с черной повязкой на глазу, вот пираты танцуют джигу и учат детей кататься на бочке, вот уже слышны звуки оркестра — шотландского! — я слышу, как дышит волынка... А вот и они, мачты высоких кораблей!

Раз в году, в один из портов мира — в Нью-Йорк, Киль, Плимут или, вот как сейчас, в Эдинбург — слетаются эти остроклювые птицы ушедших веков, чтобы люди верили в мечту, чтобы знали — живы еще «пленители моря», «глотатели широт», «бегущие облака» — барки, фрегаты, бригантины... И событие это названо в честь блистательного клипера «Катти Сарк». «CUTTY SARK» — TALL SHIPS' PACES». — «Пути Высоких Кораблей».

Судьбы кораблей, пожалуй, еще более причудливы, чем судьбы людей. Все мы, или почти все, всю жизнь носим данное нам при рождении имя. Корабли же... Вот португальский «Сагреш», рожденный в Гамбурге на знаменитой верфи Блом

энд Восс, он же немецкий «Альберт Лео Шлагетер», он же «Гуанабара» из Бразилии, трехмачтовый барк. Он пришел сюда, обогнув всю Европу, красуясь парусами с алыми крестами, как память об эпохе «Непобедимой Армады».

Почти уткнувшись в корму «Сагреша», стоит наш «Седов», на котором из холодного Баренцова моря, огибая Скандинавию, пришли курсанты Мурманской морской академии. Это четырехмачтовый барк, огромный, почти 60 метров высотой, стальной, самый большой в мире (экскюз ми, милый романтик из аэропорта Хитроу, я тогда торопился, я маленько соврал тебе — «Крузенштерн» чуть-чуть пониже и поуже «Седова»). Барк построен в Киле в 1921 году, и его «девичье» имя «Коммодор Йонзен».

Вот и он, наш красавец «Крузенштерн», черный как смоль, с белыми полосами вдоль бортов и белыми обводами вдоль несуществующих портиков пушек. Он стройнее «Седова», тот чуть раздался в ширину, но ведь «Седов» и строили уже с двигателем. А «Крузенштерн» строили как классическое парусное грузовое судно, это уже позже поставили машины. Но, погодите минутку, я все расскажу о нем, дайте только подняться по трапу и обосноваться на борту. Я подхожу к трапу.

Вахтенный матрос (курсант Балтийской морской академии, потом выяснится — просто Миша) говорит по-английски. Меня на трап не пускает.

— Извините, в данное время «Крузенштерн» закрыт для приема посетителей.

Пираты — не последние люди на празднике моря.

«Право на борт!»

— Я — не посетитель, — отвечаю нахально, ощущая на плечах тяжелый груз прожитых дней.

— А кто? — спрашивает вахтенный, растерявшись от того, что ему отвечают по-русски.

— Я — из «Вокруг света».

— Тогда я позову вахтенного помощника. — Берет радиотелефон: «Алло! Тут вот пришел «Вокруг света»...»

Появляется ладненький, выутюженный, при параде молоденький штурман.

— Здравствуйте. Капитан у себя в каюте. Пойдемте.

Когда мы вошли, капитан сидел за письменным столом и что-то писал.

— Входите, — сказал он, не поднимая головы. — Извините, минутку.

Я стою перед ним, он дописывает, встает, протягивает руку:

— Добрый день! Капитан Геннадий Васильевич Коломенский...

Теперь, конечно, Геннадий Васильевич. А тогда, на регате 74-го года — третий помощник капитана Гена Коломенский. То же полноватое лицо, те же усы, только теперь седые, но та же великолепная улыбка...

Последний из «Летающей линии Пи»

-Мы стояли на ремонте в Германии, — сказал капитан, — и там, для испытаний корпуса на износ срезали пробы стали. У «Крузенштерна» сталь крупновская, какая-то особая, с секретом. Я в воду бросил гвоздь и эту пробу стали. Гвоздь уже проржавел и развалился, а этот, смотри, блестит как новенький. — И он протянул мне стакан с водой, на дне которого лежали железки.

Так начался наш разговор о «винджаммерах» — «выжимателях» ветра, которые строились до конца двадцатых годов нашего века и к которым принадлежал «Крузенштерн».

...Последний романтик парусного флота и крупный владелец земель в Южной Африке одновременно — Фердинанд Иоганн Лайеш, как и его английский коллега Джон Уиллс — «Старая Белая Шляпа», — ненавидел «копивших небо». Он первым предложил строить стальные парусные гиганты. Хороший ход и вместительные трюмы — все, что требовалось от них.

Все моряки видели развевающийся на ветру голубой выпел с инициалами судовладельца-романтика — «FL». Но моряки в портовых кабаках, за кружкой эля или рюмкой шнапса убеждали друг друга, что эти буквы означают ничто иное, как «flying-p-liner» — «Летающая линия Пи». Так прозвали компанию Лайеша, все барки которой носили названия, начинающиеся с буквы «пи».

Дул попутный ветер, парусник, действительно, летел, а моряки, после тяжелой вахты устраивали перекур на полубаке и поговаривали: «Ну, гамбургские потаскушки уже выстраиваются в колонны!» И все-таки век был неумолим. Один за другим стальные барки покидали моря — одни разбивались о скалы, другие, попадая в жестокий шторм, теряли управление, переворачивались и шли на дно.

Четырехмачтовый барк «Памир» — краса и гордость «Летающей линии Пи» — шел из Буэнос-Айреса в Гамбург. На борту — 86 человек экипажа, из них — 54 кадета. В трюмах — 4000 тон ячменя. Ячмень не упаковали в мешки, просто ссыпали в трюмы, потому что торопились с выходом в море — наступала пора ураганов.

21 сентября 1957 года, на рассвете судно попало в жестокий шторм. Его настиг ураган «Кэри».

Команда еще пыталась убрать верхние марселя, но ветер не позволил даже опустить марса-рей. Не удалась попытка и срезать паруса ножами. События нарастали с ужасающей быстротой. К полудню ураган вырвал все передние паруса. Судно стало ложиться на левый борт, планширь ушел в воду, а через сорванные заглушки вентиляторов и капы трапов вода хлынула в жилые помещения.

Все попытки устранить крен были безуспешны — вскоре он достиг 40 градусов. Зерно в трюмах ссыпалось на один борт. В 15 часов 3 минуты был дан последний сигнал «SOS». Через несколько минут «Памир» опрокинулся вверх килем и ушел в бурлящую пучину... «Памир» погиб. От «Летающей линии Пи» остался лишь барк «Падую», он же — «Крузенштерн».

Команда «Крузенштерна» принимает мэра Эдинбурга.

В шестьдесят первом году мы еще не знали, что вот-вот наступит Карибский кризис, но военные уже готовились к самому страшному... Тогда к нам на кафедру океанологии МГУ приехал капитан I ранга Митрофанов Петр Сергеевич и отобрал на практику ребят, собиравшихся заниматься акустикой океана. И вот мы вчетвером — Славка, Костя, Андрей и я — отправились в еще разрушенный Кенигсберг, ставший Калининградом, потом в закрытый порт Балтийск, где у причала уже готовились к походу два парусника под военноморскими флагами — «Седов» и «Крузенштерн». Мы все попали на «Крузен». Полгода проторчали в Бермудском треугольнике, хотя в то время еще не знали, что он такой таинственный. У нас секреты были свои — на «Седове» взрывали, на «Крузене» слушали и писали звук. Но больше я вам секретов выдавать не буду, хотя тогда американцы все знали, они над нами кружили с утра до вечера на своих «каталинах» и однажды даже сбросили тюк с ветчиной (перехватили нашу связь и

узнали, что с едой у нас туговато). А потом на Бермудах мы с ними играли в футбол, а губернатором острова был дядя королевы. Я с ним здоровался за ручку, так что с английским двором у меня большие связи. И еще не секретное: в Атлантике тогда бушевали один за другим ураганы с ласковыми женскими именами, и мы все время убегали от них, а потом в один все-таки вляпались, но ничего, обошлось. Правда, свиньи в загородке на носу отчаянно визжали, а потом мы их съели. А еще у нас на «Крузене» был песик Поплавок, который любил во время авралов гоняться за матросами, но только на палубе, на мачту не лез. И еще он любил фотографироваться рядом с акулами, вытасканными на борт. Потом песик исчез... Во время шторма. Не уследили. Я уже многих с «Крузена» позабыл, а Поплавка помню. Странная это вещь — путешествие в прошлое...

Потом я на материале «Крузена» писал дипломную работу. Секретную. А сейчас посмотрел, хотел что-нибудь для «Вокруг света» взять, да только ничего не понял. А с Карибским кризисом, как известно, все обошлось.

Но я что-то опять попал в два измерения, вот стучу ночью на пишущей машинке, а ведь на самом деле я на Крузенштерне», в порту Лит, и в Шотландии уже вечер.

Принца Филиппа не было, но была принцесса Анна

В Москве меня неверно информировали: говорили, что старт утром 15-го июля. А на самом деле уходит мы из Эдинбурга 18-го, и нас будет провожать принцесса Анна. Принца Филиппа не будет. Я уже знаю, что у меня осталось два дня, чтобы все обегать, разузнать и кое-что даже сфотографировать. Поэтому я еще немного расскажу о том, что творилось в те дни в Эдинбурге.

...Уже вечер, облака, нависшие над мачтами кораблей, почти черные. И вдруг они загорелись по краям от лучей заходящего солнца, вспыхнули, погасли и провалились во тьму. А по-

том вспыхнул порт Лит — это на всех парусниках зажглись гирлянды лампочек, огни бежали от вершин мачт на бушприт и корму, зажглись огни на всех реях, огни падали в воду, и на черной воде покачивались светящиеся силуэты кораблей...

На какое-то мгновение замер, застыл весь порт, затих шотландский оркестр, а потом разорвал тишину торжественным маршем, и, перебивая марш, загремели залпы салюта — палили пушки маленького корабля в глубине темной гавани. И в ночном шотландском небе разорвался салют, ослепительный клубок, и над морем, над парусниками, над всем городом повисли ветви золотистого небесного сада, осветив все, что называлось «Катти Сарк» тол шип рейс». Пушки палили и палили, и разрывались бутоны — красные, оранжевые, зеленые...

Два дня бесконечного праздника Паруса. Команда «Сван фан Маккума», вырядившись в подданных морского царства, несла на плечах юную русалку-королеву; кадеты «Белль Пуль», французской яхты, поливали хохочущих шотландцев из водяных пистолетов, а в черные мундиры военных кадетов с «Сагреша» летели бомбы с мукой; и танцевали, и плясали, и кружились феи шотландских сказок, шли за колонной колонны веселых юных моряков — по Принцесс-стрит, через Лейт-стрит и исчезали в растворяющемся блеске праздника... И в ночи светилась огромная скала-остров. Внизу лежал Эдинбург, удивительный город с улицами, уходящими в небо...

Замолкли пушки, кончился марш. В ночи заревел мощный гудок буксира, уводившего португальский «Сагреш» в море. Потом все корабли, участники Регаты, гудками провозжали «Седова»; потом медленно поплыл в ночь, в море и наш «Крузенштерн».

Утро следующего дня словно сошло с акварели. В голубой дымке мимо скалистых зеленых берегов с забытыми каменными замками один за другим, подгоняемые легким ветром, прошли вдоль королевского корабля «Куин Элизабет-II», с которого принцесса Анна приветствовала участников Регаты, барки, бриги, яхты, йолы...

Старт гонок высоких кораблей был назначен на 18.00

«Все наверх паруса ставить!»

Уже за час до старта все парусники лавировали близ полуторамильной невидимой линии, протянувшейся между двумя военными кораблями. Вся палубная команда и курсанты по авралу построены на палубе. До старта остается пятнадцать минут — отданы косые паруса. Но... ветра нет. Полный штиль, ровное, как зеркало, море. В штурманской рубке капитан и все помощники ведут переговоры по радио. Старт отложен до 20.00. Через полтора-два часа метеорологи береговой службы обещают хороший попутный ветер. Но кто верит метеорологам?! Да и откуда прилетит ветер за два часа? Но с палубы никто не уходит — а вдруг?

Я бы не поверил, если бы не видел собственными глазами: через час зеркало моря потемнело, солнце закрыла тучка, из-за горизонта приплыли другие, по воде побежала рябь, а потом возникли волны. И вдруг потянул ветер — хороший свежий ветер, и все, словно подгоняемые этим ветром, забегали по палубе. Боцмана мачт схватились за свои рупоры, палубные матросы задрали головы, а курсанты бросились к своим мачтам, к гитовым и горденям. Словно рыбаки, готовят снасти, чтобы закинуть невод в море и поймать кита. И все корабли потянулись к стартовой линии, как будто ведомые силой магнита. Капитан Коломенский ходил взад-вперед по мостику, то смотрел вверх на реи, то в бинокль на суетящиеся корабли и все что-то кричал своим помощникам. Это потом он раскрыл свой секрет, свой замысел, выношенный в многочисленных гонках, — нужно при этом ветре, силой в 4-5 баллов, занять позицию севернее «Седова», основного соперника в классе самых больших парусников. И это ему удалось... бы! Если бы один из пассажиров, которых взяли в Эдинбурге на борт, некстати не запросился на берег... домой. Ему уже наскучило это море! Он сыт по горло! Он замучил всю штурманскую рубку, умолял радиста вызвать катер патрульной службы. «Я не видел, — сказал потом капитан, — но, говорят, он плакал. Минут через пятнадцать подвалил

катор, спустили трап, и по нему счастливый неудавшийся мореход перебрался в объятия дожух шотландцев. Он помахал приветливо ручкой, и катор исчез. Грохнули пушки — старт! А «Крузенштерн» так и не забрался севернее «Седова». Северное море уже покрылось белыми парусами. И лишь один был зеленый — все три мачты с зелеными парусами — немец «Александр фон Гумбольдт». Нет, он не был «зеленым», любителем экологии, это был «генеральный» цвет пивной фирмы «Бек», патрона парусника.

И все-таки правы англичане — нет ничего прекраснее парусного корабля!

— Аврал! Все наверх паруса ставь!

— Пошел наверх отдавать паруса!

— Веселее, веселее выбирать!

— Фор-стен-стаксель, бизань ставить! — орал в рупоры боцмана мачт.

Этот день не забудется никогда. Да, Северное море все-таки подарило нам свежий попутный ветер. Внезапно барк стал напоминать гигантский растревоженный муравейник — переплетение мачт, реев, вант и маленькие черные точки — курсанты, снующие на огромной высоте, шум ветра, крики команд. Качнулся свод небес — и в мире больше ничего не существует, кроме этого сильного ветра, этой огромной высоты, этих упругих канатов. Все разговоры будут потом. А сейчас — только уходящие из-под ног реи, только рвущиеся из рук паруса.

Паруса отданы. Ветер наполняет их, они набухают, оживают, трепещут, дышат — серебристые, дакроновые, легкие. Судно вздрагивает, прибавляя ход, острый бушприт рассекает воздух, и пенный след уже тянется за кормой...

Теперь день за днем — ставить одни паруса, убирать другие, ловить ветер. Все теперь решает ветер. И опыт капитана, и точность его помощников, и слаженность всей команды. И азарт! Азарт борьбы. Правы старые капитаны — моряк начинается с паруса. Молодые парни, будущие капитаны, должны чувствовать каждый порыв ветра, каждое движение моря — море остается суровым и подчас жестоким, и ты не должен бояться ничего, должен быть готов в любую минуту — ночью, в шторм, когда нет ни неба, ни воды,

а одна лишь гудящая, слепящая стихия, — ты должен мчаться на самый верх мачты, на самый конец падающего в бездну рея, чтобы твое судно уверенно шло через океан...

И лишь когда на море опустится ночь, когда на мачтах зажгутся ходовые огни, а на небе — звезды, когда в темном углу полубака засветятся огоньки сигарет, — ты поймешь, как это лихо с небес спускаться на палубу...

— Слу-у-шай, а как дунуло там, наверху... И вдруг рей перпендикулярно стоит! Ну, думаю, смэ-э-рть.

— Старый, а, старый, а там красота какая! Говорил же боцман: «Океан можно увидеть только с бомбрам-рея!»

Светятся огоньки сигарет и исчезают все разом — курсанты бросились к борту. Темный силуэт парусника выплывал из темноты и уходил за корму «Крузенштерна». У нас скорость больше?!

— Кого это мы делаем?! Старый, ты видишь?

— Да это поляк, «Дар млодзежи»!

«Мы вас сделаем!» Это наши ребята орут английскую песенку, хит альбома «Куин», орут и топают в такт ногами: «Мы вас сделали».

На польском барке свистки, крики команд, и все это проваливается в темноту. «Мы вас сделали».

А из штурманской рубки самые последние координаты «Седова» — он нас «сделал» уже на восемь миль!

Ко мне подбегает курсант Миша:

— Вы слышали? «Седов» нас...

— Да слышал, слышал.

Кто выиграет гонку?

Невидимая линия пересекает вход в Гельголандскую бухту — ворота немецкого города Бремерхафен. Это линия финиша, к которой бросились наперегонки все двести парусников. 21-го июля 1995 года, в 11 часов 46 минут по Гринвичу русский мурманский барк «Седов» первым из всех больших и малых кораблей пересечет эту линию. «Крузенштерну» в этот момент останется пройти еще шесть с половиной морских миль. В этот же день, в 13 часов 46 минут 46 секунд, «Крузенштерн» пересе-

чет линию финиша. И тогда с берега, из официальной службы гонок сообщат, что...

Но до этого еще двое с половиной суток, наполненных изменчивыми ветрами Северного моря.

«**Д**оброе утро! — говорит радио в каюте голосом третьего штурмана. — Судовое время 7 часов, ноль минут. Сегодня 19 июля, вторник... Судно следует курсом...»

Я выбегаю на палубу. Солнце, ветерок слабенький, но есть. Нижние паруса убраны, они только мешают при таком ветре. Заглядываю в штурманскую рубку — «Седов» ушел вперед на 12 миль, скорость у него на два узла больше. Плечусь завтракать, сижу рядом с капитаном. Молчу. Он попивает чай и смеется:

— Так и должно быть. При таком ветре у него всегда скорость больше.

— Почему?

— А, долго объяснять. Тут и конструкция, и то, что его сразу строили с двигателем, а мы же — классическое парусное судно, нас переоборудовывали, двигатели поставили потом. Я даже велел воду перекачать...

Вдруг капитан к чему-то прислушивается и убегает из кают-компания. Я за ним.

Он бегаёт по палубе, приседает, смотрит туда, смотрит сюда, зовет боцмана первого грота, что-то тому показывает, боцман хватается за рупор, кричит: «Курсанты на гитовы и гордени!» Вам понятно? Мне тоже. Но «Крузенштерн» прибавляет скорость. И так целый день.

«Доброе утро. Судовое время 7 часов ноль минут. Сегодня 20 июля, среда. Судно следует курсом 115 градусов. Пройдено 160 морских миль до линии финиша 166 миль. Идем со скоростью 5,2 узла...»

Ветер... ветер... ветер... Одни лишь разговоры о ветре.

«Доброе утро. 21 июля...»

Захожу в штурманскую рубку. «Седов» за ночь оторвался уже на 66 миль. Его догоняет новенький легкий «Сван фан Маккум». Это те ребята, что на Эдинбургском параде носили на плечах русалку. Через полчаса опять бегу в рубку. Вахтенный штурман смеется взахлеб вместе

Два основных соперника в гонках — «Седов» и «Крузенштерн».

Первый этап гонок «Катти Сарк» закончился в немецком порту Бремерхавене.

с радистом Андриюшей. По радиотелефону «Сван» дал срочное сообщение: «Слушать всем судам!» Что случилось?

«Сван»: «Официально заявляем. Нам надоело гоняться». Возмущенные голоса в эфире, а «Сван» продолжает: «Мы выходим из гонок. Мы хотим пить пиво!» Эфир смеется. «И мы к вам идем пить пиво!» «Сван»: «Выставляем ящик пива тому, кто первым подойдет к нам». Другие суда: «Идем, идем!»

Регата регатой, но должно быть весело — вот лозунг датчан.

К обеду нам оставалось 23 мили, и скорость была 6 узлов. Хорошо. А где «Седов»? «Седов» всего в пят-

надцати милях от нас! «Что случилось?» — спрашиваю у капитана. Он смеется: «Это у них надо спросить».

Штурман, который принял ошеломляющие координаты, — герой дня. А этот «пивной» «Сван», оканчивается, уже финишировал, но его результат не засчитан. Странны дела твои, Регата! И я решил пошутить.

— Говорят, мы выиграли гонку, — говорю капитану.

— Кто сказал?

— Капитан Коломенский.

— Я ничего не знаю.

Он покружил на месте и шмыгнул в штурманскую рубку. Потом снова

появился на палубе с ухмылкой во все лицо:

— А я и не знал, что это я сказал. Действительно, мы выиграли гонку!

Я хотел было попросить объяснить все тонкости гонок, но тут он произнес:

— Чтобы выиграть гонку, не обязательно прийти первым.

— Где-то они прозевали, проспали на «Седове», — сказал мне потом капитан. — Я же вам говорил, что надо за всем следить непрерывно. Мы как 17 числа вышли, я даже не разбираю койку. А могли руки опуститься. «Седов» же еще вчера был всего в тридцати милях от финиша. Всего! Они, как на старте оторвались, так и расслабились — соперников-то не видно. Конечно, коэффициент нам помог, но дело разве только в коэффициенте?

Полночь... Лоцман ведет наш «Крузенштерн» в узкости близ Бремерхавена. Сначала накрапывал дождь, а потом хлынул ливень, и случилась странная гроза — сплошные облака, стрел молний за ними не видно, и только где-то вспыхивает ослепительный призрачный свет, и тогда в небо врезаются черные кресты мачт и реев, и корабль плывет во вспыхивающей сфере. Странно устроена земля — то день, то ночь, то солнце, то ливень, чистая вода и льды, песок и камни...

Самое милое дело в такую ночь почистить трубку, набить ее табаком и пустить кольца душистого дыма...

Ушел этот прекрасный день. Ему не крикнуть: «Постой! Остановись!» И, только ощутив шум ветра, шум времени, уносящий корабли в бесконечный мир, мы поймем, почему так привязаны к берегу и так хотим уйти от него.

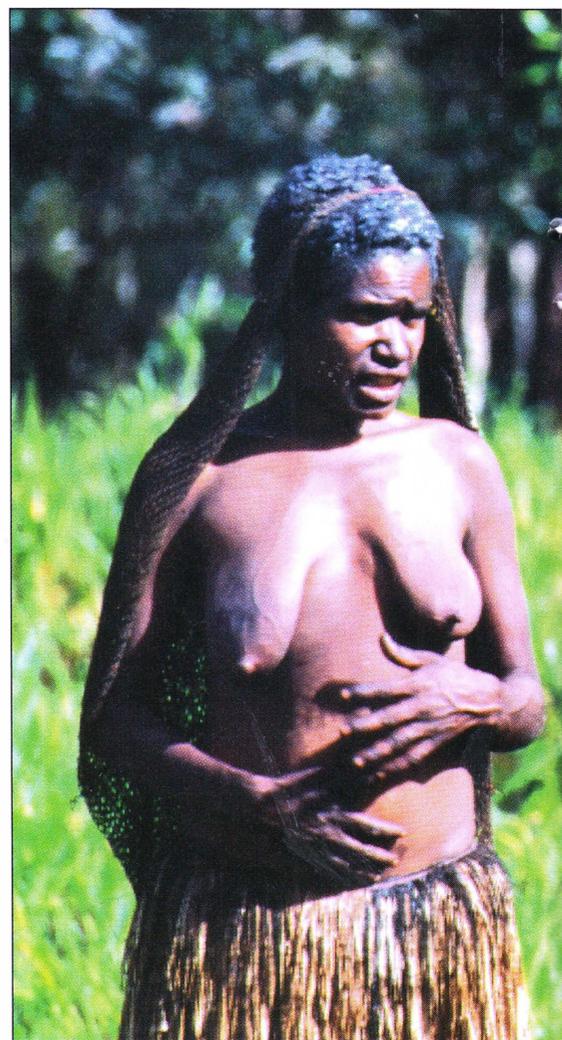
Эдинбург —
Северное море —
Бремерхавен

ЯЦЕК ПАЛКЕВИЧ,
итальянский путешественник —
специально для «Вокруг света»
ФОТО АВТОРА И
ИГОРЯ МИХАЛЕВА

Прощание с первобытным миром, или Путешествие к последним настоящим дикарям Новой Гвинеи

Я прошел многие широты, без усталости отмечая последние чистые оазисы Земли, чтобы показать, что они еще есть, что надо приложить все усилия и

уберечь их; я добрался до недостижимых, казалось бы, уголков Земли в поисках древних культур маленьких исчезающих народов. Как часто я поспевал туда буквально в последнее мгновение, присутствовал при переходе из вчера в сегодня и не скрою, что не раз мне приходилось попадать в места, где нельзя было найти даже следов народа, который заселял их до недавнего времени...

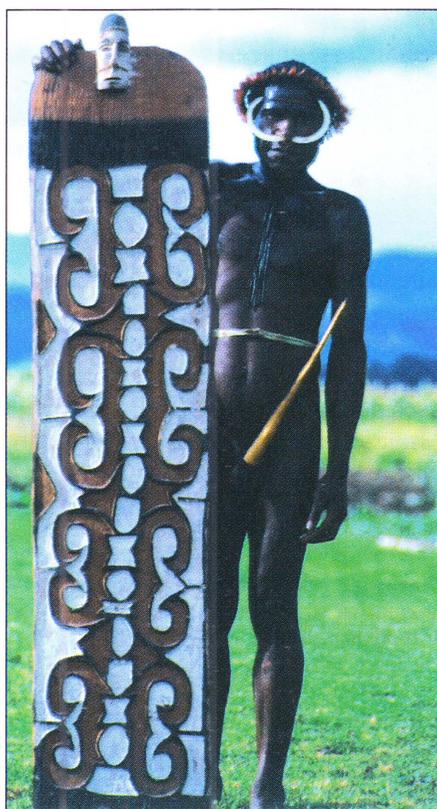
Совсем недавно я организовал экспедицию в каменный век, в Западный Ириан-Джая, западную часть Новой Гвинеи. Целью экспедиции был неисследованный район в глубине огромного острова, где люди живут первобытной жизнью, где джунгли самые непроходимые, а реки опаснее, чем в любом другом уголке земного шара. Нам предстояло пересечь порог самого большого из существующих в мире музеев естественной истории, ступить на землю, где каждый неверный шаг мог угрожать смертью.

Много лет назад я пересек Борнео от побережья до побережья, всего 2500 километров. Это была исключительная экспедиция благодаря

Наряд типа «топлес», новогвинейский вариант. В длинной мешковидной сетке, спускающейся с затылка, женщины племени лани носят самую разнообразную поклажу, включая личные вещи, детей и поросят. Вот такая «хозяйственная» сумка, главное — руки свободны.

А вот мужчины этого племени из «одежды» носят только халимы из кожуры кабачка.

множеству пережитых приключений и встрече с даяками, охотниками за черепами. Но путешествие в Ириан-Джая представлялось мне еще более экзотичным и сложным, на одну его организацию ушло более года.

...На поиски прошлого мы отправляемся на маленьком самолете. Пролетаем над ровным ковром джунглей, над извилистыми реками, над невысокими горными хребтами. Потом там и сям в лесу появляются поляны, небольшие пятна, на которых едва можно различить хижины папуасов. И снова обрывы и водопады, чья белоснежная, сверкающая на солнце пена так чудесно возникает из темного чрева леса...

Летать в Новой Гвинее — занятие довольно опасное. Ежегодно из-за туманов несколько самолетов разбивается в горах, часто в тех местах, которые обозначены на карте как «не до конца исследованный район». Пилотам нередко приходится совершать посадку на узенькой полоске земли, на подъеме, или взлетать на спуске, демонстрируя ловкость, мужество и даже способности к акробатике.

Мы приземляемся в Касанавеи на реке Мамберамо среди хижин. Нас с интересом разглядывает толпа папуасов. Взаимные улыбки и огромное любопытство... Потом мы медленно пробираемся по джунглям, среди деревьев, поросших густым мхом и лишайниками. Повсюду растут орхидеи, красно-фиолетовые и желто-оранжевые, белые и красные бегонии и другие тропические цветы, которые вместе с искривленными и покрытыми мхом стволами деревьев создают чарующую декорацию. Проникающий сквозь листву свет усиливает ощущение театральности.

Мы проходим по полянам с брошенными хижинами. Люди племени лани, где бы они ни останавливались, пусть даже на несколько часов, строят хижины из ветвей, бамбука, листьев и папоротника для защиты от дождя.

Начинается «праздник свиньи». Трое священнодействуют у костра, остальные разделяют свиную тушу и готовятся к молитве.

Такие тотемы, вырезанные из дерева, туземцы предлагают туристам в обмен на спички, ножи или кастрюли... Впрочем, иногда дарят в качестве сувенира — чем не новогвинейские миссионеры?

И вот, наконец, крошечная деревенька лани, воинственного племени, за которым еще до недавних пор ходила слава каннибалов. Связи лани с внешним миром до сих пор весьма ограничены. В обмен на ножи, спички и кастрюли нам предлагают гостеприимство в хижине, наполненной едким дымом.

Обитатели деревни — народ удивительный, умеющий жить в совершенной гармонии с природой, добывающий пропитание охотой и земледелием. Мужчины выглядят крепкими и, похоже, гордятся своими халимами¹ из кожиры длинных кабачков, очевидным символом плодovitости. Многие натирают тело свиным жиром, украшают лоб птичьими перьями, нос и уши — кабаньими клыка-

¹Халимы — в научной литературе фаллокрипты, футляры, надевающиеся на детородный орган.

ми, а на груди у них висят яркие ожерелья из раковин. Женщины — маленького роста и неуклюжи, отвислые груди выдают возраст. Они одеты в юбки из растительных волокон и носят на голове длинную сеть, спускающуюся на спину подобно мешку, в котором держат личные вещи, включая младенцев и порослят. Их пальцы часто ужасно изуродованы: это результат ритуальной ампутации в знак траура по родным. Так, палец за пальцем, племя лани жертвует часть себя в память о близких...

Повсюду бродят свиньи. Все важнейшие события человеческой жизни здесь так или иначе связаны с этими животными. Они — не только источник пищи, но и способ мирного разрешения любых споров и заключительная глава соглашения о мире, при котором обмен свиньями необходим.

В нашу честь деревня готовит «праздник свиньи». Кое-кто из жи-

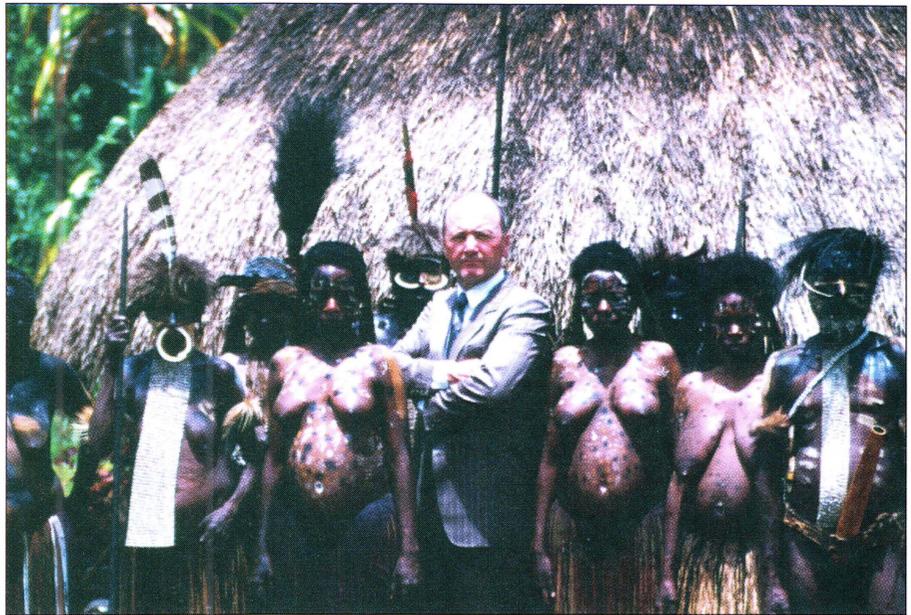
Фото на память. В центре — автор репортажа.

телей чистит ямы для приготовления ритуальной пищи, глубиной сантиметров 70 и шириной в полтора метра. Другие укладывают поверх огромного костра большие круглые камни. В обязанности мужчин входит опалить шетину и разделать свиную тушу острейшими бамбуковыми ножами. Кровь не собирают, а спускают на землю, где, смешавшись с травой, она застывает тошнотворной кашей. Внутренности тоже разбрасывают по сторонам, и на них с людоедским пылом накидываются другие свиньи, пытаясь ухватить кусок покойного отца или дедушки. Наконец разражается драка между свиньями и голодными псами, и продолжается она довольно долго.

Яму выстилают листьями сладкого картофеля, на них наваливают раскаленные камни, вынутые из костра с помощью шестов, а сверху женщины укладывают слои сладкого картофеля, листьев шпината, потом опять камни и недозрелые бананы. И только когда яма заполнена вровень с землей, кладут куски мяса, завернутые в листья имбиря, а поверх снова раскаленные камни. Получившуюся горку покрывают сверху свежесрезанным дерном.

Подготовка к пиршеству длится добрых три часа. Потом мужчины и женщины, отдельными группами, усаживаются вокруг ямы для общей молитвы. Еще час спустя яму открывают и раздают дымящиеся листья с едой. Как гостям, нам подают еду первым, мы выбираем бедро и половину печени, которую даже не удастся прожевать — такая она жесткая — из-за слишком долгой готовки. Ужин проходит в полном молчании, опускается ночь. Под конец возникает оживленный общий разговор.

Я лежу на траве и наслаждаюсь ночной свежестью. По небу расползаются черные, как уголь, пятна, которые на заре сменяются туманом.

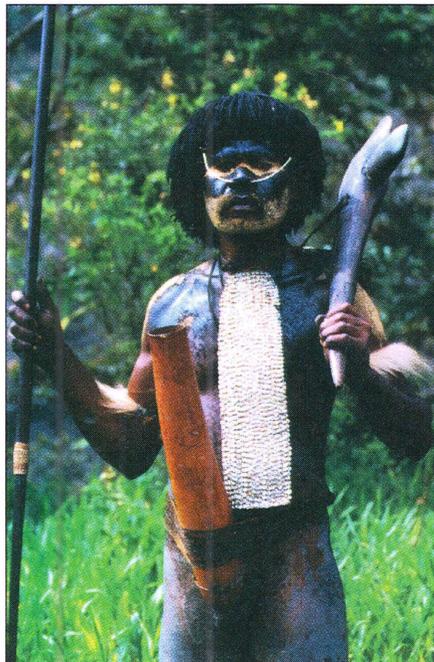

Ранним утром туман наползет на деревню, как клочья дыма, но потом взойдет солнце и принесет обычный дневной зной...

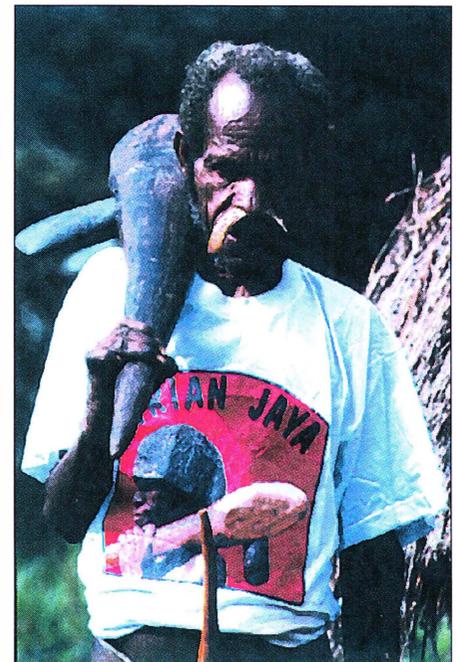
После полных острыми ощущениями дней, проведенных на краю света, мы возвращаемся в Джаяапур; потребуется еще десять часов перелета, прежде чем доберемся до столицы Индонезии. Мы не встретили настоящих людоедов, но один миссионер рассказал нам чудовищ-

ную историю, происшедшую у него на глазах пару лет назад. Тогда в одной из отдаленных деревень лани возникла вражда из-за женщин. Несколько мужчин были убиты, их тела разрубили на части, зажарили традиционным способом и съели.

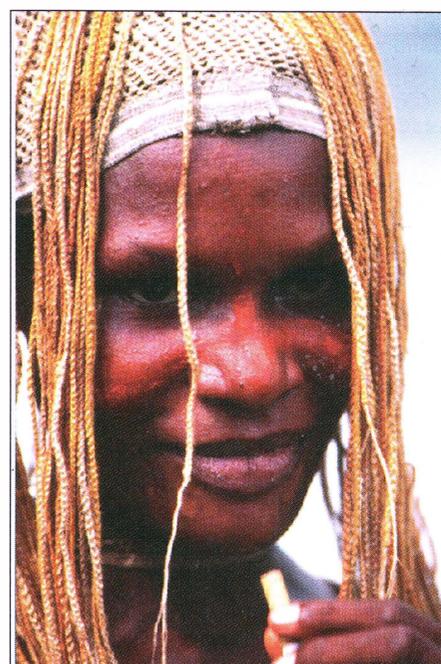
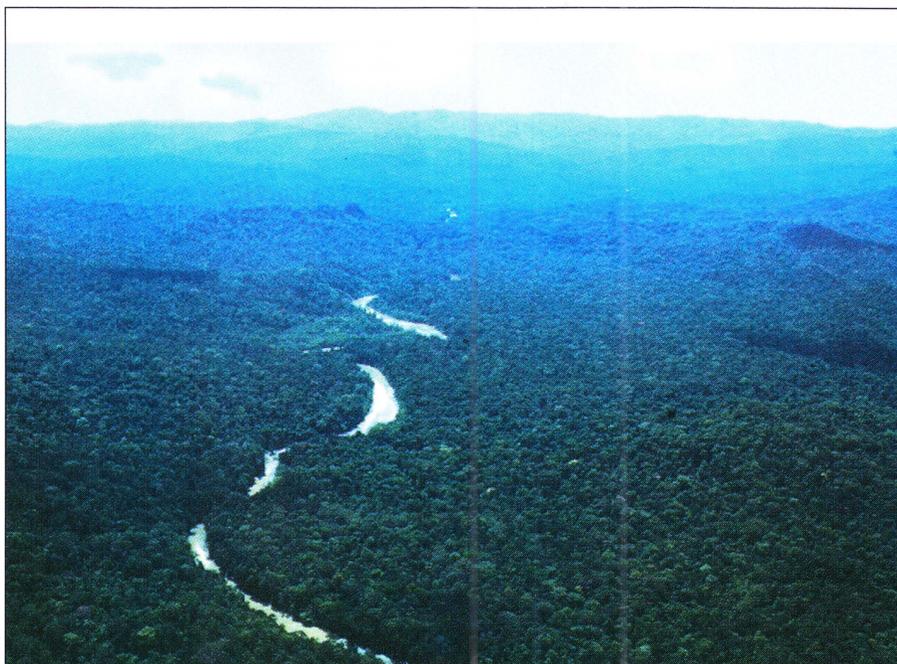
Власти утверждают, что такого больше не случается, но кое-кто уверяет, что в глубине острова, в самых отдаленных и труднопроходимых местах, до сих пор вспыхивают крова-

«Боевое» убранство мужчины из племени лани. В руках — каменный топор и копье, на теле — ритуальные украшения и халим, порой достигающий вот таких размеров.

Этому туземцу, видимо, пришлось по душе майка с фотографией на груди. Чтобы походить на «цивилизованного» человека, он даже взял в руки дубину...

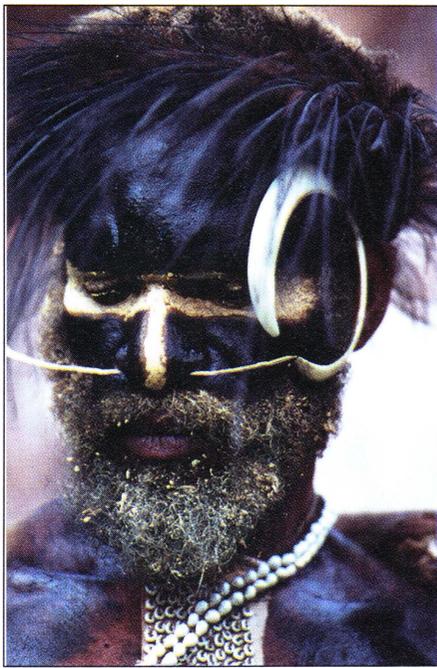
Новая Гвинея. Плот из бамбука — одно из средств передвижения по этой богатой реками земле.

вые битвы между племенами. Эти войны не связаны с дележом природных богатств, они являются продолжением долголетней вражды между кланами. И, конечно, в этих случаях соблюдаются священные порядки древности: поедание тела врага. Этот ритуал имеет огромное символическое значение.

Иные женщины здесь не лишены привлекательности. Вот из-за таких, верно, и возникают межплеменные распри, приводящие к каннибализму.

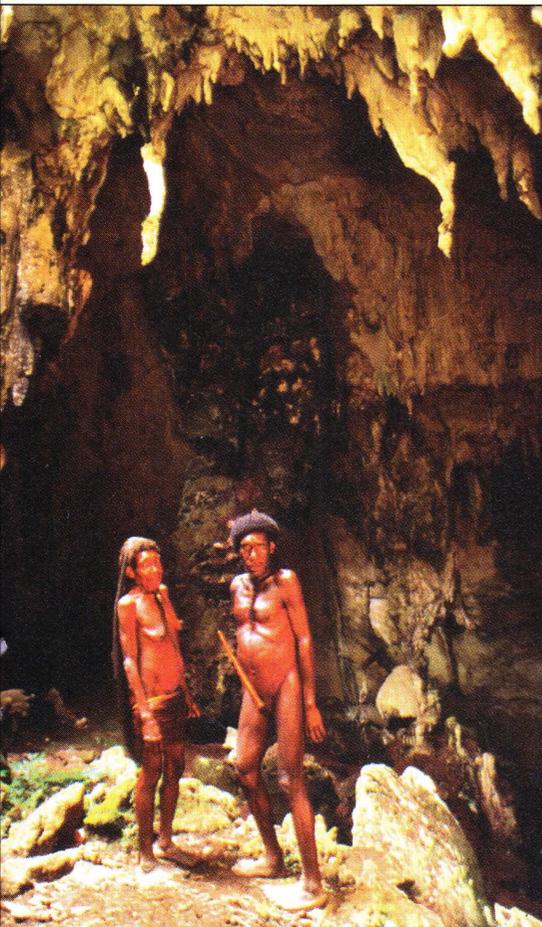
Даже сегодня мы слишком мало знаем о каннибализме. Антропологов, имеющих возможность изучить обычаи людоедства, и миссионеров, поставивших целью искоренить эти дьявольские порядки, — слишком мало. Думаю, что придется однажды вернуться к людям племени лани, чтобы побольше узнать об этом обычае.

Но, говорю я себе, — надо торопиться. И вспоминаю начало этого путешествия, еще до перелета в Касанавейе. Тогда, в долине Бальем, неподалеку от городка Вамена, в одной из деревень, мы повстречали мужчин, чья одежда состояла только из халимов всевозможных размеров, а женщины ходили в соломенных юбочках. Наше внимание привлекла табличка на одной из хижин с надписью: «Мумия». И, действительно, там находилась мумия. Она лежала в ящике грубой работы в глубине хижины, и специально для нас ее вы-

Мужчины в Новой Гвинее тоже хотят выглядеть привлекательно. Но, в отличие от женщин, имеют зможность пользоваться «косметикой».

Жаркое солнце, живописная пещера, полная уединенность...

несли и положили на подставку посреди деревенской площади. Это была мумия старика, черная, высохшая, изъеденная молью и скрюченная. Я хотел было ее сфотографировать, но вождь потребовал входную плату за посещение «выставки». В долларах, плиз!

Мы вернулись в Вамену, и я пошел гулять по рынку, где среди всевозможных овощей и кур-недоростков лежали алюминиевые кастрюли и батарейки для транзисторов. По пути попадались женщины с лицами, вымазанными грязью в знак траура, и мужчины, которые использовали халим для мелочи или сигарет. Они прогуливались вдоль рядов с пластиковыми пакетами и черными автоматическими зонтиками в руках. И тут среди разноцветного товара я увидел красивый отполированный каменный топор, прикрепленный к большой рукоятке. Продавец просил половину того, что за такой же топор хотел его коллега по прилавку. Я заплатил сразу и спросил, отчего такая разница. «А это для туристов, — невозмутимо ответил продавец, — другой топор — настоящий».

У маленького народа, пережившего крушение первобытного мира, уже состоялась самая трагическая, но неизбежная встреча во всей его истории: он столкнулся с белым человеком, а через него — с металлическими ножами, пластмассовыми ведрами, майками, миссионерами, антропологами и даже туристами. За какие-нибудь несколько лет он оставит свой первобытный мир и рванется в пропасть «окультуривания», то есть физической и культурной аннигиляции.

Так что надо спешить к племени бывших (бывших ли?) каннибалов.

Перевела с итальянского
Т. АРАНА

КРУСОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ БАРКА "КРУЗЕНШТЕРН"
1996

ЧЕРЕЗ ЭКВАТОР, ПО СЛЕДАМ «НАДЕЖДЫ»

«И корабль плывет...» Эту фразу мы с фотокорреспондентом Юрой Масляевым теперь можем повторять каждый день, с самого Санта-Круса, первого нашего захода в иностранный порт, до Рио-де-Жанейро, куда «Крузенштерн» прибудет 10 декабря. Говорят, там всюю льют дожди. Это радует, мы до сих пор не опомнились от жары, встретившей нас на Канарах.

30 ноября пересекли экватор. Для нас это — событие, хотя нулевую широту мы будем пересекать еще трижды. По такому случаю моторист В. Волошин нарядился Нептуном, его жена Галя превратилась в златокудрую русалку, а радист Нефедов возглавил команду чертей, состоящую из зарисованных черной краской матросов и юнг. Остальным раздали по пачке долларов, отпечатанных на корабельном ксероксе, — чтобы откупаться от чертей и переодетых пиратов, руководимых боцманом М. Акоюном. Жаль, не удалось оставить хотя бы одну купюру на память, поскольку все фальшивые банкноты пришлось уничтожить сразу после нашего экваториального карнавала.

Вообще, праздников у нас на паруснике мало, мы с утра до вечера занимаемся будничной работой. Но все равно настроение у всех приподнятое — еще бы! Ведь мы участвуем в кругосветном плавании и в точности повторяем маршрут, по которому почти два века назад прошла шхуна «Надежда», ведомая Иваном Крузенштерном. Мы чувствуем себя сопричастными истории.

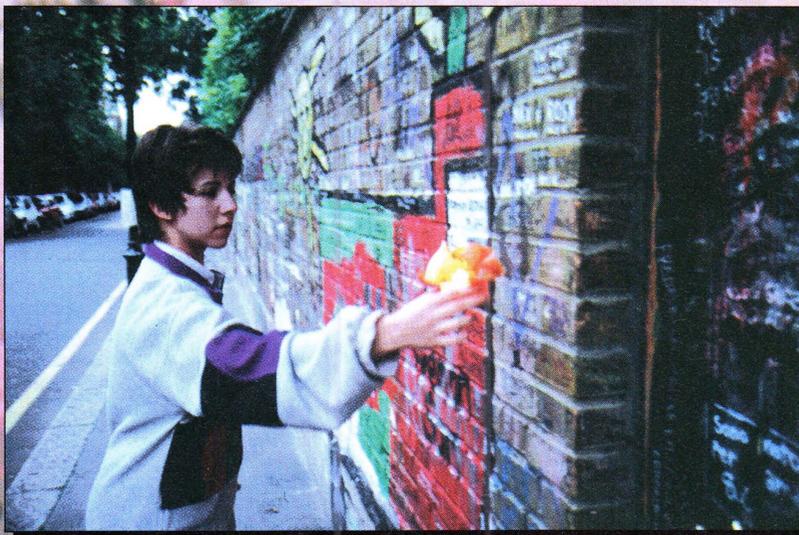
Впереди у нас немало испытаний, в том числе и «ревушие сороковые», и коварный мыс Горн. Океан непредсказуем, никто не знает, какие именно трудности нам выпадут. Одно могу сказать наперед: о ходе нашего плавания мы будем регулярно сообщать нашим читателям.

И. АЛЧЕЕВ,
специальный корреспондент
журнала «Вокруг света» на борту барка «Крузенштерн»

А.БЕРКОВИЧ
Фото автора

СТЕНА

У дома Фредди.
В самые тихие часы
раннего утра.

NOBODY WAS KNOWN
NOW I DID BODY IN
CRAMS JUST AFTER
LEFT ME PHYSICALLY
YOUR FIGHTING SPIRIT
CHANGED THROUGH
ROUND
SWIFT
1991

Рисунки, стихи, слова признания — каждый по-своему оставляет автограф на стене дома кумира.

Эта стена на тихой улочке лондонского района Кенсингтон полностью закрывает вид на дом.

Даже когда смотришь с другой стороны улицы, то видишь только кусочек крыши, в глубине, за садом.

Эта стена отгораживала Фредди Меркури от действительности, его, уже всемирно известного, обеспечивала ему то пространство, что называется «частная жизнь».

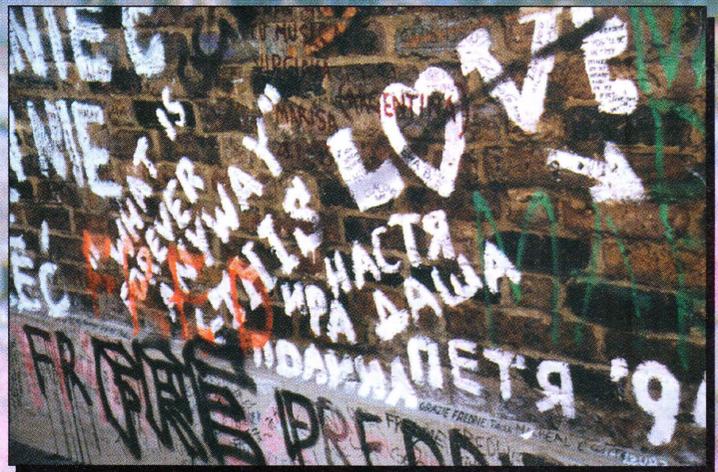
Ему, рожденному на Занзибаре, нелегко дался путь на вершины мировой эстрады, но он добился всего сам и был горд собой.

«Великий Фредди», «Волшебник», лидер «Queen» — он зарабатывал большие деньги и тратил их не считая.

И пел, пел, пел, наполняя счастьем чаши стадионов.

Здесь, за этой стеной, пять лет назад укрылся он, смертельно больной, и умер, призвав друзей и поклонников объединиться в борьбе со СПИДом.

Сюда, к дому Фредди, приходят люди из разных стран, оставляют на стене слова любви, восторга и печали, кладут цветы, приносят свечи, они горят, как вырванное из груди сердце.

ЛЕВ МИНЦ,
наш спец.корр.
Фото ВАЛЕРИЯ КУЗЬМИНЫХ

Священные рощи МАРИИ

*Корно гына воктен ужар шудо,
Корныенже шинча эсенжым*

*У дороги зеленая трава,
путник знает, как она хороша...*

(из «Песен восточных мари»)

Кюсото

В октябре 1959 года, окончив небольшое военно-учебное заведение на Кавказе, я получил предписание «убить в город Йошкар-Ола в распоряжение командира в/ч №...» Я убыл — через Ростов, Лиски, Пензу и Казань — и утром одного холодного дня вышел на йошкар-олинском вокзале. В часть звонить было еще рано, и, чтобы убить время, я обошел зал, подолгу останавливаясь у любого объекта, заслуживающего внимания. Через стекло закрытого газетного киоска виднелись газеты «Марий коммуна», «Рвезе коммунист» и какой-то журнал, судя по рисунку на обложке — юмористический. Слегка изогнув шею, я прочел его название: «Пачемыш» и начало призыва: «Депутат йолташ-влак...» Дальше видно не было, но внизу был русский перевод: «Товарищи депутаты...» Недавно прошли выборы, и, очевидно, депутатам Верховного Совета республики с мягким юмором рекомендовали сидеть, не совет. Стену украшала этнографическая картина: на берегу реки мужчина в косоворотке играл на волынке, другой — на гуслях, а рядом стояли улыбающиеся девушки в белых коротких платьях и очень пестрых передниках.

Я вышел на обширную, продутую ветром площадь, пересек ее и попал к казенного вида зданию с вывеской: «Марийский калык хозяйствоын советше» — было самое время совнархозов. Слева, у автобусной станции стояло несколько человек: двое мужчин в ватниках и сапогах и три женщины — тоже в ватниках. Но из-под ватников виднелись пестрые передники и белые подошвы платьев. Все, совсем, как на картине, хотя и чуть-чуть менее живописно. Поразило меня другое: высоко открытые женские ноги опутаны были толстыми онучами и перевиты лыковыми шнурками, поддерживающими лапти. На картине вместо лаптей нарисованы были изящные красные сапожки. Я и не предполагал, что кто-то еще ходит в лаптях. В раннем детстве, правда, я и сам бегал летом в лапотках за отсутствием другой обуви. Но то была война и эвакуация...

Через час за мной приехала машина, и началась служба — даже не в самом городе, но рядом. В Йошкар-Олу я попадал не часто, но многое запомнилось, особенно, деревенские маришки, поголовно ходившие

тогда в национальных одеждах с красным нагрудником, расшитым старинными монетами и нездешними ракушками-каури. Платок обтягивал голову почему-то не округло, а остроконечно.

...Лишь много лет спустя, оказавшись в Венгрии, я увидел в музее остроконечные деревянные, которые замужние женщины подкладывали под платок, и вспомнил, что маришки и венгры — родственники, хотя и дальние. Дальние-то дальние, но когда я рассказал в Будапеште, что маришкий колхоз рядом с нашей частью назывался «У илыш» — «Новая жизнь», а по-вен-

«Кюсото» —
Священная роща у села
Карамасы. Все остальные
снимки сделаны в роще
у деревни Олоры.
Там же снята
и эта бабушка. В будние
дни и она теперь ходит
в обычной одежде, но для
моления надевают свое,
марийское.

герски то же — «Уй элет», у моих хозяев потеплели глаза...

Глаз фиксировал странное тогда для меня сочетание рыжеватых русских волос и светлых глаз с широкими скулами и монгольской складкой-эпикантусом. Многие, впрочем, выглядели совершенно по-русски. Среди горожан в их стандартной одежде я марийцев чаще всего не различал.

Кое-кто из коренных жителей края служил и работал в нашей части. Я любил с ними поговорить и отметил, что даже самые малообразованные из них хорошо знали о родстве своего языка с финским. Каждый

мог назвать несколько сходных слов. Про венгерский, правда, знали поменьше.

Из-за резкой смены климата я заболел воспалением легких и долго лежал в санчасти, настолько ослабев, что не мог читать, а потому целыми днями слушал радио. И слова передачи врезались в память — даже на непонятном языке. Впрочем, настолько ли непонятном? «Йошкар-Ола ола... ..Коренным образом измененна положенийже Кугу Октябрь Революций вара. Республикышто полный да неполный средний образования...» Звучало странно.

Местное русское население рассказывало о марийцах разное. Многие называли их за глаза черемисами — до революции это было официальным наименованием, но после утверждения самоназвания — «мари» — приобрело несколько уничижительный характер. Думаю, что употреблявшие это слово, вряд ли хотели оскорбить своих соседей — просто в этих местах говорить так было привычнее, и все же в присутствии марийцев старались его не употреблять. Но все сходилось в одном: марийцы — народ трудолюбивый и безобидный («сами-то в драку никогда не полезут»), и очень упрямый. Говорили еще, что избы их не всегда, скажем так, отвечают правилам современной гигиены, но что марийцы очень гостеприимны и всегда держат хлеб и воду, а то и молоко для случайного гостя.

Еще одна деталь меня поразила, но в ней сходились все рассказчики:

— Уж как порчу-то они напускать умеют, если очень им досадить. И как снять-то знают! Вылечат, все ведь травы тут наизусть изучили. Только чтоб не подумали, что ты над ихней верой смеешься...

— Их верой? Да разве ж они не крещеные?

— Крещеные-то крещеные, а свою веру про себя держат, а и перед нашей иконой свечку ставят... Все равно, свой Кереметь им ближе.

Из всех марийских богов они знали лишь злого духа Кереметя.

Летом того же года во главе подразделения в составе рядового Павленко я убыл, согласно приказу командования, в деревню Маръял на предмет обеспечения радиосвязи во время проведения учений. Развернув станцию, я оставил Павленку дежурить, а сам пошел знакомиться с местной интеллигенцией: следующий — и главный — сеанс ожидался лишь утром после тревоги. «Тревогу» у нас всегда объявляли к подъему.

Местную интеллигенцию представлял учитель начальной национальной школы, молодой парень, недавно окончивший педучилище. Он оказался не только действительно интеллигентным, но и очень охочим показать и рассказать все интересное в родном селе.

Разговаривая с приятностью, мы обошли деревню и вышли за околицу. Рошица в некотором отдалении привлекла мое внимание. Мне показалось, что она имеет правильную круглую форму. Подойдя ближе, я заметил на некоторых деревьях яркие тряпочки, кажется, привязанные к стволам.

Я сделал еще шаг, но учитель придержал меня за руку.

— Не надо туда кодить, — произнес он с проступившим вдруг резким акцентом, — марийцы этого не любят.

Я остановился, вопросительно взглянув на него.

— Кюсото. Священная роша, — и, как бы поборов мушнение, тихо закончил: — наша.

Новости из Марий Эл

Тридцать пять лет прошло с той поры. Я окончил университет, выучил один угро-финский язык и получил неплохое представление о другом — финно-угорском, сделал скромную работу об этногенезе — происхождении венгров и провел не один месяц в отличном Будапештском этнографическом музее. Говорю об этом с одной целью — чтобы объяснить причину острого интереса к последним событиям в республике Марий Эл — некогда столь близкой мне Марийской АССР. Они не могли оставить равнодушным человека не чуждого финно-угроведению.

Но — «не чуждый» — это далеко не то же самое, что занимающийся конкретно марийцами. Занимаясь я этой темой конкретно, никогда бы не взял на веру обширную статью в некоей газете — назовем ее — «Н.газетой». Статья, подписанная двумя именами — московским и петербургским, подробно и убедительно сообщала, что язычество провозглашено государственной религией Марий Эл; что поддержали это луговые марийцы, и в штыки приняли горные, издавна очень православные; что ностальгия по Казанскому ханству, куда входил и Марийский край, жива и по сей день, а посему образование, полученное в Казани, ценится куда выше, чем московское и петербургское. Короче, я заглотнул наживку. Я очень захотел в Йошкар-Олу.

...Забегая вперед, скажу: я предполагал, что отдельные люди врут. И отдельные газеты тоже. Но чтобы наврать все (прописью: ВСЕ) — такого я не мог себе представить. Прежде всего потому, что не могу понять: зачем?..

Первый же ушат холодной воды вежливо вылил на меня марийский ученый, с которым я консультировался перед поездкой и который мне очень помог. Я спросил:

— Вы горный мариец или луговой?

— Я этого деления не признаю, — суховато ответил он.

Но ведь в любом справочнике написано, что существуют два марийских языка: горный и луговой. В самом свежем, правда, чуть иначе: «Марийцы, мари, марий (самоназв.), черемисы (устар. рус. назв.) — народ финно-угорской языковой группы. Числ. в Рос. Федерации 643,7 тыс.чел. ...Числ. в Респ. Марий Эл 324,4

Человек в белой марийской одежде - карт, проводящий моление. Установлены столы из еловых жердей положены лепешки с глазками — их испекли все присутствующие женщины сегодня утром, встав до рассвета.

тыс... Подразделяются на 3 субэтнич. группы: горные, луговые и восточные...»

Цитировать не имело смысла: он сам это и писал. Но удивление я выразил. Он возразил:

— Субэтнические группы — не разные народы. Вы, очевидно, «Н.газету» читали?

Я с гордостью признал это. Он глубоко вздохнул: в отличие от меня, «не чуждого финно-угроведению» человека, он — представитель народа, изучением которого занимается. И мы поговорили. Обо всем. О «Н.газете». О предпочтении казанского образования. «Дак оно понятно: ехать близко, на выходной и домой когда приедешь». О язычестве — никто не провозглашал его государственной религией, просто общество «Ошмарий чимарий» — «Белая марийская вера» зарегистрировано. В Москве. Как общественная организация. В заключение беседы он позвонил в МарНИИ — Институт истории, этнографии и языка. Это мне очень помогло.

Ясным майским утром я вышел на йошкарولينском вокзале. В МарНИИ звонить было ещё рано. Я с удовольствием остановился перед давней знакомой — картиной в вокзальном зале. В газетном киоске лежали газеты «Марий Эл» и «Кугарня»; лежал юмористический журнал «Пачемыш»: на его обложке изображен был зал заседания Кугыжаныш Погына, Государственного собрания. «Депутат тора-влак! Господа депутаты», конец подписи и на этот раз был закрыт. Не торопясь, я побрел через город в гостиницу. Эта часть столицы стала совсем иной — многоэтажной, с троллейбусами, с почти по-московски одетыми людьми. И у автобусной станции стояли люди без малейших этнографических признаков. Становилось ясно, что памятной мне деревняной, почти уездной, со следами старого Царевококшайска Йошкар-Олы не осталось. А она была по-своему уютна, как живописны были и сельские марийки в лаптях, передниках и расшитых монетами шымакшах. Правда, нынешняя столица Марий Эл показалась мне тоже уютной и чистой. Но другой.

Наверное, я много времени отнял у сотрудников МарНИИ, люди они занятые: одни из них собирались в Финляндию и переводили доклады (правда, на индоевропейский английский язык), другие же, вернувшись из Финляндии, писали отчеты. И не было кабинета, где не лежала бы на столе ксерокопия статьи из «Н.газеты». В Йошкар-Оле ее выписывали мало, и все оттиски пришли из Хельсинки, Тарту и столицы венгерского угро-финноведения города Сомбатхей. Тамошные специалисты «Н.газету» наоборот выписывали, считая солидной и объективной, и, прочитав статью, пришли в радостное оживление и тут же написали йошкарولينским коллегам. Перехватывая мои взгляды, обращенные на ксерокопию, сотрудники МарНИИ горестно вздыхали. Им надоело объяснять и даже вспоминать этот труд.

Я очень благодарен этим людям, похожим на сельских эстонцев: светлые волосы, голубые глаза, выпирающие скулы. И такая же невозмутимость и терпение при общении с человеком, изводящим их вопросами. Вопросы же мои могли показаться и бестактными. Ну

что вы скажете человеку, который, едва познакомившись, тут же спрашивает:

— А вы мариец? А по-марийски говорите? А ваши дети с вами как говорят?

Я поставил перед собой две цели: выяснить отношение к язычеству и узнать — сколько же языков у народа мари.

В первый же день я встретился с народным целителем, очень уважаемым в республике. Целитель заодно осмотрел меня, помассировал болевшую руку, время от времени вдывая мне в рот воздух, приговаривая что-то по-марийски и заключающая каждый период словами: «...раба Божия Льва». Мое имя он знал: в свое время мы защищали диссертации в один день и в одном месте.

Он читал заклинания и излагал свои мысли:

— Язычество наше созрело для реформации. Организовать его нужно, организовать. И кажется мне, что есть уже реформатор.

На прощание он точно поставил мне диагноз.

Говорил я с художником, выпускником Петербургской Академии художеств. Человек он молодой, у него трое маленких детей.

— Недавно, — говорит, — всех троих крестил, нехорошо как-то без Бога. Мы-то марийцы моркинские, у нас в церковь ходят. Но в рошу тоже. А вот теща у меня — сернурская. Мы к ней на праздник ездим — Шорык йол называется, Овечья нога, по-нашему. Значит, икону вешают, перед ней — большую свечу ставят, чистый воск, руками катанная. Еще одну свечу — перед домом. Привязывают овцу и водой поливают. Овца-то вздрагивает, так смотрят — куда брызги пойдут: от этого весь успех зависит. Налево — дак одно, направо — другое дело.

— А икона зачем?

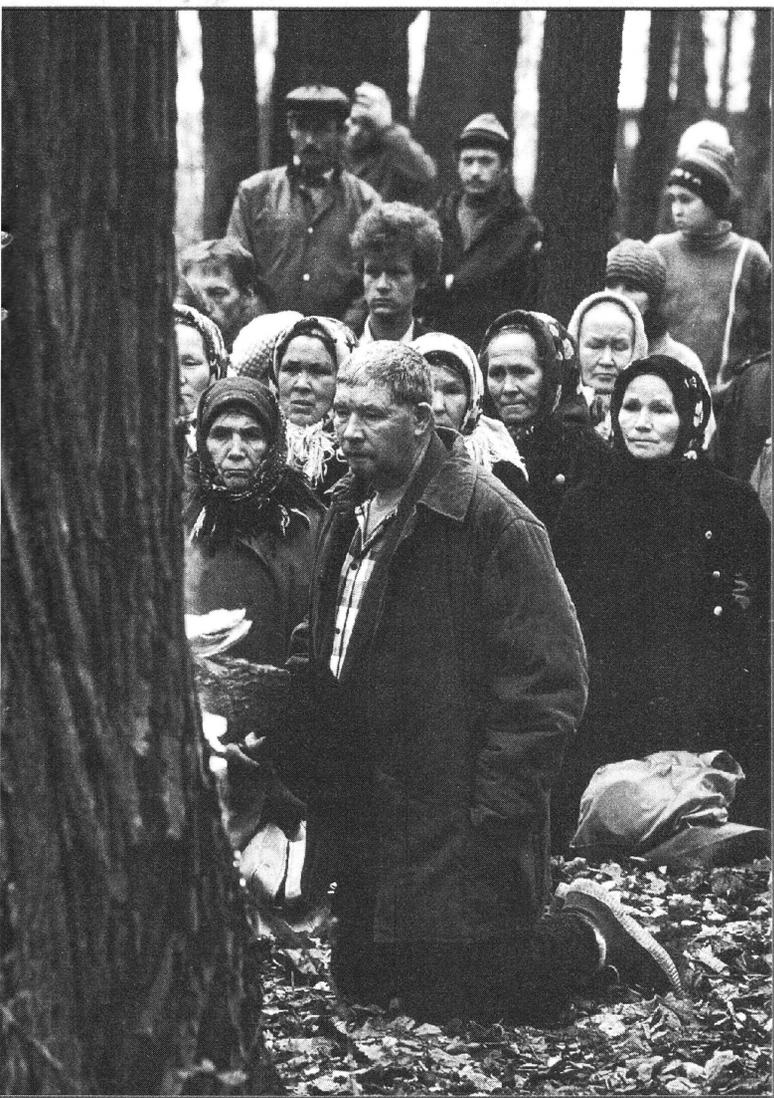
— Теща говорит: раньше вешали, чтоб урядник, если заедет, не понял, что тут языческий обряд творят. Уж семьдесят лет, как урядников нет, больше даже, а привычка осталась.

У другого художника — очень заслуженного человека — дед был церковный староста, мать пела в хоре. Это уже Горномарийский район, там православие много раньше приняли. Но два раза в год — это художник помнит — ходили к источнику, приносили жертву.

— А вы как считаете: есть два языка или один? — спрашиваю.

— Ну, даже если это диалекты, пусть хоть будут две литературные нормы. Наше наречие все-таки сильно отличается. У нас и звуки есть, которых луговые мари и произнести не могут. На Общемарийском съезде мы только начнем об этом говорить, луговые собратья нас аплодисментами захлопывают. Так ни до чего и не договорились.

Я понял, что ничего не понял. Но понял, что по обоим вопросам нужно встретиться с наиболее знающими людьми. Или, по крайней мере, с такими, которые решатся ответить. Но перед тем, как рассказать читателю об этих встречах, я позволю себе — в самой краткой форме хотя бы — пролить свет на судьбу финно-угорских народов России, ибо только в этом контексте может стать яснее судьба небольшого, но стойкого и упрямого народа мари.

Главным богам
молятся
только
у лиственных деревьев.

Финно-угры

Существует одна общеизвестная фраза, очень часто по разным поводам повторяемая и, соответственно, по-разному толкуемая. Принадлежит она английскому литератору и звучит так: «Поскреби русского — и обнаружишь татарина». Чаще всего в ней видят намек на евразийское положение России и — некоторым образом — на последствия татаро-монгольского ига. Изрекший же эту максиму англичанин имел в виду, что под внешностью утонченного европейца — русского аристократа — таится Чингисхан или Тамерлан. Он знал, что такое крепостное право и то, как владельцы крепостных обращались со своими подвластными.

Но, привязавшись к этой широко известной и неверно понимаемой фразе, мы предложили бы ее несколько — научно более обоснованно — переиначить. Скажем, «Поскреби многих русских — и обнаружишь финна» и — не менее обоснованно — «Поскреби татарина — и обнаружишь то же». Мы, конечно, имеем в виду не Чингиса и не Батюгу (те, собственно говоря, в современном понимании, не татары, а монголы). Речь идет о поволжских татарах: крестьянах, мелких торговцах, ремесленниках.

Восточные финны — мордва, марийцы, удмурты, коми — не составляют большинства даже в своих республиках. Зато разбросаны — и очень обильно — по всем окружающим областям. За редчайшим исключением (говорят, таким был город Глазов в Удмуртии) — они меньшинство в городах.

Ибо такова уж была историческая судьба восточных финнов: количество их сокращалось, увеличивая, однако, численность других народов.

Когда-то финно-угорские народы населяли обширнейшую территорию, поросшую лесами, — практически всю северную часть европейской России, доходя к югу до устья Камы. Занимались финно-угры земледелием и охотой, и поселения их были сильно разбросаны. Нигде они не создали государств — о причинах этого можно было бы рассуждать долго и спорить еще больше, но это не позволяет не только размер настоящих заметок, но и то, что в нашу задачу это не входит. Нам важен результат: не имея государств, а следовательно, нужных для своей защиты армий и всего прочего, свойственных государствам, они стали входить в состав соседних организованных и постоянно расширяющихся держав.

Платили они дань хазарам (потому и первые упоминания о них в письменных документах сделаны на языке иврит — государственном в Хазарском каганате — и, увы, как там принято, почти без гласных: «црмс» — «черемисы», «ариза», «мкша» — эрзя и мокша), булгарам, входили в состав Казанского ханства и — в последние несколько сот лет — России. На земли их устремились переселенцы из различных русских княжеств и областей, причем заселение это чаще всего бывало мирным, ибо славяне и финны уживались на обширных и слабо заселенных пространствах. Иногда же вхождение того или иного края было не столь уж мирным. Со временем крещение, письменность, более высокая городская культура, принесенные русскими, вытесняли местные языки и верования, огромное количество людей начинало чувствовать себя русскими — и действительно становились ими. Иной раз для этого достаточно было креститься. Писали же крестьяне мордовской деревни в своей челобитной: «Предки наши, бывшая мордва», искренне полагая, что только предки-язычники были мордвой, а вот уж православные потомки — никак к мордве не относятся. Шло смешение, переселялись люди в города, уезжали далеко — в Сибирь, на Алтай. Язык у всех становился единый — русский, имена же и фамилии после крещения ничем (или почти ничем) от обычных русских не отличались. И кто впоследствии обращал внимание на то, что в фамилиях вроде Шукшин, Веденяпин, Ведев или Веденкин ничего славянского в корне нет, а есть или название племени — «шукша» — или слово «вода» — «ведь»? Каких, в кон-

В огромных котлах варят кашу, подливая туда вытопленное сало. А три глазка у лепешек перед принесением в жертву вырезают.

це концов, фамилий не бывает! Да и звучит — прислушайтесь! — Веденяпин или Пияшева куда как более по-русски, чем, скажем, Вилленбахов или Асламазов.

Но, растворяясь в массе русских, составив среди них весьма заметный процент, финны распространили свой антропологический тип: очень светлые волосы, голубые глаза и — зачастую — широкое, скуластое лицо. И тип «пензенского мужичка» во многом стал восприниматься как типично русский. А иногда и утверждался в чужеземном мнении как вообще славянский. И пошли гулять по страницам западной литературы фразы вроде «типично славянские выпуклые скулы» — при описании чехов или поляков, коим эти скулы, как к примеру, и западным украинцам и белорусам, вообще не свойственны. Русскую рубаху-косоворотку, лапти, баню — не найдешь ни у кого из других славянских народов. Но найдешь у всех финнов. (Конечно, финский элемент — не единственный, который в сложном смешении лег в создание великорусского этноса. Перечислять их можно долго, но конечно, славянский элемент — самый мощный. Русские — несомненно, один из величайших народов мира и, наверное, самый великий — по вкладу в мировую цивилизацию и влиянию на судьбы мира — из славянских народов. Но происхождение их очень смешанное. И финский элемент тут — весьма заметен.)

Какая-то часть угро-финнов отатарилась: приняла ислам, татарский язык, мусульманские имена. Они тоже совершенно забыли о своем происхождении. Этот процесс шел совсем в не столь благоприятных услови-

Карт Якимов

ях, как распространение православия и русского языка. Законы Российской империи категорически запрещали обращать язычников в любую другую веру, кроме государственной. Наказание за это уголовное (именно: уголовное) преступление было весьма суровым. Да и мечеть татары даже для своих нужд имели право строить только с разрешения казанского архиерея. Архиерей же такового разрешения — особенно в марийской деревне, где поселились несколько татарских семей, — никогда бы не дал, учитывая особую страсть казанских татар к распространению учения Мухаммеда. Однако татары, поселившись, могли иметь молитвенное помещение и при нем — школу. Для своих детей, разумеется. Но они весьма радушно приветчали там сыновей зажиточных марийцев: учиться письму, в конце концов, никому не запрещено.

В сознании же многих народов Поволжья прочно укоренился образ татарина — удачливого и образованного купца. Детей посылали в школу, чтобы они обучились всем татарским премудростям. Окончивший ее обычно предпочитал говорить по-татарски — на «городском» языке, принимал ислам. Через два поколения вся деревня становилась мусульманской и татароязычной. Разве что старики еще говорили между собой по-марийски и ели иногда свинину, но за пазухой уже носили татарскую ермолку-тухью, чтобы, встретив какого-нибудь ревностного мусульманина (из своих же молодых), быстро напялить ее на макушку, благочестиво произнося: «Ас-салям алейкум!» Так же бывало и с мордвинами, и с удмуртами.

Не потому ли среди наших соседей татар так много светловолосых и голубоглазых, да и чертами лица ничем не отличающихся от поволжского мужичка?

Не будем разбирать всех причин, но языки восточных финнов звучали только в деревне или в первом поколении городских жителей. Второе, родившееся в городе, говорит обычно только по-русски.

Все сказанное выше вполне относится к мордве и к удмуртам, к коми и к марийцам.

Разве что марийцы яростнее всех сопротивлялись присоединению края при Иване Грозном, упорнее всех держались своей веры. Еще в те далекие времена родилась поговорка: «Слева черемиса, справа берегися!» Летописец пишет, что «реки красны стали от черемисской крови». В XVI веке заложен был на высоком берегу Волги город Космодемьянск и возведен первый храм. В основание его положили связанного марийского старшину — на глазах согнанных со всех окрестных деревень марийцев-черемисов.

Прошло несколько десятков лет, вспыхнуло восстание Стеньки Разина, и опять марийцы «учинили яростный бунт». И вновь записал летописец фразу о цвете воды в здешних реках. Но снова началась война — на этот раз Пугачевская. И опять... Потому-то до самого 1917 года марийцам было запрещено жить в городах и заниматься торговлей и ремеслом.

Эту правду следует знать, чтобы понять, почему в наш век марийцы вошли почти поголовно неграмотным деревенским народом.

И почему даже у крещеных деревень оберегали священные языческие рощи, и почему часть народа ушла на восток — в Башкирию, чтобы только не креститься.

В первый же мой день в Йошкар-Оле мы с искусствоведом Владимиром Кудрявцевым, взявшим меня под свою опеку, поехали к жрецу, по-марийски — карту — Якимову. Телефона у жреца не было, но на троллейбусе мы добрались до квартала пятиэтажных домов, где он проживает. Как и предполагал Владимир, карта дома не оказалось — время было окучивать картошку, но мы долго переговаривались через дверь с его супругой. Переговаривался Владимир — разговор шел по-марийски, и о чем они говорили я не понимал, хотя и догадывался по некоторым оборотам: «Москва гыч, журнал гыч». Из-за двери отвечали очень внятно, видать, супруга карта стояла у самой филенки. Я услышал, как она сказала: «Тудо ойла чужих не пускать». Дверь приоткрылась, и Володя, быстро написав записку, передал женщине. Он просил карту Алексея Изерговича зайти ко мне в гостиницу в ближайшее воскресенье, к шести.

Ровно в шесть назначенного дня я спустился в вестибюль, и в тот же момент с улицы зашел высокий худой мужчина в соломенной шляпе без ленточки и светлом плаще. Мы посмотрели друг на друга и пожали руки. Потом поднялись в номер, карт снял плащ. Под пиджаком у него была рубашка-вышиванка совсем украинского вида, но с марийским угловато-крюкастым орнаментом. По сходству с украинской, я прозвал про себя его рубашку «угрофыночкой».

Это был второй жрец в моей жизни — с первым я встречался довольно давно в Индии. Но тот был по-экзотичнее: ситцевая юбка, голый торс со шнуром дваждырожденного через плечо, краска на лбу. Лицо у него было обычное европейское, весьма интеллигентное.

Здесь жрец, кроме «угрофыночки», никаких знаков экзотики не нес. Но лицо его тоже выражало любознательность. Мы выпили чаю для завязывания знакомства, и он несколькими вопросами прошупал меня: кто я, да откуда, да с какой целью. Помалу мы разговорились. Говорил он по-русски правильно (разве что иногда мог сказать «сухой» вместо «сухой» или «тавно», а не «давно»), тем говорком, который обычно называется вятским, при этом с таким точным и круглым «о», которое особенно не дается неугро-финнам, потеющим над венгерским произношением. Передать его приятную уху фонетику я, конечно, на письме не могу, поэтому время от времени буду себе позволять писать прописными буквами те звуки, которые особенно выделялись. К примеру, рассказывая об обрядах, он упомянул кровавую колбасу — сока.

— СОКта-а! Ох... ВкусНАЯ — ТО, сытНАЯ, — он откинулся, и лицо его выразило высшую степень наслаждения.

Я спросил, что за отчество у него, Изергович, у марийцев ведь в основном обычные русские имена, иной раз — архаичные.

— ИМЯ-ТО? Марийское. «Изи ерге» — «маленький сын», мы-то чи мари — настОящие, некрещеные. А у меня имя — русское. Деда вот тоже Григорий звали, я-

то его по нашему звал: Корий-кугызе, дед Гриша. А отчество-то у него тоже марийское: Яшпатрович. Вообще-то вы запишите: духовный глава. Так запишите: Алексей Изергович Якимов, Ошмарий Чимарий Шнуй Он — духовный глава Белой марийской веры.

Я послушно записал. В вопросах традиционной марийской духовной иерархии я не разбирался. И как выяснилось впоследствии, не разбираюсь и ныне. И, кажется, не только я. Я спросил:

— А вы разве не карт?

— Карт, — любезно подтвердил Алексей Изергович, — я молене провожу. А всю жизнь-то электриком работал, да, Братск строил, Усть-Илимск.

Я опускаю свои вопросы и передаю рассказ шнуй она Якимова Алексея Изерговича.

— Карт-то у нас он не как духовное лицо, семинарий не очнал, а всё в семье. Корий-кугызе, дед-то мой Григорий Яшпатрович верующий был, всегда молился, степенный, хОзяин хОрОший — дак люди его и уважали. Молитвы все знал, какому богу какую жертву, да когда молиться надо. У нас молятся только по понедельникам, пятницам и воскресеньям, да и то только в полнолуние или в новолуние.

Главных богов девять: верховный бог Кугу Юмо, Серлагыш-хранитель, Мер Юмо, Пуршо, Шогынава, Кече Юмо, Ильш Шочынава, Мланде ава — богиня земли, изобилия всякого, еще бог святой горы — Курык кугыза. Да разные еще, но эти — главные. Еще у них у каждого — семейство свое, или, еще, так сказать, аппарат, посредники всякие. Пыамбар — скот бережет от нечистых сил, Водыж при боге огня работает.

— А Кереметь? — спросил я, имея в виду злого духа.

Жрец замахал руками:

— Какой КЕРЕМЕТЬ? Какой Кереметь-то? Шырт — вот это кто, ОзОрник. Так и ему жертва есть, только под елью — кролика ему. А главным-то посолднее. Кугу Юмо — ему лошадь, гуся тоже. Пыамбару — бычка. Мер Юмо да Ильш Шочынаве — овечку или телку. Водыжу — зайчика. Да сейчас-то больше гусей да уток жертвуют. На большое моление, правда, овцу, телок когда приведут.

Первое у нас моление — семейное. Обычно — осенью. Но семья молится одному богу, определенному. Тут карт-то не обязателен, глава семьи все делает, он и дерево семейное знает (только не хвойное!) В конце лета — всей деревней выходят в рощу. Потом — поглавнее — тиште кумалгыш — родовое моление. Из разных деревень люди приходят, все — одного рода семьи. А раз-то в три года всем миром молятся — это мер кумалгыш. А самое главное — туня кумалгыш, тут все марийцы собираются, из Москвы, Ленинграда приезжают. Раз в пять лет, в определенном мольбище, их в республике-то по одной руке сосчитаешь.

Карты собираются, определяют время и место, рассылают по разным деревням палочки такие липовые: там родовой знак и значки — кому сколько да какого скота поставить. Теперь-то пишут.

Идут в рощу, порядок наводят, дрова готовят, стол орудуют из молодых елей. За день до того в бане моются, дом убирают, хлеб-шергинде такой особый пекут, квас варят. Утром-то рано встанут, хозяйка блинов испекет — поесть-то надо, день-то, ох, долгий будЕт. А потом пышные блины пекут, да в каждом тремя пальцами ямки дела-

ет — глазки. Как их в жертву приносить — дак сначала глазки вырезают.

И все идут в рощу. Там карт в белой марийской одежде в пяти случаях пять молитв читает.

Зарезанное-то все в котел, варится там, пока бульон, лем по-нашему, наваристый не станет. Кишки бараньи промывают, туда кашу, сало, кровь. СОкта! Как колбаса такая — поесть-то марийцы умеют! Мясо-то кипит, гуся — сало вытапливается — снимают, все в кашу. Ох, вкусная, сытная.

...Фотохудожник Валерий Кузьминых, который бывал на молениях, объяснил мне потом, что «пышные блины» — это лепешки. Его и нескольких других русских на моленьи принимали сердечно, но попросили уйти, когда стали резать животных, а потом снова позвали. Когда же все сварили, очень гостеприимно угощали.

— Я вареной гусятины поел и блинов, — сказал он, — а каша слишком уж жирная. А вот все знакомые городские марийцы, когда детство вспоминают, особенно по этой каше тоскуют...

Карт продолжал.

— Потом в лесу все сжигают, чтоб и сору не осталось. Пищу-то домой несут. Ей посторонних угощать нельзя, кости и то в отдельную посуду собирают, потом на месте очага на мольбище сжигают.

А я вам еще чего скажу: поОпрОси рубашки расстегнуть, дак у всех почти кресты будут. Нам, картам, это не нравится, но мы никому не запрещаем. А с нашей-то верой в церковь разве можно? Я вот в деревню приезжаю, поп увидит — дак как меня встречает? «У-у!» — кричит. — Опять приехал!» Наши боги-то природные. Как кто хочет, так пусть и молится. Я свое призвание и многое, чего знаю, во сне увидел. Пока во сне не увидишь — не быть тебе картом.

Многое из того, что говорил Алексей Изергович, показывало, что он следит за религиозной литературой, особенно, за добросовестно сделанными и подробными справочниками, из тех, что выходили у нас под фиговым листком «Библиотечки атеиста». Я попросил его помолиться при мне, если это вообще можно. Он с сомнением покачал головой, но потом сказал, что одну слабенькую молитву прочтет. Мы встали, и он зачитал речитативом. Мне показалось, что в чтении он подражает напеву дьякона в церкви: сначала скороговоркой, а потом — конец периода — звучным и ясным голосом.

Молитву он закончил словом «аминь». Я — все-таки человек в этнографической литературе начитанный — эхом отозвался: «Бисмилля!»

— Вы, прямо, как мариец настоящий, — похвалил Якимов.

Я не удержался его поддеть.

— Мариец настоящий, говорите? А что ж вы молитву по-русски кончаете: «аминь», а верующие по-татарски отвечают: «бисмилля».

Карт торжествующе поднял палец:

— А вот и нет! «Аминь»-то — не по-русски, а по-еврейски, а «бисмилля»-то — не по-татарски, а по-арабски. А на этих-то языках все молиться имеют право.

И я убедился, что современный марийский карт подготовку получает не только во сне. И не только от деда.

Профессор

Неулыбчивая горничная на этаже, когда я пришел попросить чайник, спросила: — Это к вам чимарий пришел? — И услышав, что да, сказала: — Сидите спокойно, сама принесу, да што. Сахару-то надо?

Ученый, что помогал мне установить связь с институтом оспорил некоторые положения рассказа шнуй она — да и сам его титул. Я не стал в этом разбираться: я не мариец, чтобы судить, кто прав более, кто менее. Хорошо, что языческих молений в республике не только уже не запрещают, но даже и отвели для них в столице рощу. Но меня интересовало другое: жива ли Белая марийская вера и не занимаются ли ее возрождением одни лишь доктора филологических и других гуманитарных наук.

С доктором и профессором я встретился позже. Мне, наверное, очень повезло: после нескольких переговоров по телефону меня согласился принять крупнейший специалист по марийскому языку. Кстати, до встречи я не мог точно сказать: по языку или по языкам? Вообще-то, я и после встречи не могу ответить на этот вопрос. Для профессора же все ясно: по языку, одному языку. Я не могу ему не доверять. Скорее всего таких специалистов по марийскому языку и в США-то не более двух-трех найдется. Да что там США! Я думаю, что и в Хельсинки таких не так уж много, да еще есть кто-нибудь в Тарту. Кстати, имен-

Все, что относилось к празднеству: столы, кости, еловые лапы сжигают перед тем, как уйти домой.

А ту пищу, которую относят домой, ни в коем случае нельзя давать чужому.

но там мой собеседник закончил аспирантуру и эстонским владеет, как русским, а русским — как обоими родными: марийским и татарским. Уже по этому можно было догадаться, что он — восточный мариец, родившийся в Башкирии. Я встречал таких еще несколько человек, и все они владели татарским, но почему-то никто — башкирским.

Времени у профессора было четверть часа: началось заседание кафедры, и он предупредил меня об этом. Но как-то так получилось — может быть, он обнаружил во мне благодарного слушателя — что проговорили мы часа два. Входили и уходили люди, что-то спрашивали, хозяин кабинета отвечал, звонил телефон. Все разговоры шли только по-марийски, и это было единственное официальное место в Йошкар-Оле, где преобладал этот язык. Некоторые, видя приезжего, начинали по-русски, но мой гостеприимный хозяин не принимал этого. Очевидно, он догадался, что мне приятнее послушать его родной язык, а внутренние дела кафедры меня не очень интересуют. Он был прав: для моего уха язык звучал приятно и мягко. Иногда в нем слышались знакомые слова: «Неужели?», «Конечно». Еще чаще я улавливал непонятное «юра!», и сначала даже подумал, что это — имя собственное, уменьшительное, но поскольку его произносил каждый говорящий, а профессор особенно аппетитно и часто, я не выдержал и спросил, что это за «юра».

— Не «юра», а «йора», «о» с двумя точками — умялятом, в русском языке такого звука нет, — отвечал профессор, — значит: «ладно».

— Йора! — согласился я, пытаюсь голосом обозначить умялят, — можно я спрошу: вы на горном марийском говорите или на луговом?

— Язык у нас один! — отрезал профессор. — Есть, конечно, диалектные различия, — и он разъяснил мне, что марийские диалекты плавно переходят один в другой. — Язык должен быть один.

Не уверен, что я все правильно понял, но главное заключалось в том, что два крестьянина-марийца, встречаясь, никогда не интересуются, кто из них горный, а кто луговой, а называют себя марийцами без эпитета и без труда объясняются. Разве что иногда произношение одного покажется смешным другому, а если и встретится непонятное слово — всегда можно объяснить по-русски.

Я вспомнил, что много лет назад в Литве профессор Бальчиконис объяснил мне, что, хотя в литовском языке три диалекта заметно различаются, но признать их языками можно было бы лишь в том случае, если бы на одном говорило миллионов сто, на другом — сорок, а на третьем — хоть десять. Но, заключил Бальчиконис, нас слишком мало, мы себе этого позволить не можем.

Профессор, снисходительно посмеявшись моему популярно-дилетантскому примеру, счел его для меня понятным и заметил, что марийцев — и того меньше. Логика его была безупречной. Увидев во мне человека, бывавшего в разных концах Советского Союза, он спросил меня по-эстонски, бывал ли я в Тартусском университете и видел ли академика Пауля Аристе. Я ответил, что да. Домодельность моего эстонского заметно пришлась ему по душе. Но за пазухой у меня припрятано было сильное оружие: венгерский, весьма и весьма почитаемый во всех финно-угорских кругах язык. Я перешел на венгерский.

— Не говорю, — сухо ответил по-венгерски профессор, и с этого момента мы говорили уже только по-русски.

Беседовать с ним было одно удовольствие. Речь коснулась перспектив марийского языка. Я спросил, почему в нем так много русских слов, взятых прямо со славянскими окончаниями. Нет разве своих?

— Например? — спросил профессор.

— Ну, к примеру «Марий-Эл республикаын нотариальный контора»? Только родов нет.

— М-да? А что же тут русского? «Контора»? Или «республика»? Или «нотариальная»? Русское — только окончание.

Он был прав. Я изменил тактику.

— А вот в стихотворении: «Москваыш первый пароход»?

— А-а... «Первый»... Этим увлекались комсомольские поэты. «Пайрем дене, отважный комсомол!» А «первый» — в языке есть свое слово — «икымже». Уже, — он на секунду задумался, вертя пальцами, как бы любуясь игрой света в гранях алмаза, — с семнадцатого века!

Точность научных знаний меня всегда восхищала. Я вспомнил историю о японце Танаке Такаси, рассказанную мне учеными в МарНИИ. Люди с юмором, они рассказали ее так:

Г-н Танака Такаси, владеющий марийским, финским и — не родственным, но важным — английским языками, прибыл в Йошкар-Олу для совершенствования. Трудолюбиво выучивший язык по книгам и прочитавший всю марийскую литературу, г-н Танака Т. намерен был за время стажировки говорить только на языке, которым очень увлекся. В Москве, Казани и даже на станции Канаш в Чувашии он обходился английским, но попав в Йошкар-Олу, решил отказаться от чуждого индоевропейского наречия. И выйдя на главную улицу, обозначенную двуязычной надписью: «Ленинский проспект. Ленинский проспект», обратился по-марийски к первому же прохожему.

Надо сказать, что облачен г-н Танака был в полный современный самурайский доспех, включавший ослепительно заграничный костюм, не менее ослепительную шляпу и два фотоаппарата, и производил впечатление иностранца, каковым, впрочем, и был. Прохожий, остановленный г-ном Танакой, долго не мог понять — на каком языке тот изъясняется, во всяком случае, не принимая его за наречие, прочно записанное в сознании здешних горожан как деревенское и уж во всяком случае не за то, на котором может — и должен! — говорить богатый чужеземец. Не добившись ответа, японский лингвист обратился — с тем же ре-

зультатом — к продавщице киоска и к милиционеру. Самое занятное было в том, что страж порядка — родом из марийской деревни — тоже не смог распознать родную речь. Впрочем, тут, возможно, виной был сильный акцент ученого Танаки. Стали собираться люди, и, привлеченные, подошли колхозники из Сернурского района, возвращавшиеся с базара. И прислушавшись, один из них воскликнул:

— Да он марла (по-марийски) говорит!

С тех пор Танака Такаси, выходя в город, внимательно оглядывался, выделял в толпе носителей языка — тогда еще многие женщины носили национальный костюм — и с их помощью достигал своих целей, как бытовых, так и лингвистических.

Юмористического оттенка профессор не принял, сухо зато заметив, что тут не без преувеличения, господин же Танака быстро выяснил, в каком гастрономе работают марийки и когда кто дежурит на почте, и, таким образом, трудностей впредь не испытывал.

Поговорили мы и о возрождении марийской веры.

— Ну как же, — сказал профессор, — недавно мы проводили моление, карт его вел, а три человека в белых национальных одеждах — в том числе и ваш покорный слуга — предстояли и объясняли собравшимся смысл происходящего.

Нашу беседу прервал приход симпатичной дамы, тоже профессора. Мы пожали друг другу руки. Оказалось, что она читает наш журнал и знакома с моими публикациями. Это было приятно, тем более, что и я был знаком с ее статьями: она придерживалась точки зрения на проблемы марийского языка прямо противоположной, нежели та, с которой меня только что ознакомили. Ее логика тоже была безупречной. Но, чтобы судить обо всем этом, мне требовалось — как минимум — знание марийского языка.

Интересно, что думают по этому поводу в деревнях Сернурского, Параньгинского и Мари-Турекского районов? И Горно-Марийского?

Этим я заканчиваю свои, не претендующие на полноту охвата записки. Я не делаю никаких выводов: я не знаю, какие выводы могут быть. Автор этих строк — не мариец, и не ему решать: получат ли оба наречия языка мари литературную и официально закрепленную форму; будет ли принимать присягу Президента Марий Эл карт, священник или судья в мантии.

Но хорошо то, что решать это не будут люди далекие от жизни, языка и веры марийцев на основании лишь количества заявлений и подметных писем. Разовьют ли марийцы городскую культуру или останутся в подавляющем большинстве деревенскими — зависит только от них.

Главное, что упрямый народ мари не исчезнет.

Й о ш к а р - О л а

Охота на гишпопотама

Известно, что в африканских заповедниках — национальных парках, от рук людей до сих пор гибнут животные, бесценные для природы континента. Властям не всегда удается поставить заслон этому варварству. И дело тут не только в алчных и бездушных браконьерах, гонящихся за слоновыми бивнями и рогом носорога, или богатых туристах-охотниках, которым за большие деньги могут позволить даже убить льва или буйвола.

Шорою крестьянам, чтобы отвадить слонов от общинных угодий, приходится отстреливать для острастки наиболее ретивых животных, которых потом, впрочем, с аппетитом поедают всей деревней. Иногда слоны бывают виноваты лишь в том, что людям хочется кушать. Как у Крылова. «На какое мясо похожа по вкусу слонятина?» — поинтересовался у одного участника подобных трапез. Тот надолго задумался, а потом сказал: «На ослитину!» Понятно, что вкус слоньего мяса так и остался для меня тайной.

Чтобы помочь выжить деревенским жителям в неурожайный сезон, власти иногда разрешают им забить гишпопотама. К несчастью для гишпопотамов, неурожай случаются часто, и этот вид охоты у африканцев хорошо отлажен.

Живы еще старики, промышлявшие бегемотами в те давние времена, когда не существовало никаких запретов на охоту. Энергично жестикулируя и сердито вращая глазами, они рассказывают жуткие истории о перекушенных пополам охотниках и вдребезги разбитых лодках. Они показывают ужасные шрамы на руках и ногах, оставленные зубами этого свирепого, сильного зверя. И им нравится, когда рассказы их не подвергаются сомнениям...

В отличие от слона или носорога гишпопотама трудно сразить из ружья. Он защищен толстым слоем жира, в котором вязнут пули, да и хороших ружей в деревне нет. К тому же обычно из воды торчит лишь верхняя часть его мощного черепа, и попасть в него нелегко. Бегемот — очень хитрое и осторожное животное. Он моментально чувствует, какие опасные козни затевают против него эти зловерные двуногие, и старается либо заблаго-

ременно ретироваться, либо напасть первым. Он весьма ловко и быстро передвигается под водой, отталкиваясь от дна ногами. Громкое, напоминающее лошадиное, фыркание, возможно, и определило имя животного: «гишпопотам» переводится с греческого как «речная лошадь».

Достигая четырех тонн веса при мощных мышцах и удивительном проворстве не только в воде, но и на суше, бегемот может очень круто обойтись с неосторожным человеком. Торчащие из нижней челюсти устрашающие клыки, похожие на небольшие бивни, выглядят чрезвычайно убедительно, хотя в зоопарках и на детских картинках мы видим их спиленными под корень. Его челюсти, подобно гигантским ножницам, могут перекусить взрослого крокодила, не говоря уже о незадачливом охотнике, так что стариковские байки вовсе не беспочвенны.

Все это определяет способы и тактику охоты на гишпопотама. С одним из таких методов нам, трем переводчикам из России, уже не первый год работающим в Африке, довелось познакомиться самым неожиданным образом. Как-то во время поездки мой коллега и соотечественник решил искупаться в одном из притоков Нигера. То ли он перегрелся на солнце, то ли еще почему, но ему вдруг не страшны стали крокодилы и бегемоты. Парень сиганул в воду прямо с борта нашей лодки и размашисто поплыл на середину реки.

Вскоре над речной гладью раздался его истошный крик. Это был крик боли и испуга. Пловец беспомощно забил по воде руками. Голова его скрылась под водой, но через секунду появилась вновь. В глазах был ужас, широко раскрытый рот жадно ловил воздух. Казалось, кто-то крепко держал его под водой, и нам стало страшно. Мы изо всех сил зашепили к несчастному. Он продолжал отчаянно

бороться с кем-то, то погружаясь, то выныривая. Какая тварь в него вцепилась, видно не было, и от этого становилось еще страшнее.

Больше всего мы боялись, что неведомый зверь утащит нашего неразумного собрата в темную речную глубь и отыскать его уже не удастся. К счастью, он сумел удержаться на поверхности до подхода лодки. Схватив его за руки, мы потащили горе-купальщика через борт, с ужасом ожидая, что вслед за ним из воды появится какое-нибудь чудовище. Но оказалось, что виной всему был большой металлический крюк, вонзившийся ему в икру. Крюк был привязан к толстой капроновой веревке, ухидившей в мутные глубины реки. Мы перерезали ножом веревку и втащили оплоумевшего от страха коллегу в лодку. Он был уверен, что попал в зубы как минимум крокодилу, и все еще не верил в свое спасение.

В клинике нас успокоили, объяснив, что местные жители ставят такие орудия лова на гишпопотамов, а вовсе не на белых людей. Так что вышло всего лишь недоразумение, к тому же по вине нашего товарища, ибо нормальные люди в той реке не купаются. Крюк был успешно извлечен с помощью скальпеля и оказался весьма похожим на те, что используются на мясокомбинатах для подвешивания коровьих туш. Только этот был снабжен «собачкой», дабы надежно застревал в теле. Оставшийся после операции шрам потерпевший выдавал потом за след от зубов бегемота.

С другим, основным, способом охоты на бегемотов мы познакомились в одной гвинейской деревушке.

...Сначала охотники выслеживали стадо. Конечно, им хотелось обнаружить его поближе к родной деревне, чтобы не было конфликтов с соседями и транспорти-

ровать добычу по воде было недалеко. Страшно худые, одетые в истрепанные укороченные штаны, в рваные рубашки и майки, смахивая больше на изголодавшихся, засидевшихся без работы речных разбойников, охотники бродили по берегу реки и внимательно всматривались вдаль.

Но вот они видят на сверкающей речной глади какое-то движение. Издалека — будто крупные карпы поедают плавающий на поверхности пруда корм. Вдруг из воды выныривает большая уродливая голова на толстой шее и вновь погружается. Охотники взволнованно обмениваются репликами и стремглав бегут в деревню. Там, у берега, уже стоят наготове большие лодки-долбенки, загруженные всем необходимым — гарпунами, веслами, веревками, крючьями. В одной из пирог лежит большое ружье, напоминающее старинную фузею, которым, возможно, пользовались еще первые колонизаторы и место которому скорее в музее, чем на охоте. В другой лодке я увидел корот-

кую многозарядную винтовку, честно прослужившую, судя по виду, не один десяток лет.

В срочном порядке отсылаются гонцы, чтобы собрать тех охотников, которые ушли выслеживать добычу в другую сторону от деревни. Но первые пироги уже отправляются в путь, чтобы незаметно следить за бегемотами из засады. Одну из лодок, самую маленькую, предоставляют за небольшую плату нам. Десяток пирог с людьми, по пять-шесть человек в каждой, собираются за небольшим мысом в нескольких сотнях метров от гиппопотамов.

Мужчины вполголоса, но очень темпераментно, причем все одновременно, обсуждают план предстоящей охоты. Ни одного слова не удается расслышать в этом приглушенном гаме. Нам больше понятны их жесты — в основном указывающие направление. Но, похоже, это бурное совещание — всего лишь традиция. Они уже не первый раз ходят на гиппопотама и прекрасно знают, что и как надо делать.

По команде старшего, внешне ничем не отличающегося от остальных, «Флотилия» устремляется на стадо.

Охотники кричат на разные голоса. Одни, согнувшись, отчаянно гребут короткими одиночными веслами, словно участники регаты, другие стоят в лодках, потрясая длинными гарпунами. Это особенные гарпуны — деревянные трехметровые шесты с плоским стальным наконечником, похожим на большую гребенку, острые зубья которой загнуты назад. На другом конце гарпуна — веретенообразное утолщение из пробкового дерева, утяжеляющее оружие и в то же время не позволяющее ему кануть в реку.

Наша долбленая пирога никак не хочет плыть в нужном направлении. Ценой огромных, хотя и беспорядочных, усилий нам все же удается плестись в хвосте. Главное — не перевернуться. Сказать честно, мы и не спешим в первые ряды. Опыта общения с гиппопотами, не считая тех, что маются в Московском зоопарке, у нас никакого. Да

и гарпунщиков в нашей лодке нет. Хороших гребцов, впрочем, тоже.

Завидев своих злейших врагов, бегемоты взволнованно фыркают, угрожающе выпрыгивают из воды, показывая всю свою мощь и надеясь отпугнуть безрассудных людей. Но те продолжают быстро приближаться. Животные начинают метаться, то и дело скрываясь под водой. И вот все стадо, поднимая волны, обращается в бегство. Бегемоты стремятся отплыть подальше от берега, на середину реки — там легче спастись. Но все стадо охотникам и не нужно. Напротив, они и сами опасаются подплывать к нему слишком близко. Почувствовав себя в ловушке, разъяренные гиппопотамы разметали бы убогие лодочки, как щепки, вместе с охотниками и их гарпунами. Люди рассчитывают на испуг животных и их неспособность в этом состоянии осознать свое преимущество в силе. Главное — отсечь одного, наиболее пугливого, неопытного зверя. Собратья не станут спасать его, и шансов уцелеть у него будет мало.

Замысел удается. Взрослый, но не очень сообразительный бегемот опрометчиво отдалается от стада, и вереница пирога немедленно врезается между ним и остальными животными. Отбившегося гиппопотама гонят на водный простор, не обращая больше внимания на других. Охотники гребут изо всех сил, стремясь обогнать его, обойти со всех сторон и зажать в кольцо. Они кричат без устали и возбужденно размахивают руками. Гарпунщики уже держат свое оружие наготове.

Спасаясь от преследователей, гиппопотам то и дело выпрыгивает из воды и вновь ныряет. Ему трудно состязаться с грбцами. Он смертельно напуган таким количеством агрессивных настроенных людей. И вот со всех сторон в него летят тяжелые гарпуны. Два-три застревают в его теле. Теперь ему не спрятаться под водой: торчащие на поверхности пробковые поплавки выдают его. Пирог окружает животное, отрезав ему все пути к бегству. Затравленный оглянувшись, бегемот погружается в воду. Охотники кричат все разом и тычут пальцами туда, где, по их предположениям, он должен вынырнуть. Глубина здесь небольшая, и ускользнуть незамеченным ему не удастся.

Вот он всплывает, шумно отфыркивается, и... гарпуны с жутким хрустом вонзаются ему в голову. На его блестящей коже, темно-серой с бежевыми разводами, выступает кровь. Бегемот иступленно мотает головой, толстые палки, словно спички, разлетаются в стороны и ранят нескольких охотников. Одному наконецник вонзается в плечо. Бедняга протяжно кричит, схватившись рукой за рану, и садится на дно лодки. У других лишь царапины и ушибы.

Зверь устал. Он не может уже подолгу отсиживаться под водой. Ему нужно дышать. Перепуганный, он пытается вынырнуть тихо и незаметно, но десятки горящих азартом глаз устремлены на него. Люди совсем рядом, их много, они оглушительно кричат. В гиппопотама летят все новые и новые гарпуны, и, едва успев глотнуть воздуха, он скрывается в глуби-

не. Над водой торчит целый пучок шевелящихся поплавок. Люди вплотную приблизились к животному. Они уже не боятся и чувствуют, что бегемот парализован страхом и не посмеет напасть.

Охотники пытаются гарпунами нащупать его под водой. Неожиданно огромная голова зверя появляется на поверхности в бурном водовороте розовой от крови воды. Животное задевает одну из пирог, неосторожно выдвинувшуюся вперед. Пирог переворачивается, стоящие в ней люди, как горох, сыплются в воду, к счастью, не на гиппопотама. С невообразимым проворством они вскарабкиваются в соседние лодки и вылавливают из воды оброненные гарпуны и весла. Бегемоту не до них. Широко раскрытой пастью он хватает вонзившиеся в него ненавистные палки, пытается перекусить их, вырвать из тела, но глубоко засевшие наконечники лишь причиняют ему нестерпимую боль, приводят в неистовство и лишают сил.

Ослабевшего гиппопотама удается постепенно опутать толстыми веревками. Туго перетянутый в несколько витков поперек туловища, он становится похож на гигантскую колбасу. Охотники с победными криками тащат обессиленную добычу к берегу. На мелководье, когда до суши остается несколько метров, бегемот упирается ногами в дно, не желая выходить из воды. Он чувствует надвигающуюся гибель. Утыканный гарпунами, как дикобраз иголками, он неподвижно стоит в воде и выжидательно смотрит на людей. Голова и шея его залиты кровью. Несколько смельчаков, войдя по пояс в воду, остервенело тычут гарпунами ему в голову, стараясь попасть в глаза. Это похоже на какую-то страшную, безжалостную корриду, в которой нет правил и допустимы любые приемы, где против одного животного выступает целая толпа голодных и беспощадных охотников, все более ожесточающихся при виде слабеющей жертвы.

После особенно болезненного удара бегемот вдруг вскидывает голову и с ревом бросается на мельтешавших перед ним человечков. Потряса повисшими на нем гарпунами, он выбегает на берег. Толпа, сбросив оружие, с визгом брызгает в разные стороны. Гиппопотам на секунду застывает, как бы опомнившись и испугавшись своего отчаянного порыва, и поворачивает обратно в реку. Однако веревки натягиваются и не пускают его.

Дружными рывками, шаг за шагом, охотники выводят его на берег. Бегемот стоит у самой воды, обреченно опустив голову. Он уже не способен сопротивляться. Сил едва хватает, чтобы держаться на ногах. Теперь охотникам остается лишь добыть его. Человек с ружьем осторожно подходит к животному и стреляет почти в упор ему в голову. Выстрел не оказывает ожидаемого действия. Методично шелкая затвором, стрелок всаживает в гиппопотама пулю за пулей...

Неожиданно животное срывается с места и бросается в воду. Растерявшиеся охотники падают, не сумев удержать веревки. Но, кажется, этого уже не требует-

ся. Бегемот неловко валится на бок, вздымая каскады брызг, и перекатывается через спину. Агония длится недолго. Люди, ликуя, спешат к добыче, окружают ее плотным кольцом и, радостно галдя, выдергивают из тела гиппопотама уцелевшие гарпуны и оставшиеся в нем наконечники. Они горячо обсуждают, чье оружие первым поразило животное. Каждый неопровержимо доказывает соплеменникам, что не кто иной, как он, смертельно ранил гиппопотама. Все хотят прослыть ловкими и удачливыми добытчиками.

Охотники сообща выкатывают необъятную тушу на берег. Они заливаются счастливым смехом и с размаху хлопают бегемота по брюху. Добыта целая гора мяса! Начинается дележ. Он сопровождается бурными проявлениями радости. Кто-то вдохновенно поет, кто-то пританцовывает с большим куском мяса в руках, предвкушая обильную трапезу и гулянье на всю деревню. По изможденному виду этих людей можно понять, что им нечасто удается поест вдоволь, а тем более — заполучить столь сытный трофей. Для этого, как я уже говорил, требуется неурожай, разрешение властей и охотничье счастье.

Все внимательно следят, чтобы кто-нибудь не поддался соблазну и не спер в суматохе лишний кусок. На берегу уже собралось все население деревни. Сбежались быстроногие подростки, прямо по грязи приползли не научившиеся как следует ходить дети, приковыляли немощные, невероятной худые старики, тусклые глаза которых загораются молодым веселым огнем при виде поверженного гиганта. Они по-детски радостно улыбаются беззубыми ртами, указывают скрюченными, заостренными пальцами на распростертого бегемота и что-то возбужденно лопочут друг другу — не иначе как вспоминают собственные подвиги.

Тот, кому шальной гарпун угодил в плечо, толчется как ни в чем не бывало в самой гуще народа и, похоже, требует себе премиальный кусок за полученную травму. Рана его прикрыта лохмотьями и, судя по тому, как он размахивает руками, не очень его беспокоит. Охота окончена. Все целы и невредимы, все — кроме гиппопотама. Женщины уже взялись за приготовление гарнира из ямса — огромного, поистине раблезианского картофеля. Неподалеку от нас, у хижин, молодые сельские красавицы в длинных пестрых одеждах, грациозно гнибая стан, слаженно толкут в большой высокой ступе сорго или маис, из которого потом будут печь лепешки. Деревню ждет веселое пиршество.

Мы на него не приглашены. Вероятно, потому, что от нас не было никакого прока на охоте, да и неурожай мы не претерпели. Перед тем как уйти, мы все же спрашиваем у одного из бывалых охотников: «Какое мясо ближе всего по вкусу к мясу бегемота?» Ответ был исчерпывающим: «Носорога».

Нужно быть великим искусником, чтобы в ничтожно малое вместить все.

Сенека

Э то слово я впервые услышал от своей прабабушки и, поскольку в ту пору зачитывался «Легендами и мифами Древней Греции», то и значение его истолковал соответственно: Камеей в моем воображении звалась прекрасная

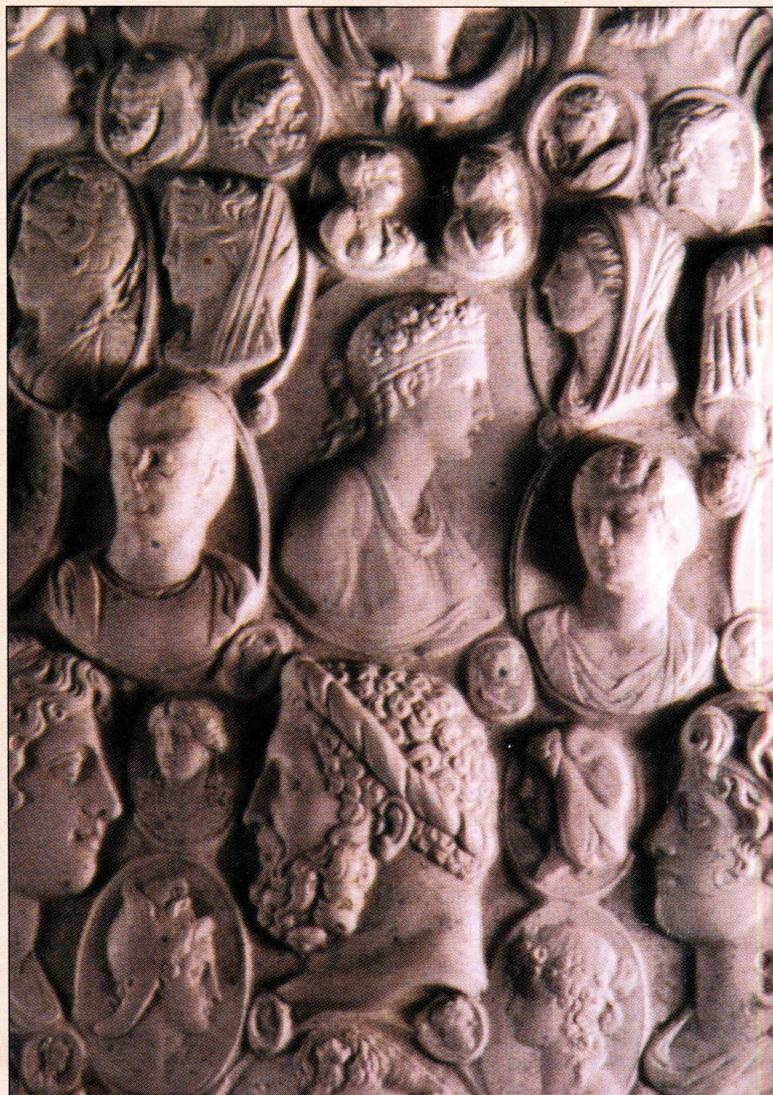
Царица Камея

Алексей ШЛЫКОВ

ФОТО А.СВЕРДЛОВА, А.КАМЕНЕВА.

греческая богиня или, в крайнем случае, дочь какого-нибудь лидийского царя. Покойный профессор Кун, однако, вежливо проводив меня до последней страницы, напрочь развеял фантазию: никакой Камеи в греческом пантеоне не оказалось.

Прошло время, я узнал истинную и не слишком поэтичную этимологию своей первой любви (итал. «cammeo» — резной камень), но тот обрывок трехстопного амфибрахия, схваченный в детстве, — Камея — еще долгое время дразнил меня оливковым привкусом Эллады... Собственно говоря, неискушенная детская интуиция ошибается разве что дверью: история «резного камня» своими корнями уходит в глубокую древность.

Х удожественная резьба по камню, или глиптика, возникла в V тысячелетии до н.э., в Месопотамии. В те допотопные времена резчики ограничивались лишь изготовлением инталий — гемм (картин в камне) с углубленным изображением. Исполненные в мягком камне, они служили в основном печатями. Хотя египтяне (в отличие, скажем, от халдеев) не ставили перед собою только прикладные задачи: их скарабеи из сердолика, ныне украшающие многие музеи мира, — настоящие произведения ювелирного искусства. Эти-то скарабеи и попали в VI веке до н.э. в Грецию, где расцвет глиптики достиг своего апогея. В Греции же был изобретен станок для резьбы по камню. Его

**Античные образы
вдохновляют
художников
до сих пор.**

автором считается Теодор Самосский, выточивший перстень для Поликрата, знаменитого деспота и тирана.

Резцы различной конфигурации и размеров вращались с помощью колеса и приводного ремня; абразивом служил «накосский камень», порошок корунда или алмазная пыль. Работа была изнурительной и трудоемкой, ошибаться было нельзя — одно неосторожное движение — и хрупкий камень мог треснуть.

Художники Эллады в буквальном смысле оттачивали свое мастерство. Однако дальше инталий не шел даже легендарный Пирготель, получивший исключительное право гравировать самого Александра Македонского.

Собственно камеи, то есть геммы с выпуклым изображением, появились только к концу IV века до н.э. — их родиной считается Александрия. Поначалу их резали на многоцветном сардониксе, но вскоре в дело пошли драгоценные «дары Востока» — аметисты и топазы, гранаты и аквамарины, гиацинты, изумруды, сапфиры... После завоевательных походов Александра сырья хватало с избытком. Экзотика восточных минералов сочеталась с высоким гением эллинизма — первые резчики камей как будто не ведали трудного периода поиска: в камнях мастера воспроизводили картины, хранящиеся в святилищах, — тем самым увековечивая творения живописцев. Уже самые ранние из них поражают своим совершенством.

Высокая стоимость камня, уникальная работа — все это мог оплатить только очень состоятельный заказчик. Вышим шиком среди аристократов считалось иметь собственную дактилиотеку — коллекцию резных камней.

С падением последней эллинистической державы, царства Птолемея, мно-

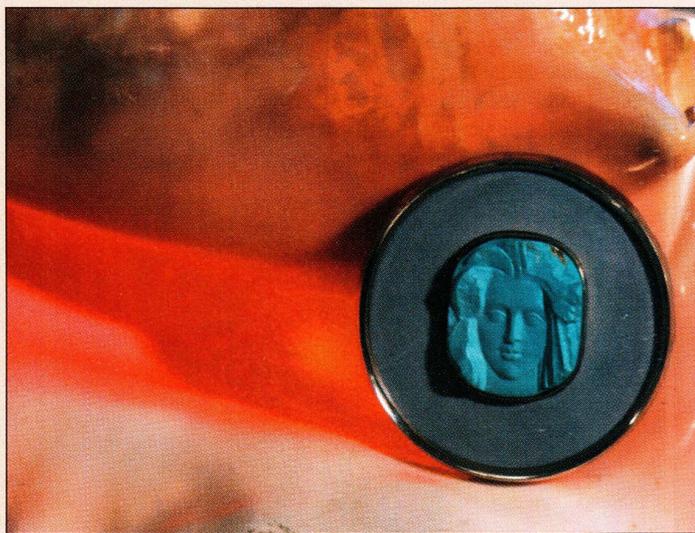
гие греческие умельцы эмигрировали в Рим, новую столицу мира. Римляне, считавшие себя законными преемниками эллинов, особенно преуспели в части собирания гемм. Великолепные дактилиотеки были у Юлия Цезаря. «Он постоянно, с большим увлечением скупал резные камни», — писал о нем Светоний. Надо отдать должное диктатору — шесть из своих собраний он посвятил храму Венеры.

Личного резчика, по примеру великого Александра, имел Божественный Август (через полторы тысячи лет его время назовут «золотым веком античной глиптики»): греку Диоскуриду была оказана великая честь сделать портрет первого римского императора. Резцу этого же мастера принадлежит и гемма с изображением дочери Клеопатры. Кстати, триумвир Марк Антоний, любовник, а затем и супруг египетской царицы, был просто помешан на геммах. Когда сенатор Нонния отказался продать ему одну роскошную камею, тот занес его в списки осужденных и изгнал из Рима (но камеи так и не получил). Помпей, наголову разбив понтийского царя Митридата Евпатора, завладел и его дактилиотеккой — одна только ее опись заняла тридцать дней! Правда, позже полководец пожертвовал эту коллекцию главному святилищу Рима — храму Юпитера Капитолийского.

Но самым фанатичным «собирателем» был, пожалуй, Гай Веррес, римский наместник в Сицилии. Его «любовь» к резным камням была столь велика, что им заинтересовались в Сенате. Проконсулу ставилось в вину присвоение гемм, принадлежавших храмам и частным лицам, — его награбленная коллекция оказалась самой богатой в империи. Обвинителем выступил Цицерон, посвятивший этому процессу аж семь судебных речей. Последняя из них завершалась словами: «О, времена! О, нравы!» Веррес был приговорен к ссылке и возмещению ущерба в размере сорока миллионов сестерциев... Он еще дешево отделался. «Среди гемм имеются такие, которые слывут бесценными и не имеют соответствующей стоимости в человеческих богатствах, — писал век спустя Плиний Старший. — Хотя многим людям для высшего и абсолютного созерцания природы достаточно всего одной геммы».

**Современная
«богиня».**

Шли годы, проходили столетия... В руины обращались античные храмы, полотна древних художников рассыпались в прах. И лишь каменные картины сохраняли свою первоначальную прелесть — будто только что вышли из-под резца.

В средние века начинается вторая жизнь античных камней — они находят приют за стенами монастырей и соборов. При этом их «языческое» содержание обретает новый, христианский смысл. Так, Юпитер с орлом у ног становится евангелистом Иоанном, богиня победы Ника — ангелом, Орфей — Давидом, Беллерофонт верхом на Пегасе — святым Георгием. Камень, изображающий спор Афины с Посейдоном, слегка подправленная и снабженная цитатой из писания, превращается в «Грехопадение Адама и Евы». Гемма с портретами Друза и Антонии долгое время почиталась в Провансе как фрагмент обручального кольца Иосифа и Марии. Рака с останками голов волхвов, хранившаяся

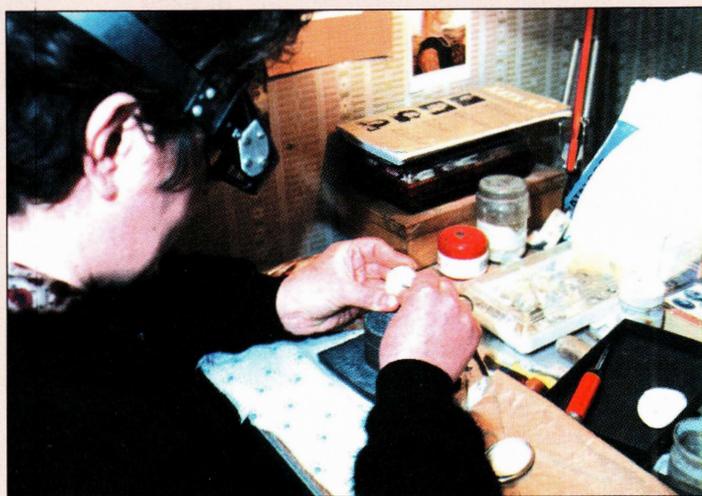
гемма с портретом императора Коммода и надписью: «Христос, защити Карла, короля франков!»

Собственно, с этих камней и началось знакомство гуманистов Возрождения с классической культурой. Античными геммами восхищались Петрарка и Рафаэль, Боттичелли и Леонардо да Винчи, Бенвенуто Челлини и Микеланджело. Но не всякий почитатель античности мог позволить себе приобрести подобную роскошь. Страстный антиквар папа Павел II, например, обещал аббатству Сен-Сернен в Тулузе построить мост через Гаронну в обмен на «камею Августа», но капитул аббатства посчитал, что цена недостаточно высока, и сделка не состоялась... Когда из Кельнского собора была похищена камея с «головами волхвов», советник ратуши велел на двенадцать дней запретить городские ворота и объявил награду тому, кто укажет местонахождение реликвии, — равноценную двух тоннам золота!

...А были ли в Европе свои собственные резчики? О да! Родоначальниками новейшей глиптики стали итальянцы Витторио Пизано и Донателло — они возвели искусство камнереза на один уровень с ваянием и зодчеством. И это не громкие слова: технология резьбы по камню оставалась той же, что и во времена Пирготеля, на изготовление одной камеи уходили месяцы, иногда годы. Выдающийся итальянский резчик Якопо да Треццо признавался, что «для создания больших камней из агата, превосходящего своей твердостью сталь, необходимо столько же времени, сколько для возведения готического собора».

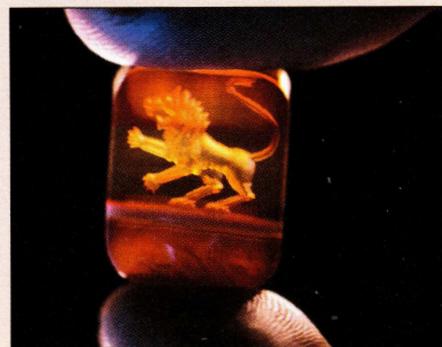
Мода на резные камни не угасала на протяжении веков (если не считать несколько странного равнодушия к ним в XVII веке), но настоящий их триумф — XVIII век. Тогда-то камея и появляется впервые в России — Петр I приобрел в Голландии небольшую коллекцию гемм для Кунсткамеры. Екатерина II пошла значительно дальше, создав в Петербурге гигантский кабинет антиков (как в то время называли всякие резные камни). Размах своих приобретений императрица в шутку окрестила «обжорством», «камейной болезнью», а свое огромное собрание гемм — «бездной».

«Болезнь» нача-

Так работает сегодня художник-камеист.

в Кельнском соборе, была украшена камнями с портретами Птолея и Арсинои, Нерона и Агриппины (где солнечный диск играл роль вифлеемской звезды). В аббатстве Сен-Дени хранилась камея с портретом дочери Августа Юлии, прославившейся своим распутством, — на гемме была выгравирована монограмма девы Марии!.. Оклады священных книг, реликварии с мощами, иконы, церковная утварь — все отныне украшается античными камнями. Печатью Карла Великого была римская

лась в 1799 году: когда в Риме умирает живописец А.Р.Менге, Екатерина приобретает не только его полотна и картоны, но и камею «Персей и Андромеда», привезенную художником из Испании и показавшуюся тогда слишком дорогой для испанского короля. Императрица извещает своего художественного агента Гримма: «Камея с изображением Персея и Андромеды торжественно помещена в музей в нижнем этаже покоев... Она, в

нейших антиков. «Моя маленькая коллекция резных камней такова, что вчера четыре человека с трудом несли две корзины с ящичками, в которых заключалась едва ли половина собрания, — сообщает императрица Гримму. — Это были те корзины, в которых у нас зимой носят дрова».

Великая Французская революция также обогатила Эрмитаж: к русскому двору доставляются роскошные камеи принца Конти, Сен-Мориса, Дазенкура, мадам Бодевиль... Чуть позже в Северную Пальмиру отправляется коллекция директора дрезденской Академии художеств Ж.-Б.Казановы, брата знаменитого жизнелюба. При этом Екатерина записывает в своем дневнике: «Все собрания Европы, по сравнению с нашим, представляют собой лишь детские затеи».

Однако императрица понимает: России нужны свои мастера... И вот уже «Ея Высочайшим Указом» на Урал снаряжается экспедиция — отныне в Петербург регулярно поставляются самоцветы, из коих придворные резчики изготавли-

Камеи из коллекции Эрмитажа.

самом деле, близка к совершенству». В 1782 году кабинет в Петербурге пополняется коллекцией гемм художника Д.Байрса — она обошлась ее величеству в 6 тысяч секвинов. Княгиня Дашкова не без гордости отмечает в своих «Записках»: «Екатерина вследствие моей рекомендации купила ее целиком».

Но самой яркой звездой в этой «бездне» стала коллекция герцога Луи-Филиппа Орлеанского — она была приобретена в Париже за 40 тысяч рублей и насчитывала полторы тысячи отбор-

ют геммы, по красоте не уступающие европейским. Вскорости уральским умельцам предписывается «не токмо точить камень, но и резать на нем искусно», — екатеринбургский завод становится центром нового промысла.

Почти все камеи, изготовленные на Урале, посылались в столицу — в подарок царской семье, обыкновенно на Пасху. Эта уникальная уральская коллекция, равно как и «европейские приобретения» Екатерины, хранится теперь в Эрмитаже.

Ну а что сегодня? В наш век прагматизма искусство резьбы по камню, казалось бы, должно кануть в Лету. Глиптика консервативна: пейзаж, портрет, а, если сюжет, то, как правило, по мотивам античной мифологии — вот, собственно, и вся тематика. Стоит ли копировать то, что до тебя создавали на протяжении тысячелетий?..

сти, а ныне ее работы украшают музеи и частные коллекции.

— Глиптика — искусство уникальное, — считает она. — По сути, это сотворчество человека и природы. Сам материал порой подсказывает сюжет, диктует способы его решения. Возьмем, к примеру, «волосатик», прозрачный кварц с внутренними включениями в виде рыжих, как бы светящихся нитей. Они очень напоминают золотой дождь... В его струях

так и вижу женскую фигурку, совершенно верно — Данаю!.. Возлюбленную Зевса, который явился к ней под видом золотого дождя. Вечный сюжет. И для его прочтения нет лучшего материала, чем этот кварц... То же касается и резьбы по раковине. Прежде чем приступить к работе, я внимательно изучаю рельеф скола, чередование светлых и темных слоев, их толщину. Убрал лишнее в белом слое, я на темном фоне могу оставить светлый рисунок и наоборот. Или, допустим, на белолицем портрете сделаю более темными глаза, губы, волосы — да еще с разными оттенками. Вариантов не счесть, ведь

Работы московских художников Ольги и Юрия Бондаренко.

Тем не менее древнее искусство живо, хотя сегодня в России работает не более 15 мастеров-резчиков. В прошлом — это художники и дизайнеры, скульпторы и архитекторы, книжники и прикладники, есть даже один инженер. Технику глиптики каждый освоил самостоятельно — ни одно художественное училище этому не обучает.

Так, один из лучших в стране «камеистов» — Ольга Бондаренко — окончила Московский технологический институт легкой промышленно-

каждый материал индивидуален, необходимо раскодировать его, увидеть в нем будущее произведение.

Ольга берет овальную заготовку и быстро рисует на ней карандашом. Летят секунды, и на перламутровой поверхности прочитывается очаровательный женский образ. Пять минут, и карандашный рисунок готов.

— Далее бором снимается фон, общие объемы, — поясняет Ольга, — и начинается легка форм, детализировка, то есть собственно глиптика (в руках мастера по-

является штихель — резец). Самое главное — чистота линий, выразительность силуэта. Силуэт определяет стиль, настроение образа. При этом любая «мелочь» — наклон головы, разрез глаз, улыбка — играет чрезвычайно важную роль... Можно убрать одну прядь волос и совершенно изменить настроение портрета.

— Одно движение резца — и портрет переносится из одной эпохи в другую.

— Именно так... Резчик, как, наверное, и всякий художник, обязан хорошо знать историю культуры, изучать моду разных времен, прически. Ведь у каждой эпохи свой тип красоты... А при резьбе по камню надо еще учитывать и его символику. Так, Венеру обычно режут на сердолике, это камень любви. Но об этом лучше расскажет мой муж.

— Я согласен с Ольгой, — включается в разговор Юрий, — глиптика — это свежесть импровизации и диктатура камня одновременно. При этом, чем больше возможностей у материала, тем труднее художнику. Особенно сложно работать с благородными камнями, и не только потому, что они хуже поддаются резцу, есть еще и чисто психологический фактор. В процессе работы тебя постоянно тревожит мысль: как бы не испортить материал. Погубил один образец, другой — в третий раз ты уже подумаешь, стоит ли браться за дорогостоящий минерал. Я знаю художников, прекрасных резчиков, которые после таких неудач долгие годы не могли и близко подойти к драгоценному камню. Полная блокада, душевная травма. У некоторых она остается на всю жизнь...

— Но к тебе это не относится.

— Тьфу, тьфу, тьфу! — Алюминиевой иглой Юрий наносит на агатовый шлиф рисунок (снова очаровательная «богиня») и включает бормашину.

Искусство инталии для дилетантского глаза непостижимо: мастер минутно смачивает водой камень, дабы тот не раскололся от перегрева, — вода, смешанная с каменной пылью, абсолютно скрадывает рисунок, и поэтому создается впечатление, что резчик работает по наитию, вслепую. В сущности, так оно и есть. Но поражает даже не это. Негативный, «потусторонний» характер инталий требует от резчика зеркального мышления — лишь контрольный слепок на пласти-

лине время от времени возвращает художника в реальный мир привычных объемов: чем глубже выборка на камне, тем рельефнее пластилиновый дубль. Одно слово: печатка... Юрий меняет резцы на все более тонкие. Наконец бормашина вооружена самым «утонченным» бором — жалом, иглой, подернутой алмазной пылью.

— Самое сложное в портрете, — это ве-

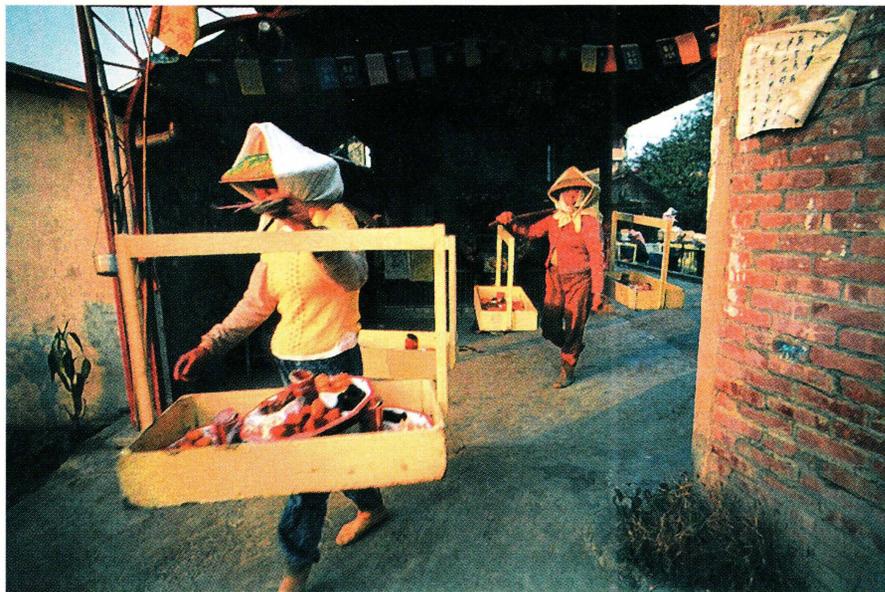
В мастерской Ольги и Юрия Бондаренко.

ки, глаза. Глаза решаются одним движением, второй раз такую же линию не проведешь, только испортишь работу. И камень. В вечном материале ошибаться нельзя, иначе увековечишь свое неумение...

В этом, видимо, и заключается феномен глиптики: вечный материал требует вечной темы. Резчик не вправе размениваться на сиюминутные образы, его искусство живет вне времен — какие бы ветры не веяли на дворе, какие бы новые миры не правили этой грешной землей... Ибо в действительности миром правит одна Красота.

Иначе почему мы так заморожено — затаив дыхание, забыв обо всем на свете, — заглядываемся на эти «милые безделушки», эти резные камни, — и нам, по большому счету, все равно, кто сотворил это чудо — неизвестный александрийский мастер, живший две тысячи лет назад, или московский художник, живущий здесь, среди нас, на исходе двадцатого века...

ДОУФУ НА ТЫСЯЧУ ВКУСОВ

Ничто так не сопротивляется изменениям, как привычки в еде. У китайцев, наверное, особенно: пища и все с ней связанное занимает в их быту особое место. Но все, конечно, меняется, вот и в Пекине «Макдональдс» открыли. Многие и маслом не прочь стали полакомиться, а кое-кто даже и от сыра не откажется, а уж к сыру-то всегда тут питали омерзение, как к испорченному напрочь молоку. Но, конечно, сыр едят пока лишь гурманы-извращенцы.

То ли дело соевый творог «доуфу»! Вкусен, безвкусен, годится на тысячу блюд. А потому разносчики кушаний из него никогда не исчезнут с улиц китайских городов. У кого — свои клиенты, кто просто бродит по улицам, громко крича: «Доуфу! Доуфу!»

Без работы они не останутся. Никогда.

И ПОМЕРЕТЬ НЕ ДАЮТ...

Полинезийцы считаются самыми полными людьми в мире, это их расовая особенность, такая же, как бронзовый цвет кожи и мягкие, приятные черты лица. Все это относится к новозеландским маори, коренным жителям страны. Сейчас они возмущены решением властей об увеличении на 30 процентов платы за похороны толстяков.

Администрация города Пориуа, что недалеко от Веллингтона, где проживает особенно много маори, мотивирует это тем, что гроб с полным человеком занимает больше места на кладбище. Так что теперь маорийцам, желающим сэкономить на своих похоронах, нужно позаботиться о месте в другом поселке, что противоречит их религиозным нормам. И вообще, как сказал маорийский вождь Пориуа, «если белые так хорошо умеваются на квадратном метре, почему они не сидели дома, а захватили нашу страну?»

СОБАКА — ДРУГ ТАКСИСТА

Общеизвестно, что чехи народ миролюбивый. Народ — безусловно, но вот отдельные его представители... Слухи о неукротимом нраве пражских таксистов стали уже притчей во всех языцах Европы, а сами представители почтенного клана столичного частного извоза оправдываются: мол, сколько развелось в Златой Праге всякого чужеземного ворья, что поневоле приходится думать о собственной безопасности... Вот и начали появляться в чешских такси «электрические кресла», сильным разрядом приводящие в чувство не в меру ретивых пассажиров.

Правда, стоят такие сиденья недешево, да и заказывать их приходится в Германии — куда как проще завести себе живого охранника. Например, какого-нибудь бойцового пса. Пражские таксисты предпочитают славящихся своей свирепостью питбулей: большую часть времени собаки провоят, уютно устроившись под одним из кресел, но в случае необходимости... Ну, а таксисты довольны — и защита надежная, да и в дороге вдвоем веселее.

НЕ ПОМИНАЙ КОРАН ВСУЕ

Кшести годам лишения свободы приговорил окружной суд пакистанского города Шейххупура (провинция Пенджаб) одного местного жителя, который признан виновным в нарушении действующего в стране «Закона о богохульстве». Закон предусматривает строгие меры наказания за оскорбление святынь ислама и имени Аллаха и Пророка Его Мухаммеда. Вина бедняги-магометанина заключается в том, что в пригласительных билетах на свадьбу дочери он использовал цитаты из Корана. И тем помянул Имя Божие всуе...

«ХОРОШО, ЧТО ВЫ ПРИШЛИ»

Возьми с собой... не просто в дорогу — в последний путь. Смерть не преграда для настоящего эксцентрика: даже переход в мир иной можно обставить так, что говорить о тебе будут если не годы, то месяцы точно. Подобно владыкам древности, люди отправляются на тот свет в окружении любимых вещей — слава Богу, что обычай прихватить с собой в могилу еще и кого-нибудь из близких почти вышел из моды. Ключики для гольфа и счастливые лотерейные билеты, пижамы и купальные халаты, пачки сигарет, курительные трубки, упаковки пива, бутылки кетчупа и бренди — список необходимого для загробной жизни можно продолжать до бесконечности. Один кондитер, например, завещал похоронить себя не иначе, как с шоколадным эклером в каждом из карманов погребального костюма.

Его просьба была исполнена — в отличие от пожелания американца Саймона Рубина: тут возмутились родственники других усопших. Рубин захотел установить на своей могиле свою же статую, которая бы приветствовала каждого проходящего взмахом руки и коротенькой речью. Нет, вы только представьте себе: ночь, кладбище, кресты, и загробный голос произносит: «Привет. Хорошо, что вы пришли».

КВАРТПЛАТА САМОГОНОМ

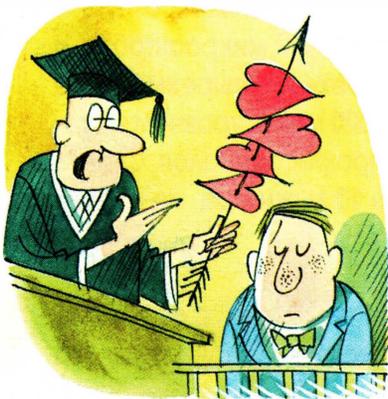
Если цены на спиртное высоки, люди — и не только в нашей стране — гонят самогон. Так, в Швеции незаконно производится за год 8-9 миллионов литров самогонки. Среди самогонщиков немало пожилых людей. Выручка от незаконной торговли — неплохое дополнение к пенсии. Многие из пенсионеров признаются, что это позволяет им оплачивать квартиру. «Не дай Бог, — говорят они, — снизят цены на водку. С чего тогда жить будем?»

ВОКРУГ СВЕТА ЗА ГРОШ

Название нашего журнала тут ни при чем: заголовок следует принимать буквально. Как известно, японцы — страстные путешественники. Не менее известно, что на чужбине они все видят только в объектив фотоаппарата или видеокамеры, делая — все как один! — одинаковые снимки на фоне пирамид, Эйфелевой башни, Василия Блаженного и т.д. Гораздо менее известно, что не всем японцам по карману путешествия. Для этих последних фирма «Летающая хризантема» предлагает новый вид обслуживания: за малую плату вас снимают на видеопленку, а потом смонтируют фильм о вашем псевдопутешествии куда угодно, хоть и вокруг планеты.

Очень качественный получается фильм и такой же однообразный, как у семейств Тоямма, Судзуки и Токанава...

СУЛТАН-ЗАОЧНИК

Некий Вернон Пирс, американец, получил пять месяцев тюрьмы за многоженство. Он был разоблачен после того, как две из его четырех жен, случайно встретившись, разговорились и решили после этого пойти в полицию. На суде выяснилось, что Вернон впервые женился в 1989 году, а затем, путешествуя по Америке, вступал в брак еще три раза. Обычно он представлялся коммивояжером или инженером и после свадьбы интенсивно тратил деньги очередной супруги. В свое оправдание обвиняемый заявил присяжным, что собирается развестись с тремя предыдущими женами, так как только последняя из них, четвертая, его действительно понимает.

— Любит она вас? — спросил судья.

— Еще как! — гордо отвечал подсудимый.

— Значит, подождет, — попытожил судья.

БЕЗУМНЫЙ НОРВЕЖСКИЙ ГОЛЬФ

Первое: норвежцы считаются одной из самых флегматичных наций на Земле. Второе: норвежцы очень любят гольф, и их игроки одни из сильнейших в мире. Третье: не бывает правил без исключений.

Отставной офицер королевских ВВС Олаф Фремадрссон из пригорода Тронхейма предъявил своим соседям, владельцам местного гольф-клуба, иск на 2,2 миллиона долларов в возмещение моральных убытков. Старый солдат не смог снести крика и мата, сопровождающих всякий раз игру гольфистов.

— Они орут и ругаются, как каторжники, после каждого неудачного удара, — жалуется херра Фремадрссон, — а удачные удары у них — большая редкость.

Судебный процесс еще не закончен. Хозяева клуба оправдываются тем, что сдерживать эмоции игроков выше их сил. Такой, понимаете ли, темперамент.

ДЛЯ ЭКОМЕЛОМАНОВ

Известно ли вам, что почти все насекомые имеют «голос»? Конечно, известно — все мы слушали кузнечиков, сверчков, комаров, мух и пчел. Но любят помузицировать и некоторые виды клопов, а также навозные жуки.

Энтомологи Национального агрономического института Франции записали дневные и ночные концерты пятидесяти видов насекомых. Каждый покупатель этого необыкновенного компакт-диска получает буклет, который представляет всех исполнителей. И если вы друг природы, вы насладитесь пением навозного жука, словно он соловей...

ВЫ — НЕ РОБИН ГУД!

Более 400 краж и ограблений совершил за последние два года житель Токио Сюдзи Томита. Правда, он считает, что у него есть смягчающие обстоятельства: он ограждал себя от возможных потерь при игре на тотализаторе. Всякий раз, когда Томита — страстный, но хронически неудачливый игрок — ставил на скачках, он, не дожидаясь результатов, направлялся прямоком «на дело». Как утверждает полиция, вор уже признался в содеянном, но клянется при этом, что никогда не брал больше той суммы, на которую ставил, и — соответственно — проигрывал. И тем восстанавливал справедливость. К сожалению, японский суд — не самый гуманный в мире — не счел его доводы убедительными и отправил за решетку.

ГОРЯЧИЕ БРАЗИЛЬСКИЕ ПЯТНИЦЫ

Горячие — в смысле бурные. Или, говоря иначе, «прелюбодейские». Потому как именно на этот день по всей Бразилии приходится самое большое число супружеских измен.

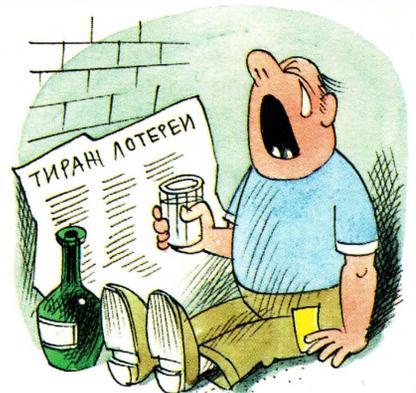
В пятницу вечером гостиницы, мотели и всякие питейные заведения, как в самой Бразилии — имеется в виду столица одноименного государства, — так и в ее окрестностях, работают на всю катушку. Даже автостоянки, разбросанные по территории огромного городского парка, чуть ли не битком набиты машинами, где любовным утехам предаются неверные — мужья и жены. Многие любовники в пылу оставляют на местах «супружеской измены» улики — от документов до нижнего белья.

Среди забывчивых завсегдатаев широко известна некая шестидесятилетняя сеньора, которая неизменно забывает в номере мотеля, где встречается с друзьями милыми... вставную челюсть. И каждую пятницу, к ее приезду, служащие камеры хранения забытых вещей при мотеле готовят стаканчик со свежей водой — забота о клиентах здесь превыше всего!

ОТЧЕГО ЛЮДИ ПЬЮТ?

По мнению британского психиатра Хантера — от проигрыша в лотерею. Доктор Хантер, который работает в одной из больниц Глазго, сообщил о недуге, возникающем из-за этого. Как отмечает доктор, некоторые его пациенты после очередной неудачи чувствуют такую безнадежность и опустошенность, что их с непреодолимой силой тянет к алкоголю. Врач назвал новую болезнь «лотерейным стрессом».

А вы думали: «отчего люди пьют?..»

Составили
Н.БАБЕНКО
и А.МИНЦ

Рисунки В.ЧИЖИКОВА

Еще раз о гибели крейсера «Жемчуг»

Памятная доска с именами погибших установлена журналом «Вокруг света» в октябре 1995 года.

Фото прислано из Пенанга.

Седьмого сентября 1995 года корреспонденты журнала «Вокруг света» Л. Минц и И. Захарченко отправлялись в Малайзию. При них находился необычный груз — латунная доска с именами моряков русского крейсера «Жемчуг», погибшего в октябре 1914 года в бою с немецким рейдером «Эмден» в малайском порту Пенанг. В программу поездки корреспондентов, организованной бюро путешествий «Вокруг света» совместно с Министерством туризма Малайзии, входил и Пенанг, где доску ожидал Почетный консул России господин Тео Сен Ли, взявший на себя все хлопоты по ее установке на памятник морякам «Жемчуга».

История появления памятной доски началась с очерка Елены Чекулаевой «На рассвете, в Пинанге...»¹, напечатанного в журнале «Вокруг света» (№2/95). В нем описывалась гибель русского крейсера, какой она представлялась «по материалам пожелтевших местных газет» малазийской столицы Куала-Лумпура. И, кроме того, в очерке рассказывалось о памятнике на могиле русских моряков, поставленном в советское время, за которым ухаживала судоходная компания «Хай Тонг Шиппинг», чьим руководителем как раз и является господин Тео, одновременно состоящий Почетным консулом Российской Федерации в Пенанге.

Но все дело в том, что памятник был безымянным: «Русским военным морякам крейсера «Жемчуг» благодарная Родина» — этой надписью исчерпывались все сведения о наших соотечественниках, погибших вдали от России. И помня еще недавно столь популярные слова: «Никто не забыт, ничто не забыто», в журнале «Вокруг света» решили разыскать имена погибших моряков и увековечить их на русском памятнике в Пенанге. Имена 88 погибших были разысканы в Российском государственном архиве Военно-морского флота в Санкт-Петербурге.

Редакция журнала «Вокруг света» выделила деньги на изготовление памятной доски. Ее эскиз сделал один из старейших работников Института океанологии Российской академии наук В. Буренин, методами компьютерной графики он был реализован художником журнала «Вокруг света» К. Янситовым. Латунная доска размером 30x40 см была заказана московской фирме ВЛАНД.

Получив такой необычный заказ, руководитель фирмы Владислав Борисов сообщил редакции, что, по общему

согласию работников фирмы, доска в память русских моряков, похороненных далеко от России, будет изготовлена безвозмездно. Доска была освящена в храме Святителя Николая в Хамовниках, после чего вместе с корреспондентами журнала «Вокруг света» отправилась в Малайзию.

Большую помощь оказал представитель Совфрахта в Куала-Лумпуре К. Простаков, договорившийся о технических моментах установки доски на памятнике и осуществлявший связь с городом Пенанг (Джорджтаун), расположенном на острове в двухстах с небольшим километрах от Куала-Лумпура. Российский посол В. Я. Воробьев, занятый неотложными делами, передал корреспондентам через своего помощника, что доской займется Почетный консул России в Пенанге.

«Мы сделаем все для их памяти», — сказал господин Тео Сен Ли по-русски, принимая памятную доску. И он выполнил свое обещание. В октябре 1995 года, как только были преодолены последствия наводнения, сильнейшего за последние три десятилетия, в которое попали и корреспонденты нашего журнала, оказавшись в Пенанге, доска была установлена на памятнике. Редакция журнала «Вокруг света» получила фотографии, запечатлевшие установку доски¹.

В ходе исторического поиска стали известны новые сведения о гибели крейсера «Жемчуг», судьбе его командира, а также судьбе памятника на могиле русских моряков. Эти сведения, часть из которых впервые появляется в печати, вызвали необходимость исторически достоверно восстановить трагический эпизод истории Российского флота и последовавшие за этим события, сфокусировавшиеся на русском памятнике в Пенанге.

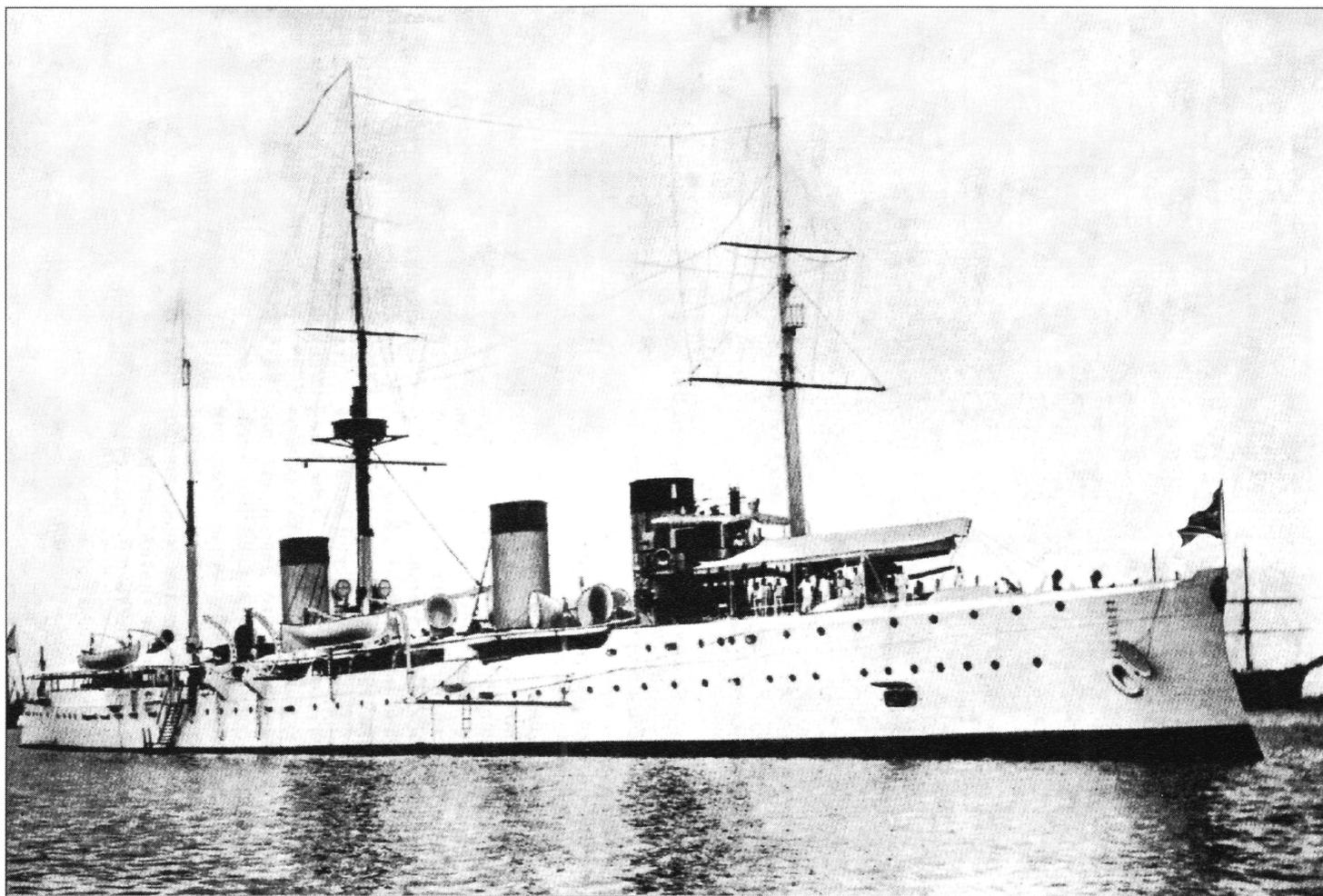
¹ Пинанг, Пенанг — существует два написания этого названия. Авторы статьи придерживаются данных «Атласа мира» 1968 года — Пенанг.

¹ В ответном письме из редакции господину Тео Сен Ли была выражена глубокая благодарность за выполнение взятой на себя миссии установить памятную доску, «за все, что Вы сделали для нас».

Итак, 13/26 октября 1914 года «Жемчуг», крейсер Сибирской флотилии, с началом военных действий откомандированный в союзную англо-французскую эскадру, вернулся в порт Пенанг, на острове того же названия в Малаккском проливе, откуда в конце сентября ушел в поход на поиски немецкого крейсера «Эмден». Командир «Жемчуга» капитан 2 ранга барон

ке, надеялся застать здесь французские броненосные крейсера «Монкальм» и «Дуплекс» и атаковать их во время стоянки на якоре¹. Немцами была предпринята военная хитрость: поставлена четвертая фальшивая труба из брезента, так что при плохой видимости «Эмден» мог сойти за английский крейсер «Ярмут». Французский миноносец «Муске», несший охранную службу, попался на эту

«На нем царили мир и тишина. Мы были так близко от него, что в слабом свете зарождавшегося дня отчетливо было видно все, что делается на русском крейсере. Но ни вахтенного начальника, ни вахтенных, ни сигнальщиков не было заметно. С дистанции около одного кабельтова (185,2 м — авт.) мы выпустили свою первую мину из правого бортового аппарата и в тот же момент открыли

И.А.Черкасов получил от английского адмирала Джерама, в подчинении которого находился, разрешение на семидневный заход для переборки механизмов и чистки котлов. В связи с действиями в этом районе «Эмдена», командиру русского крейсера было рекомендовано принять все меры предосторожности, стоя на якоре в бухте Пенанг. Но кавторанг Черкасов должных мер не принял, практически не подготовив корабль к возможному нападению «Эмдена». Сам же вечером 14/27 октября съехал на берег к жене, вызванной им в Пенанг из Владивостока на время стоянки «Жемчуга».

Рано утром 15/28 октября в Пенанг вошел рейдер «Эмден», который, как утверждал в своих воспоминаниях его старший офицер Хельмут фон Мюк-

ловку и в предрассветных сумерках пропустил «Эмден» в бухту, даже дав «добро» световым сигналом.

В бухте среди освещенных «купцов» «Эмден» обнаружил лишь один темный силуэт военного корабля. Подойдя почти вплотную к его корме, немцы установили, что это — русский крейсер «Жемчуг». Тот же Х. фон Мюкке вспоминает:

¹ Существует и другая версия захода «Эмдена» в Пенанг, основанная на признании германского резидента во Владивостоке, опубликованном в пражском «Морском журнале» в 1929 г. Резидент, бывший китайский коммерсант, сообщает о том, что перехватил на почте телеграмму И.А.Черкасова жене о заходе «Жемчуга» в Пенанг и передал сведения германской разведке.

огонь всем бортом по носовой части «Жемчуга», где в своих койках спала большая часть команды. Наша мина взорвалась в кормовой части крейсера. Его всего как бы всколыхнуло от этого взрыва. Корму подбросило из воды, а затем она стала медленно погружаться. Только после этого русские обнаружили признаки жизни...

Между тем наша артиллерия подерживала бешеный огонь по «Жемчугу»... Носовая часть крейсера была изрешечена в несколько минут. Языки пламени охватили весь полубак. Сквозь дыры в борту виден был противоположный берег.

Наконец на «Жемчуге» собрались с силами и открыли по нам огонь. Орудия на нем были крупнее наших, и русские снаряды могли причинить

нам большой вред. Поэтому командир решил выпустить вторую мину. «Эмден», проходя мимо «Жемчуга», развернулся машинами и вновь направился к нему. Вторая мина была выпущена с расстояния около двух кабельтовых. Через несколько секунд послышался страшный взрыв под передним мостиком русского крейсера. Гигантский столб серого дыма, пара и водяных брызг поднялся на высоту около 150 м. Части судового корпуса были оторваны взрывом и летели по воздуху. Видно было, что крейсер разломился пополам. Носовая часть отделилась. Затем дымом закрыло весь корабль, и когда он рассеялся, крейсера уже не было видно, из воды торчали лишь обломки его мачты. На воде среди обломков кишели люди. Но «Эмдену» было не до них.

Навстречу уходившему «Эмдену» ринулся французский миноносец «Муске», поздно понявший свою трагическую ошибку. Его атака была жестокой отчаянной — тремя залпами он был потоплен «Эмденом». Находившийся в воде раненный лейтенант Л.Л.Селезнев видел это: «На месте «Муске» поднялся столб черного дыма, и все было кончено.»

«Жемчуг» и «Муске» стали последними жертвами «Эмдена», общее число которых, не считая этих двух военных кораблей, составило 22 парохода (в том числе русский пароход «Рязань», ходивший из Владивостока в Гонконг¹). Обнаруживший себя немецкий рейдер уже 27 октября (9 ноября) был настигнут австралийским крейсером «Сидней» у Кокосовых островов и потоплен. Кстати сказать, уцелевшая часть команды спаслась на берегу, а позже на джонке совершила плавание по Индийскому океану, добравшись до материка. Прибыв в Германию после своей одиссеи, команда была принята кайзером, который в ознаменование заслуг прибавил всем вторую фамилию — Эмден.

В результате нападения на «Жемчуг», который был потоплен за пять

минут, погибли один офицер и 80 нижних чинов, семь моряков позже умерли от ран. Погибшим офицером был мичман А.К.Сипайло (1891 — 1914), занимавший на «Жемчуге» должность вахтенного начальника.

Военно-морской суд, состоявшийся в августе 1915 года во Владивостоке, признал виновными в гибели крейсера и людей командира, капитана 2 ранга Ивана Черкасова и старшего офицера, старшего лейтенанта Николая Кулибина, заменявшего съехавшего на берег командира. Они были лишены «чинов и орденов и других знаков отличия», исключены из военно-морской службы и «по лишении дворянства и всех особых прав и преимуществ» отдавались в «исправительные арестантские отделения гражданского ведомства»: Черкасов — на 3,5 года, а Кулибин — на 1,5 года. По Высочайшей конфирмации приговора Владивостокского военно-морского суда оба они были разжалованы в матросы и отправлены на фронт. Вопреки утверждению автора очерка «На рассвете, в Пинанге...», архивы содержат информацию — и достаточно полную — об их дальнейшей судьбе. Матрос 2 статьи барон Иван Черкасов воевал на Кавказском фронте в Урмийско-Ванской озерной флотилии, был награжден солдатским Георгиевским крестом и в апреле 1917 года восстановлен в чине капитана 2 ранга. Известно, что И.А.Черкасов умер во Франции в марте 1942 года и похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. Матрос Николай Кулибин воевал на Западном фронте в морской бригаде, получил два Георгиевских креста и в сентябре 1916-го был восстановлен в чине. Вскоре произведен в капитаны 2 ранга. Умер в госпитале в августе 1918-го от раны, полученной еще в февральские дни 1917 года, когда командовал миноносцем «Подвижный».

В декабре 1914-го для производства водолазных работ на затонувшем «Жемчуге» в Пенанг зашел вспомогательный крейсер «Орел». Скорее всего, именно моряки «Орла» привезли и установили на могиле погибших соотечественников чугунный крест, сохранившийся до наших дней и запечатленный на фотографии Е.Чекулаевой. Во всяком случае, именно этот крест увидели в 1938 году казаки Платовского донского хора, оказавшегося на гастролях в Пенанге. Но вопреки рассказам автора очерка «На рассвете, в Пинанге...» о том, что «на протяжении всех лет до 1975 года» местные жители заботились о могиле русских моряков, увиденная казакми картина была безрадостной. «За русскими могилами некому было

ухаживать, и они пришли в полное запустение и почти сровнялись с поверхностью земли. На железном кресте, водруженном на братской могиле, была когда-то привинчена табличка (по всей видимости, медная), но она была украдена», — писал в №214 журнала «Часовой» администратор хора Б.Куцевалов. Казаки решили выделить из хоровой кассы средства для приведения могил в порядок. «На эти средства была сооружена мраморная плита с высеченными фамилиями погребенных согласно кладбищенским записям, наново покрашен черной краской крест, вокруг могил посажено несколько кустов и деревьев, и затем торжественно возложен венок из живых цветов», — сообщает автор статьи «Платовцы в пути» Борис Куцевалов.

В этой статье приведена и фотография плиты с девятью фамилиями, написанными по-английски, поскольку «нелегко было расшифровать русские фамилии». Эту же цифру называет и Е.Чекулаева, рассказывая, как эти фамилии ей, наконец, удалось найти «в земельной управе северо-восточного района» штата Пенанг, где они сохранились, так как 9 моряков, вероятно, умерли в госпитале. Но приводит почему-то только восемь фамилий, давая их в собственном, обратном переводе на русский: Кануев, Сиротин, Ераскин, Олеников, Гraitасов, Чувыкин, лейтенант Черепков, Шенькин (на плите имеется и девятая фамилия Bragoff, не указанная автором очерка). Мы приводим семь настоящих русских фамилий, названных в списке нижних чинов команды крейсера «Жемчуг», умерших от ран в «гражданском госпитале Пенанга», а о двух других скажем ниже. В этом списке, составленном судовым врачом крейсера надворным советником Смирновым, числятся: унтер-офицер Брага Самуил, матросы Конев Петр, Сырвачев Степан, Ерошкин Илларион, кочегары Олейников Кирилл, Грядасов Григорий и машинист Чебыкин Григорий. Сравнивая два списка, невольно возникает сомнение, сможет ли по первому из них кто-то «узнать фамилию деда или прадеда».

О двух фамилиях с могильной плиты, установленной казаками, попавших в список, разысканный Е.Чекулаевой в земельной управе, следует сказать особо. Уже в 220-м номере журнала «Часовой» Б.Куцевалов, по письмам читателей, был вынужден поместить поправки к своей статье, в том числе и такую: «Среди тринадцати офицерских чинов командного состава крейсера «Жемчуг» не было лейтенанта Черепкова, и убит был в

¹ Судьба «Рязани» оказалась необычной: захваченная в августе 1914 она была уведена в Циндао и там переоборудована во вспомогательный крейсер «Корморан», названный так по имени старой канонерской лодки, с которой были сняты восемь пушек. В декабре 1914 г. новоявленный немецкий крейсер из-за отсутствия топлива был вынужден интернироваться на о.Гуам (военно-морская база США в Тихом океане). После вступления США в 1917 г. в войну крейсер подлежал захвату, однако сделать это американцы не успели, так как команда взорвала свой корабль.

Американские власти, отдавая дань мужеству немецких моряков, которые предпочли слаче корабля его и свою гибель, установили на о.Гуам памятник, стоящий там по сей день. (Сообщено А.А.Периным).

этом бою только один офицер, а именно мичман Сипайло, так что сведения, полученные мною от смотрителя пенангского кладбища, не соответствуют действительности». А в действительности — и на этот счет в РГА ВМФ есть документы — «лейтенантом» Черепковым Алексеем был унтер-офицер, старший минер крейсера «Орел», погибший 2 февраля 1915 года в результате несчастного случая при водолазных работах на «Жемчуге» и похороненный рядом с братской могилой его матросов.

Что же касается второй фамилии — Shenykin, среди прочих помещенной на плите, упоминаемой автором очерка и переведенной как Шеныкин, то ее — или похожей на нее — нет ни в списках нижних чинов «Жемчуга», погибших в бою и умерших от ран, ни в списках оставшихся в живых раненых, перечисленных в специальном приказе командующего Сибирской флотилией для внесения записи о боевом ранении. Можно предположить, что это — умерший матрос с «Орла», поскольку, кроме этого крейсера, других военных кораблей русского флота в Пенанге не было.

Сколько же русских моряков было похоронено в Пенанге? Е.Чекулаева приводит цифру 82, отождествляя число похороненных с числом погибших, неверно указанным. Ведь даже в приводимой ею цитате из местной газеты говорится: «...Многие тела, которые находились в воде, были настолько обезображены, что их хоронили в море». Это сообщение дополняют казаки: «В итоге погибло около 80 человек — многие утонули, будучи ранеными, некоторые пошли ко дну вместе с корпусом корабля». Да и без того ясно, что похоронить всех, по-

гибших при гибели корабля в море, невозможно. Казаки, приводившие в порядок русские могилы в 1938 году, сообщили, что от старушки-монахини и смотрителя кладбища, присутствовавших при погребении, им стало известно, что всего было погребено 24 человека.

В начале 70-х годов, с согласия правительства Малайзии, было принято решение о восстановлении обветшавшего памятника. В 1972 году начальник Главного штаба ВМФ сообщил советскому послу в Малайзии, что памятник готов и судном торгового флота будет доставлен в Пенанг. Предполагалось, что восстановленный памятник будет открыт в 1974 году — к 60-летию гибели «Жемчуга» — с участием военного корабля Тихоокеанского флота. Однако открытие памятника состоялось только 5 февраля 1976 года и без участия военного корабля, которому власти не дали разрешения на заход в Пенанг. Интересно отметить, что китайское агентство Синьхуа выразило протест в связи с установкой памятника «морякам агрессивных ВМС царской России — участникам империалистической войны».

В октябре 1979 года, в годовщину гибели «Жемчуга», в Пенанге состоялось возложение венков, отмеченное заметкой в «Правде». А в мае 1990 года с официальным визитом в Пенанг зашел большой противолодочный корабль Тихоокеанского флота «Адмирал Трибуц», команда которого возложила венки к памятнику погибшим морякам-тихоокеанцам.

В заключение — дополнительно к названному выше именам погибшего мичмана Сипайло и семи умерших от ран матросов — приводим список нижних чинов команды крейсера «Жемчуг», погибших в бою 15/28 ок-

тября 1914 года (список хранится в РГА ВМФ.) Вот эти 80 имен и фамилий:

Аверьянов Петр, Акимов Сергей, Александров Александр, Алексеев Николай, Бабкин Иван, Баев Николай, Баранов Федор, Бойко Афанасий, Вавилов Егор, Вагин Георгий, Дедов Анисим, Демин Андрей, Жеребцов Петр, Калинин Степан, Кириллов Даниил, Кирьянов Федор, Кистенев Афанасий, Ковальчук Моисей, Колесников Алексей, Колесников Михаил, Колобов Трофим, Колпашников Александр, Корнеев Филипп, Костырев Яков, Косырев-Колесников Павел, Куприянов Яков, Курбатов Пимен, Левашов-Лущин Евдоким, Леусь Гурий, Лобанов Дмитрий, Логинов Кузьма, Мальцев Яков, Меркулов Федор, Мусьяк Афанасий, Негодяев Илья, Нифонтов Феокист, Новиков Григорий, Огарышев Иван, Панин Петр, Пекшев Сергей, Пермыкин Михаил, Пичугин Василий, Пожитков Алексей, Пономарев Игнатий, Попов Яков, Прохоров Александр, Савин Василий, Савинов Диомид, Салов Иван, Семкин Алексей, Серовиков Дмитрий, Сигайло Артемий, Симагин Иван, Ситьков Герасим, Судоргин Петр, Сухих Яков, Сысоев Петр, Сычев Егор, Телегин Федор, Теников Роман, Терентьев Арсений, Тинтяков Лаврентий, Томкович Александр, Третьяков Илья, Федоров Андриан, Федосеев Степан, Фоминых Илларион, Фролков Алексей, Хорошков Иван, Христофоров Захар, Христофоров Степан, Чадов Иван, Чуланов Семен, Шебалин Сергей, Шепелин Афанасий, Шишкин Дмитрий, Щеглов Андрей, Шмыг Василий, Яковлев Иван, Якушев Игнатий.

Публикуя этот скорбный список, мы надеемся, что кто-то откроет для себя имя своего предка.

...Отныне одна из бесчисленных русских могил, разбросанных по всему свету, перестала быть безымянной.

В.ЛОБЫЦЫН,
И.СТОЛЯРОВ, И.АЛАБИН
Фото И.ЗАХАРЧЕНКО

Почетный консул России
в Пенанге г-н Тео Сен Ли
выбирает место для доски на
памятнике.

Несколько репортажей Константина Парчевского (1891 — 1945 гг.), которые мы предлагаем читателю, — лишь небольшая часть того, что было написано этим талантливым журналистом. Их принесла в редакцию его внучка — Т.О.Орехова. Он печатался в эмигрантской печати (с 1920 по 1941 год, когда вернулся на родину) — в газете «Последние новости» и журнале «Иллюстрированная Россия»; выходили эти издания во Франции. И главная его тема — судьбы русских эмигрантов, но не тех знаменитых, блестящих (воспоминания о них часто печатаются у нас в последнее время), а самых обыкновенных: младших офицеров, солдат, крестьян. Тех, кто познал тяжкий труд у конвейера, кто пытался и на чужбине пахать землю. Мы остановились на самых малоизвестных «русских углах»: Марокко, Тропической Африке, Бразилии, о жизни там русской эмиграции вообще мало кто знает. Текст — со всеми его особенностями языка 30-х годов — мы не трогаем, позволив себе по необходимости лишь некоторые сокращения.

К.ПАРЧЕВСКИЙ

РУССКИЕ УГЛЫ

У рабатского самовара

С точки зрения эмигрантского благополучия, Марокко — это африканское Пасси¹. Люди живут здесь спокойно, в удобных квартирах и в нечасто

встречаемом довольстве. Маршал Лиотэ¹ очень хорошо относился к русским и охотно принимал их на службу в учреждения французского управления. Попадавшие из Туниса и Франции устраивались землемерами с большими окладами, служащими в строившиеся порты, в канцелярии. Врачи и дантисты открывали

кабинеты и начинали успешно практиковать. Сооружение дорог, телефонов, различных зданий требовало не только квалифицированных специалистов, но и просто толковых и дельных работников. Приезжавшие, часто без связей, сразу находили работу, быстро становясь на ноги. Отбывшие контракт в Иностранном легионе пользовались особыми привилегиями. Многие принимали французское гражданство, и тогда слу-

¹ Пасси — очень благополучный зажиточный квартал в Париже; здесь — символ преуспевания. — (Здесь и далее прим. ред.)

¹ Тогдашний губернатор Марокко.

жебный вопрос еще более облегчался. Знающие иностранные языки, в особенности английский, устраивались на службу в крупные американские предприятия по продаже автомобилей, бензина или сельскохозяйственных инструментов и материалов, в конторы и отделения банков. Появившиеся позже, когда положение существенно изменилось и получить хорошо оплачиваемую работу иностранцу становилось трудновато, поступали десятниками и чертежниками в Куригу на разработку фосфатов. Словом, без дела никто не сидел, а, обжившись, быстро пускал в местную почву корни, приобретая знакомства, обзаводился хозяйством, иногда собственным домом с садиком или загородной дачей и автомобилем.

В результате через десять лет те, кто попали в Марокко давно, утряслись основательнее, нежели в других, казалось бы, более близких для русских, странах. Когда пришел кризис, кончился марокканский подъем и начались всевозможные затруднения и ограничения, а найти работу стало почти невозможно, русских это коснулось не столь остро. Сократили, правда, жалование чиновникам и перестали принимать новых. Пришлось поставить крест на возможности дальнейшего продвижения по службе, заботясь лишь о том, чтобы не уволили вовсе. Окончились железнодорожные постройки и работы в портах Касабланки и Кинтеры. На случайно открывшиеся вакансии приезжали французы из метрополии. Зато подешевели квартиры и съестные припасы, а наладившаяся жизнь позволяла бороться с новыми трудностями. Несмотря на все преимущества, какие представляло Марокко лет десять-пятнадцать тому назад, русских здесь немного.

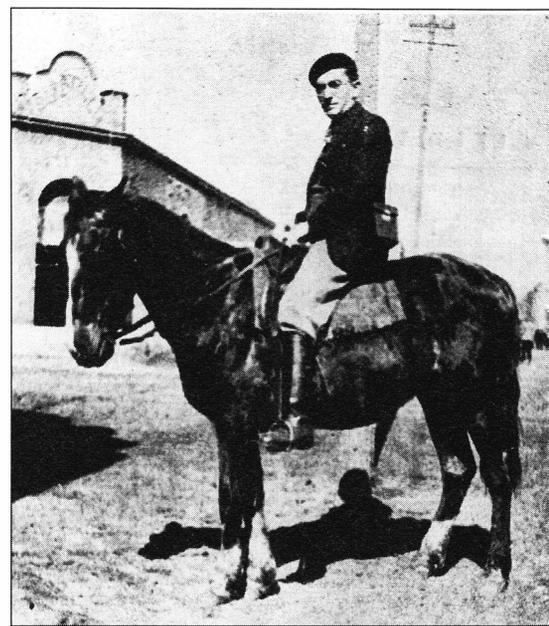
В первые годы эмиграции мало кто решался не только забираться в незнакомые страны, но просто раскрывать чемоданы. Болтовня о «весенних походах»¹ многим исковеркала жизнь. В Марокко пробирались лишь случайные смельчаки, и осело их всего-то около пятисот человек. Большинство тяготеет, конечно, к Касабланке и Рабату. Остальные разбежались по другим городам: несколько семей в Мекнесе и Марракеше, немного больше в Фесе и Куриге.

Русские жили тихо и лояльно, собственная же политика дальше чайного стола не шла и никому не мешала. Многие от салонной политики отказались, стараясь войти во

французские интересы. Эмигранты не бросались в глаза, вполне оправдывая надежды на скорую, в отличие от остальных иностранцев, во всяком случае, во втором поколении, ассимиляцию. Окончившие французские лицеи ничем не отличаются от французской молодежи, а русские мамы иногда с гордостью говорят:

— Моя дочь замужем за настоящим французом!..

Не чувствуя никаких ограничений, русские, если не стали еще французами, живут на общем положении иностранцев. Наравне с другими, они получают бесплатно на всю жизнь какую-то карточку, а при выезде за границу — марокканский паспорт, на который легко ставят визы все консулы, и только для въезда во Францию требуется особое разрешение Министерства иностранных дел. До специальных разрешений на

труд и рабочих карт тут еще не додумались. Просто без контракта, никто не может въехать в страну, даже француз, но с контрактом — все равно. В суде у русских те же права, что и у французов. Безработный получает такое же пособие, в случае болезни платит в больницу так же, как и все, а если не имеет средств, пользуется бесплатным лечением, тоже, как все. Само собой разумеется, здесь нет никаких сборов и ведающих русскими эмигрантских учреждений. Произведенная недавно какими-то благодетелями из общественного союза попытка добиться введения для русских в Марокко

Женевской конвенции со всеми вытекающими из нее последствиями, т.е. нансеновскими паспортами¹, марками и офисом, который бы в лице указанных деятелей «управлял» эмигрантами, окончились неудачно. Узнав о произведенных считающими себя представителями местной русской общественности генералами, шагах, заволновалась общественность, приняв свои меры, и, кажется, окончательно сорвала мечты о создании «единого центра» и «единой власти». Проект искусственной «нансенизации» русских отпал, остается прежняя система.

Эмигрантская общественная жизнь определяется личным составом и условиями быта.

— Насыпало нас сюда из разных мешков, — говорит мне соотечественник, — люди все разные, живут кружками, и, пожалуй, более всего

¹ Великий полярный исследователь Ф.Нансен очень много помогал России (помощь голодающим Поволжья) и русским, оказавшимся за ее пределами. В частности, для того, чтобы эти люди имели какой-то гражданский статус, им выдавали беженские паспорта — т.н. «нансеновские».

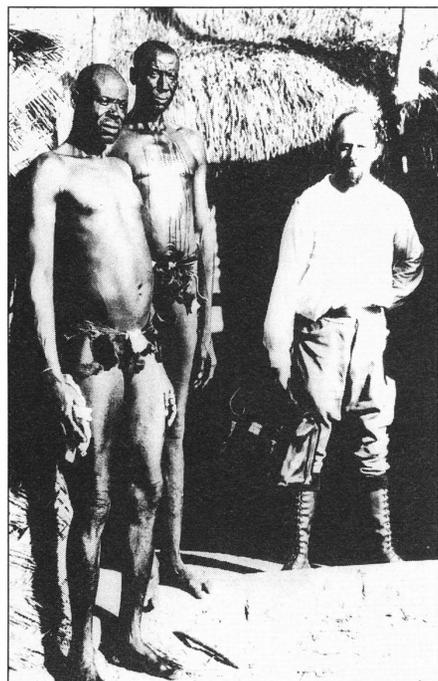
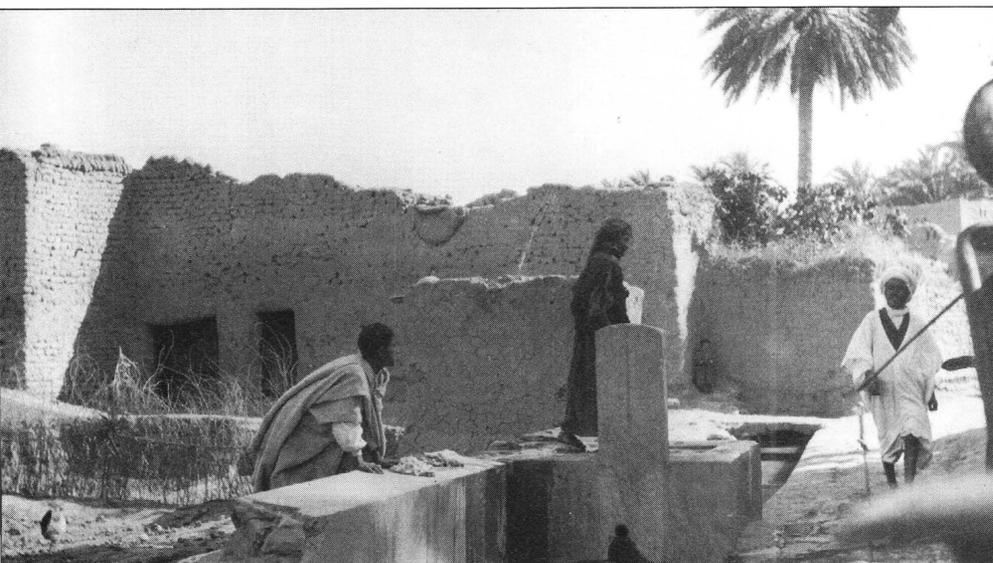
¹ Имеются в виду планы сокрушения Советской России.

объединяет их церковный вопрос. Действуют не столько религиозные, сколько романтические основания. И вот посмотрите — сравнительно маленькой колонии в семьдесят семей, удалось построить отличную церковь на собственном участке земли, и все обошлось свыше ста тысяч! Есть еще воинский союз и беспартийный благотворительный комитет. Вот и вся общественность.

Если в Рабате русские организации более предприимчивы, в Касабланке они давно превратились в маленькие кружки: красно-крестный, клубный и приходской, содержащий маленькую деловую церковь, куда приезжает служить священник из Рабата. Раз в году

Фотографии 30-х годов.

На верхнем снимке — К. Парчевский.

устраивается концерт-бал, закрытый, пользующийся поэтому большим успехом среди местного европейского общества и дающий хороший доход; изредка начинаются общие собрания, на которых разыгрываются эпизоды борьбы местных «алой и белой розы», приходского и благотворительного комитетов. А вне этого — тихая провинциальная жизнь: обычное русское чаепитие, бридж, иногда более торжественные приемы.

Несколько лет тому назад случилось событие, о котором помнят до сих пор. Небольшая компания, с участием нескольких русских и французов, в том числе родственника французского резидента, отправилась на пикник в окрестности Касабланки. Неожиданно на пикник напали берберские разбойники и захватили в плен француза и двух русских дам, увезли их куда-то в горы.

Похитители требовали выкупа, долго велись переговоры, дамы сидели в плену, мужа били тревогу. Наконец сделка состоялась, и пленники получили свободу. Кажется, были приняты какие-то меры для наказания виновных. Во всяком случае, похищений больше не происходило.

Наиболее преуспевшие стали получать в городе или окрестностях землю, возводя на ней домики и развивая хозяйство. В нескольких километрах от Рабата появилось русское имение, названное в память принадлежавшего в России — «Устиновка», или, как зовут его в Рабате, — «дворянские выселки». На двух автомобилях сюда съезжаются родственники и друзья. Хозяева по-русски гостеприимны. За обеденный стол, как в добрые старые времена, садится по пятнадцать человек, и целый день не сходит со стола громадный

самовар. Из ничего на африканской земле возродился старый помещичий быт, такой знакомый и уютный, с привычной нерасчетливостью и щедростью, с гостями, пикниками, кучей детворы, общими поездками ко всеошной в русскую церковь.

— Все у нас хорошо, — говорила одна русская помещица, — только вот мужики плохо работают, за всем самой следить надо.

— Да какие же тут мужики?

— Как какие? Обыкновенные, наши арабы...

Чем лучше складывается эмигрантская жизнь, тем меньше интереса к современной России. Она осталась где-то в туманной дали. За многие годы туман так сгустился, что бывшая родина представляется чем-то вроде одной из самых отдаленных планет. Парагвай, и тот, понятнее и ближе! Эмигрантские газеты приходят с пароходами пачками, отучая от ежедневного чтения и приучая к чтению местных, французских. А что из них можно узнать? К примеру, «Эко дю Марок» на третьей странице мелким шрифтом глубокомысленно сообщала:

«В Москве проведены аресты в высших военных кругах. В числе арестованных маршалы СССР Крестинский, Тухачевский и Розенберг».

Русских читателей это нисколько не удивило. Кто, в самом деле, разберет, какие там у них маршалы? Тут своя жизнь, свои начальники, свои секретари, шефы, от которых зависит благополучие. Известно, у кого какая жена, где и какая вилла и садик, кто как относится к подчиненным и в каком кружке бывает. Неизбежный отрыв произошел не только от России, но и от остального эмигрантского мира.

— Когда приезжаю в Париж в обычный отпуск, — рассказывает мне много лет живущий в Марокко русский, — иногда захожу в церковь на рю Дарю. Встречаю старых приятелей по такси. Я ведь тоже таксистом несколько лет был. Ужасно постарели и опустились люди. Завидуют, что хорошо устроился в Марокко. Очень быстро выясняется, что говорить не о чем. Не хвастаться же перед ними своим благополучием, особняком с пальмами, лакеем-арабом, собственным автомобилем? Ничего не поделаешь, произошло «классовое расслоение», как выражаются социалисты.

— У нас, как и всюду, конечно, люди объединяются, но не по культурным или иным признакам, а просто по капиталу, — жаловался другой русский. — Это скучно, но такова жизнь. Да и в культурном отноше-

нии происходит известное расщепление. Годами говорим на службе по-французски, читаем преимущественно французские книги и газеты, забываем русские термины, путая даже среди своих французское с нижегородским.

Национального в нас остается лишь церковь да гастрономия. Еще легче втягивается во французскую жизнь молодежь. Материальное положение ее несравненно лучше в Марокко, проще со службой и натурализацией. Легче устанавливаются знакомства и связи. Но по-русски говорят скверно.

Как это ни странно, совершенно чистую русскую речь мне удалось встретить лишь в настоящем марокканском доме. Хозяйка его — вдова крупного марокканского деятеля, умершего два года назад. Дочь русского помещика и члена Государственной Думы, она задолго до войны попала по предписанию врачей в Алжир, где познакомилась с европейски образованным марокканцем, офицером султанской армии. Молодые люди полюбили друг друга и отправились в Россию за родительским благословением. Потом повенчались, и русская барышня перебралась с мужем в Марокко. Потянулись долгие годы жизни в Рабате. Рождались и росли дети, получавшие образование в Париже; муж занимался общественной деятельностью; жена постепенно становилась пламенной патриоткой своей новой родины. Отличная пианистка, она продолжала усиленно заниматься, давая уроки музыки молодым марокканкам и иностранкам и пропагандируя здесь Мусоргского, Римского-Корсакова и Бородина. Ее дочь, молодая лицеистка, унаследовала музыкальные способности и нежную любовь к русским композиторам от матери, а наружность — глубокие сверкающие глаза и стройность фигуры — от отца, но по-русски она не говорит.

— Мне и самой редко приходится говорить на родном языке, — мягко, совсем по-московски, рассказывает хозяйка, — больше по-арабски или по-французски. Давно уже нигде не бываю и никого, кроме своих учениц, не вижу. Жизнь складывается по-новому.

Осевшие здесь в наше время русские думают иначе. Нельзя на положении отрезанного ломтя долго висеть в воздухе, и рано или поздно человеку приходится включаться в какую-нибудь систему, если не политическую, то хотя бы логическую.

И люди включаются. В Марокко это произошло в наилучших условиях, поэтому и русским гораздо легче

живется. А скучно, так где им теперь по всему миру не скучно? Привыкают, кто и как может...

Марокко, 1937 год

Экзотический роман

Вечер. С хозяином дома мы сидим после ужина на низких диванах и пьем кофе. В открытую дверь виден внутренний садик с потемневшей уже громадной цветочной клумбой. Освещенная электрической лампой, просторная комната обставлена по-арабски: ковры, маленькие круглые столики и только в углу большое американское бюро с телефонным аппаратом.

— За десять лет жизни в Алжире, — говорит хозяин, — я здесь чувствую себя как дома. Впрочем, и раньше, уже в самом начале эмиграции, мне представлялся своеобразный случай осесть и пустить, что называется, корни. Но это было бы уж слишком экзотическое устройство, и не в Северной, а в самых дебрях Центральной Африки. Я тогда работал там по постройке железной дороги у бельгийцев. Участок у меня был большой, в самой глуши, и до ближайших пунктов бельгийской компании было два-три дня пути по лесным тропинкам. Местность — степь, поросшая низкорослыми, корявыми деревьями, холмами и травой, а дальше — леса. Жить пришлось с одним помощником-европейцем и двумястами неграми-рабочими в лагере, окруженном бамбуковой оградой от нападений шакалов и леопардов. Вечером выходить из лагеря считалось опасным, не только из-за зверья, но и соседей — бродячего дикого племени, пользовавшегося самой дурной славой. Когда я сюда направлялся, мне рекомендовали держаться от них подальше. Эта дикая орда состояла из нескольких тысяч человек и промышляла разбоем и охотой, а управлялась царицей, которая вызывала суеверный страх у моих негров.

— Однажды негры, поймав случайно забредшего в полосу наших строительных работ дикаря, с шумом и гамом привели его ко мне. Я приказал его отпустить, и тот залепетал на местном языке слова благодарности, клянясь, что ни он, ни его племя не питает к «моему народу» никаких дурных чувств. Я велел сказать ему, что и сам не питаю никакой

злости против его племени, и подарил ему на прощание пустую бутылку и несколько банок от сгущенного молока. Дикарь ушел, но через три дня к лагерю явилось целое посольство, которое медленно двигалось без оружия и с ветвями в руках. Я распорядился впустить их. Послы были в парадных костюмах, т.е. почти нагишом, но раскрашенные белой и красной глиной. Судя по кругам на спине и красным перьям попугая на голове, люди все были почтенные и сановитые; вручив мне подарки: кабана и половину буйволового туши, послы заявили, что их повелительница просит позволения прибыть к нам в лагерь. Я разрешил, но при соблюдении двух условий: чтобы свита царицы не превышала пятидесяти человек и оружие было оставлено на границе нашей концессии. Негры решительно не одобряли попытки завязать добрососедские отношения с соседями. Двое старших надсмотрщиков после окончания работ подошли к моей палатке и, переминаясь с ноги на ногу, ждали, пока я выйду. Перебивая один другого, они стали доказывать всю опасность предстоящего посещения.

— Царица — страшная ведьма, — тараторили они, — а все ее подданные людоеды и колдуны. Она может заморозить и завлечь к себе, и тогда погибли все. Ведь их тысячи, а нас всего сотни и вооружение — десяток старых ружей!

— Отменить свое разрешение, данное послам, я не могу, — отвечал я, — и считаю, что лучше попытаться установить добрые отношения с дикарями, чем ссориться с ними из-за глупых суеверий.

Негры покачали головами и ушли, а через несколько дней, когда я был на работах, прибежал, весь запыхавшийся, прислуживавший мне негр-теноч, доложив, что к лагерю движется большая толпа. Мы вышли навстречу и увидели торжественное шествие царицы в окружении ее свиты. На покрытых шкурами леопардов носилках сидела молодая и по-своему красивая негр-итянка с круглыми, блестящими и выразительно-злыми глазами. Цвет лица и рот ее были не чисто негр-итянские, а скорее берберские. Такой рот встречается здесь среди царьков маленьких племен. Одетая она была в мантию из пальмового волокна, а на голове возвышалось сложное сооружение из перьев. Носилки окружало около десятка придворных дам, почти без намека на одежду, если не считать маленького кусочка материи спереди пониже талии и такого же с противоположной стороны. Впереди шествовало уже знакомое по

прошлому визиту посольство. Процессия замыкалась безоружными, совершенно голыми дикарями.

Я пригласил царицу в палатку. Оказалось, она могла объясняться на наречии моих негров, т.е. примитивном языке, на котором я могу говорить почти свободно. Угостив гостью красным вином, я завел разговор об охоте, политике и прочем, о чем полагается беседовать с коронованными особами.

Отведав две добрых кружки вина, царица сообщила, что она очень любит подобные напитки, и галантно преподнес ей бутылку виски и полбутылки рому. Словом, мы подружились с нею, и, хватив на прощание рюмку коньяку, она даже протанцевала какой-то национальный танец, более откровенный, чем можно было ожидать для первой встречи. Потом, забрав подаренные мною в дополнение к рому и виски несколько пустых бутылок, спички и коробку молока «Нестле», стала собираться восвояси, пригласив меня к себе в гости. Я обещал, но с отдачей визита, разумеется, не спешил: работа шла полным ходом.

Через некоторое время опять прибыло посольство с просьбой от имени черной царицы пожаловать на охоту. Это меня заинтересовало, и, несмотря на предостережения негров, я решил отправиться. Мой помощник от путешествия уклонился, и я взял с собою только двух молодых негров. На дороге меня встретили важнейшие сановники племени и пригласили следовать за ними, на их стоянку. Охота длилась с раннего утра до вечера и представляла, действительно, интересное зрелище. Представьте себе тропический лес, громадные, перевитые лианами деревья, которые тянутся во все стороны, извиваясь и переплетаясь между собою и создавая сплошную зеленую массу. Целый день продолжались шум, крики черных охотников, к вечеру на громадных кострах уже жарились туши убитых зверей, и дикари танцевали вокруг огней, под аккомпанемент каких-то звенящих и трещащих инструментов и заунывного пения.

Посреди лагеря — дворцы царицы и ее правительства, состоящие из нескольких сплетенных из прутьев хижин, окруженных бамбуковым забором. Царица любезно осведомилась, доволен ли я охотой, и сейчас же приступила к одной из священных, по-видимому, своих обязанностей — ледежу добычи. Ее распоряжения исполнялись немедленно и беспрекословно. Целая гора была отделена в мою пользу. Затем, по окончании ледежа, негритянка пригласила меня в свое жилище. Вся хижина была увешена и устлана коврами. На по-

четном месте красовались мои подарки: бутылка виски и консервная банка. На полу был сервирован торжественный обед из буйволиного мяса с разными пряностями, обильно политыми невероятно пахучим растительным маслом. Дальше подавались бананы, дикие ананасы и напиток из пальмового сока. Все довольно отвратительное на вкус. Царица была очень любезна и собственноручно, так как вилки не полагалось, брала лучшие куски мяса и тыкала их мне в рот. По окончании обеда, я, достав из своей сумки коньяк, угостил царицу и весь двор. Действие алкоголя скоро сказалося, и в шалаше царило самое непринужденное веселье. Под звуки двух свистулков, какой-то сквородки и всеобщего хлопанья в ладоши сначала танцевали сановники, потом исполняли откровенный балетный номер придворные дамы, и, наконец, сама подвыпившая царица — свой, уже виденный мною, танец. По принятому, очевидно, этикету, после танца царицы придворные удалились, оставив меня со своей повелительницей наедине. Положение создавалось тем более шекотливое, что царица, к моему изумлению, завела совершенно недвусмысленное кокетство.

Я делал вид, что ничего не понимаю, покуривая трубку. Вдруг, прыжком кошки, царица бросилась ко мне, и, схватив меня за плечо, стала кусаться. Положение принимало скверный оборот: пьяная негритянка, окруженная послушным племенем дикарей, и я один, без оружия, которое оставалось у входа в хижину у моих негров. Сильным толчком я отбросил царицу так, что она шлепнулась на шкуры, и, придя в себя, устремила на меня жалобный взор прибитой собаки. Затем неожиданным новым прыжком она загородила своим телом выход из хижины, закрыв мне путь к отступлению.

Во «дворце» наступила зловещая тишина. Уставив на меня вытаращенные глаза, как змея на кролика, лежала у входа царица, а против нее, обдумывая положение, сидел я — русский эмигрант, волею судьбы очутившийся в этой нелепой роли. За стеной раздавались крики веселящихся дикарей.

В конце концов, все кончилось благополучно. Расстались мы с царицей друзьями. Подарив мне несколько звериных шкур, она взяла с меня слово прибыть к ней через два дня снова. До нашего лагеря меня сопровождал почетный караул, и, вернувшись, я мог не жалеть о приключении, если бы оно не повлекло за собою «международного» столкновения.

Через неделю ко мне явились два посла от царицы с настоятельным приглашением немедленно пожаловать в гости.

— Передайте вашей царице, — заявил я им, — что мне некогда, у меня важная работа и я прошу оставить меня в покое.

Послы пошущукались и, подойдя ко мне вплотную, торжественно объявили, что их повелительница предлагает мне сочетаться с нею браком и вместе с нею править народом.

Все это было сказано таким тоном, точно и сомнений не допускалось, будто я могу отказаться от оказанной чести. Но мне начали надоедать навязчивые дикари, и я со смехом отказался и от престола, и от народа, и от звания принца-консорта.

Сановники мрачно покачали курчавыми головами так, что составлявшие их головной убор перья запрыгали в разные стороны и, не сказав больше ни слова, с достоинством удалились. Узнав о происшедшем, мои негры в один голос решили, что быть беде.

— Горе тому, кто оскорбит эту колдунью! — твердили они. — Если не помогут ей чары, она начинает жестоко мстить.

Не полагаясь на свои силы, негры все надежды возлагали на ожидавшихся с ближайшего поста солдат. Они оказались правы.

Не прошло и двух дней, как через бамбуковую ограду в наш лагерь была брошена связка надломленных стрел — война была объявлена по всем правилам международного права. Но как воевать, когда на двести трусливых негров и десятков старых ружей с самым ограниченным запасом патронов приходилось черное воинство, отвагу которого я мог наблюдать во время охоты? Пришлось отсиживаться в лагере, усилив дозоры днем и дежуря по очереди с помощником ночью. Работы прекратились. Было жутко, особенно по ночам, когда виднелись огни врагов и неслись какие-то шумы. Однажды дикари решили сделать пробный набег на лагерь. Я допустил их на пятьдесят шагов, встретив дробью из пяти ружей. Враг отступил, но пальба напугала больше моих негров. Не имея оснований особенно доверять собственному народу, от безделья и суеверия впадавшему в полную панику, я перестал спать по ночам и не выпускал из рук браунинга. Осада длилась четыре дня, и это было очень скверное время. Наконец, на пятый день, на наше счастье, пришли солдаты. Радость негров не поддавалась описанию. Дикари же при появлении белого отряда немедленно сняли осаду и ушли куда-то в

глубь лесов и степей. Больше я их не видел, а невероятный роман с черной царицей кончился моим переводом в другое место. Через год окончена была и дорога, и мне пришлось искать новую работу.

— Как видите, — улыбаясь заканчивает рассказчик, — уже много лет назад я мог бы устроиться вполне солидно, не знаю, впрочем, прочно ли, но, во всяком случае, я мог бы царствовать в джунглях Конго, пользуясь всеми доступными там благами жизни. Но к подобным монархиям у меня что-то склонности не имеется. Прозаический Алжир лучше.

Из цикла
«Африканское лето», 1937 г.

Записки Банникова

В апреле 1934 года решили мы с женой бежать за границу: видим, что житья уже совсем не стало. Землю обрабатывать я уже совсем бросил, как раскулачили да вчистую разорили нас, а работал в Туркестане на водхозе. Потом пошла паспортизация, и меня, как бывшего зажиточного, сняли. Пять месяцев был без работы, всю одежду, какая была на нас с женой, проели, но сыты никогда не были. Сорок рублей в день истратишь, голод немного заморишь, а есть все хочется. Потом поступил я на земляные работы на Аму-Дарье. Работали мы с бабой вместе до того, что руки не подымались, а получали на двоих 800 граммов хлеба в день, на иждивенца не полагалось, а у нас дочка. Вот стали все трое пухнуть. Тогда-то и задумали перебраться через речку к афганцам.

В первый раз все трое чуть не потонули, пришлось вернуться. Через четыре дня пошли снова, дошли до середины реки и опять едва не захлебнулись. 10 апреля пошли в третий раз. Будь, мол, что будет. Но Господь нас перевел. Перебрались мокрые на другой берег, дошли там до заставы, афганцы говорят, пошлем вас на Кабул, а сами послали нас со стражей на кашкарскую границу и довели до самого Памира. Отсюда мы пошли одни, уже без конвоя. Идем от кишлака до кишлака. Где встречают палкой, где камнями: пошел, мол, вон, урус проклятый. Пришли как-то к киргизской кибитке, смотрю: лежит на земле дохлый верблюд, а рядом мертвый русский, с голоду, наверное, помер. Посмотрел я на него и думаю: и нам то же будет, та же точка подходит!..

Ну, что делать, нарезал я верблюжьего мяса, а оно зеленое совсем. Пришлось есть. Поели и пошли дальше. Поднялись на перевал, не меньше шести километров будет, и идем по снегу и воде раздетые и босые. Думали, что уж не выйдем, здесь и конец будет. Доходим снова до кишлака. Киргизы выскочили из кибиток и гонят нас палкой, не только поесть, переночевать не пускают. Приходилось перед ними даже на колени становиться, проситься ночевать: жена совсем была больная, отошала, едва на ногах держалась, да и девочка ослабла вовсе. Делать нечего, потащились дальше. Доходим до Индийской щели, и здесь нас какой-то мусульманин уж так хорошо встретил. На руках перенес мою жену через реку, потом девочку, хотел и меня самого перенести, да я ему сказал, что сам уж как-нибудь перейду. Он же нас и покормил и переночевать к себе пустил, а потом, увидев, что жена совсем больная, и говорит: вот я буду больную лошадь резать, а потом ты дай жене лошадиной крови выпить, ей лучше будет. Взял я собачью чашку, нащедил полную крови и дал жене пить. А ей и вправду как будто легче стало.

Переночевали мы здесь еще ночь, а на утро, когда встали, хозяин говорит: — Твоя жена на перевале все равно помрет, иди лучше на Ташкурган, там легче дорога.

Мы и послушались его. Идем, холод, то снег валит, то дождь пойдет. Ноги поранены, опухли. Жена и дочка в голос обе плачут, и не знаем, скоро ли дойдем. А дело к ночи, буран сильный. Потом стало видно заставу. Тут нас встретили, обогрели и накормили. Хорошие киргизы были, двое суток у них простояли и пошли дальше.

Идем опять день, два, ночуем, где под камнем, смотрим: юрты. Подходим, просим поесть, а хозяева-киргизы понатащили нам рогов да бараньих ног и кричат: на, мол, урус, кушай! Даже ночевать не пустили. Что поделаешь, легли снова под камнем, а поесть нечего. Утром собака одного киргиза притащила сурка, киргиз отобрал у пса да нам отдал. Я ободрал его, поджарил на огне, и стали есть, а потом пошли дальше. На другой день дошли до большого канала, немного тут поели и переночевали в пустой кибитке. Под самым Ташкурганом встретили нас аскеры¹ и говорят: урус, кушать хотите, так идите к нам в кибитку, дадим «ноны». Пошли мы, нам, действительно, дали чаю с хлебом, поели, попи-

ли и собираемся уже идти дальше, а они мне говорят, чтобы отдал им жену и девочку, иначе, дескать, сейчас застрелят. Пошел я из кибитки, жена и девочка за мной. Аскеры выходят тоже, вынесли винтовки, тут же зарядили и гонят меня от жены с дочкой. Заташили их в кибитку, но тут какой-то спор у них произошел, а мы, тем временем, снова собрались вместе да и скорее ходу. Пришли в Ташкурган к самой, значит, китайской границе. Есть нечего, пришлось побираться. Через день-два взяли меня на работу плотником, платили по два фунта кукурузной муки в день, а нас трое: как хочешь, так и живи. Жена ходила с дочкой, побиралась, а я целый день работал. Русских здесь оказалось много, человек 60 или 70, но из них киргизы выслали 22 человека обратно в Советы, а остальных стали отправлять в Кашгар. Пригнали и нас туда, а тут опять беда. Один русский аскер задумал отобрать у меня дочку...

— Старик, — говорит, — я у тебя девочку забираю, буду ее воспитывать, а как подрастет, возьму в жены.

— Хорош, — говорю, — отец нашелся, нет такого закона, чтобы отбирать десятилетнего ребенка.

— А не хочешь — пулю, и вся недолга.

Как вышла девочка во двор, он схватил мою Зинку и уволок ее к себе в кибитку. Мы с женой вышли, увидели и заплакали. Подходит к нам татарин и зовет к начальнику, он, мол, ему все переведет и расскажет. Пришли к начальнику, оба с женой ревом, татарин ему все объяснил, а тот как соскочит с места да закричит, ну, думаю, сейчас расстреляет. Поднялся шум и крик. Привели к нему русского аскера.

— Где русская девочка? — спрашивает. — Отдай сейчас же!

Тот привел Зинку, отдал нам. Ну, думаю, ладно, пронесло, а оно не тут-то было. Прошло каких-нибудь две-три недели, и этот самый же начальник уже сам к нам требование предъявляет отдать ему Зинку, а он, мол, нам за это землю даст. Ответили ему, что надо подумать, а сами в ту же ночь отсюда ушли.

Шли дней шесть, голодные, холодные, добрались до индийской заставы. Здесь приняли нас совсем хорошо и по телефону сказали, чтобы пропускали дальше. На другой день покормили и сказали идти в Ханжунт. Добрались и до Ханжунта, а тут нас вызывает сам хан, такой уж добрый и хороший человек, выслушал нас, выдал всем нам по две рупии и бязи метра четыре на одежду, а девочке платок красный и говорит:

— Я вас направлю в Гильгит и дам

¹Аскеры — туземные солдаты.

проводников, которые вас кормить и поить будут.

Все так, как он сказал, и было. Проводники кормили нас и довели сначала до Гильгита, а оттуда в Сернагар¹. Здесь уж и вовсе отдохнули. Каждому выдавалось по две рупии в день, а на ребенка рупию. Живем, отдыхаем, денег хватает, даже остается. Пожили несколько месяцев, а как стали англичане отправлять нас дальше, выдали каждому по 200 рупий. Приехали мы с женой и девочкой в Бомбей и сразу поступили на работу, я плотничал, жена стирала, девочку отдали в английскую школу на полный пансион. Так прошло семь месяцев, я себе весь плотничий инструмент справил, граммофон купил и фотографический аппарат и снимать учился, по рупии за урок платил, а потом пришло предложение отправиться в Бразилию на землю. Говорят, каждому будет земля и полное хозяйство. Ну, наше дело крестьянское, конечно, это было принято охотно, хотя и не знаем, где эта самая Бразилия находится и кому принадлежит. Собрались, договоры подписали и в путь.

Вот и едем пятидесятый день по морям да океанам. А что дальше будет, Бог один знает.

Самые мрачные предчувствия относительно участи моих несчастных спутников по «Флориде», (пароходу, идущему в Бразилию, где автор и встретился с Банниковым, — *ред.*) русских крестьян-беженцев из России, к несчастью, оправдались. Если сторонники переселения земледельцев в южноамериканские страны утверждают, что для правильной постановки дела нужны «селекция и организация», то в данном случае все это было налицо: в бразильские леса направлялись подлинные землеробы с семьями, привычные к тяжелому земледельческому труду, испившие горькую чашу преследований на родине и проделавшие исключительно тяжкий, совершенно рекордный переход через Памир. Была и организация в лице мощной английской компании, занимающейся колонизацией Северной Параны в Бразилии, и, наконец, содействие Нансеновского офиса, кредитовавшего крестьян на переезд из Индии в Бразилию и заключившего за них соответствующее соглашение с компанией.

Оказалось, что в бразильских условиях не помогли ни селекция, ни организация. Последняя даже оказа-

лась особо опасной, ибо паспорта крестьян хранятся в дирекции английской компании, которая и отказывает в выдаче их тем, кто, ознакомившись с условиями, пожелал бросить землю и наняться на какую-либо работу в Сан-Пауло.

— Впрочем, — пишет мне из Бразилии один из крестьян, — мы люди опытные, из Советов ушли без паспортов, через реки и горы. Удери из бразильского леса — пусть ловят!.. А обречь своих детей на жизнь в глухом лесу, без школы, без книжки, как каких-то лесных зверьков, я не стану. Не для того их на своей спине через Памир перетаскивал!..

Их письма пришли через несколько месяцев после моей поездки. Крестьяне просили присылать им старые газеты и учебники для детей, жаловались, что условия договора компанией не выполнены. Гораздо больше всякого пересказа их жалоб говорит само полученное мною для передачи Нансеновскому офису прошение, подписанное всеми мужиками, кроме уже сбежавших.

«Глубокоуважаемые, — пишут крестьяне опекавшему их учреждению, — мы, русские эмигранты, переброшенные вами из Индии в Бразилию на землю, обращаемся к вам с нашим покорным ходатайством. Да, все мы землеробы, и очень рады были, когда нам предложили переселение на землю, но, к сожалению, никто не сказал нам об условиях обработки земли, и когда завезли нас в непроходимый лес, и мы узнали, что земля обрабатывается только ручным способом, то все пали духом. Но, собравшись, обсудили дело и решили: раз приехали, должны работать. И взяли все за дело. Но оказалось, что условия, обещанные нам в договорах, не соблюдены. По договору, мы ехали на готовое поместье, с домом, половиной акра засеянной земли, 20 курами, парой свиней и козой, а получилось совсем не так. Прибыли мы 9 июля, и нас поместили в отель. Ничего не зная, мы думали: на один, два дня, но оказалось, что для нас нет ничего готового, ни домов, ни земли. Предложили нам работу на наших же участках: корчевать лес, проводить дорогу, строить дома. Нужно было семь акров очистить от леса, построить 13 домов. Два месяца мы работали, а наши семьи жили в отеле. И что же получилось при расчете? Оказалось, что мы зарабатывали в сутки по 8 мильрейсов (7 фр. 20 сант.), а в отеле надо платить от 4 до 8 мильрейсов за одного человека. К примеру, возьмем Польского. Он работал один и зарабатывал 8 мильрейсов, а в отель

ему надо платить за всю семью в шесть человек 42 мильрейса в сутки.

Когда мы все приготовили и переехали в свои домишки, то с некоторых за жизнь в отелях пришлось до двух тысяч мильрейсов. Притом, на наше несчастье, в нынешнем году нет хорошей погоды: почти каждый день дождь. Кое-как, с великим трудом, сумели мы посеять по несколько квадратных метров риса, фасоли и картофеля. Это ведь не обеспечение на будущий год! А компания преподнесла нам еще пилюлю: якобы наши счета кончены, и продуктов давать нам больше не будут. А между прочим, нам до сих пор так и не дали ни козы, ни кур, и также ничего не посеяли нам, как обещано было, не говоря уж о свиньях: все равно кормить их нечем.

Так вот, глубокоуважаемые, в каком мы положении находимся. Как же существовать нам дальше? Ведь мы не только что будем голодны, но и оборвемся настолько, что нечем и грехи прикрыть будет. Мы теперь надеемся только на вашу помощь, иначе вынуждены будем бросить землю и идти на заработки, куда придется. Все это получилось благодаря большой халатности компании. Деньги, внесенные вами, она сумела растратить, а мы остались ни с чем. Да что там деньги! Их хапали, кому только не лень! Все мы, нижеподписавшиеся, просим вас и надеемся только на вас! Не бросьте нас на произвол судьбы и помогите нам, пока не поздно и мы не разбрелись по Бразилии! Глубокоуважаемые! Представьте себе, каково жить в лесу, молиться пню и не знать никакой отрады! В нашей колонии около 25 детей. Бедные, несчастные дети! Бежали с родины не умея ни читать, ни писать, и здесь не имеют надежды чему-нибудь научиться! Глубокоуважаемые, если от вас будет нам какая помощь, то только не через компанию, иначе нам ничего не достанется. Не мы первые, приехав на землю этой компании, разбежались по всей стране. Мы таких много здесь видели, и они говорят, что и мы сбежим рано или поздно. Будьте любезны, не оставьте нас в самый критический момент без помощи. Помогите нам до июля 1937 года, хотя бы продуктами. Если сможем просуществовать на земле до этого срока, то сумеем и укрепиться на ней и уплатить все расходы, согласно договору. Остаемся с надеждой получить скорый ответ ваш».

Подготовила к печати
Т.ОРЕХОВА

¹Современное название — Сринагар.

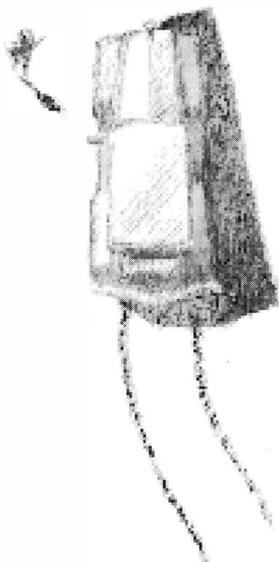
ОТТО СКОРЦЕНИ

Операция «Дуче»

По трем причинам взялись мы за публикацию мемуаров Отто Скорцени, родоначальника нацистских коммандос. Прежде всего, очень сложно найти, как в реальной жизни, так и в художественной литературе, более невероятные приключения, чем те, что выпали на долю этого офицера СС — личности, признаем откровенно, так и не сумевшей реализовать себя. Освобождение Муссолини и занятие Замка на горе в Будапеште сделали бы честь героям Дюма и персонажам гангстерских романов 30-х годов. Редкий кинобевик столь наполнен приключениями, сколько пережил их Скорцени, выполняя секретные задания в разных странах Европы.

Во-вторых, редко когда человек, не занимавший каких-либо значительных постов ни в иерархии государственной власти, ни в армии, играл такую роль в истории второй мировой войны. Скорцени, один из сотен тысяч обычных немецких офицеров, на какое-то время сковал действия целой армии союзников!

И, вместе с тем, Скорцени не герой в «чистом виде», это — самый настоящий эсэсовец, фанатично преданный фюреру и рейху. И это — третья причина, по которой мы взялись за публикацию некоторых эпизодов этой книги. Феномен Скорцени — кристаллизация духа национал-социализма в самой опасной и заразной форме. Военная машина рейха, работающая, казалось бы, как часы, как вы увидите, читая его воспоминания, — ничто без таких людей, как Отто Скорцени.

В ставке фюрера

26 июля 1943 года я завтракал в гостинице «Эден», расположенной в центре Берлина, со своим старым другом, в то время профессором Венского университета. После превосходной трапезы мы с чашечками кофе в руках, или, скорее, того неопределенного напитка, который должен был играть роль кофе, сидели в холле, болтали, вспоминали Вену и общих знакомых. Это короткое бегство в гражданскую жизнь — я даже был не в военной форме — давало ощущение отдыха, разрядки. Однако с течением времени какое-то странное, неясное чувство тревоги и беспокойства охватывало меня. Хотя я заранее предупредил телефониста гостиницы, где меня можно найти, тревога не проходила.

Наконец, не в силах больше терпеть, я позвонил в свою контору. Оказалось, моя секретарша уже сбилась с ног в поисках. Почти два часа меня искали везде, где только можно.

— Шеф, вас вызывают в ставку фюрера, — возбужденно прокричала она в трубку. — До 17 часов самолет будет ждать вас на аэродроме Темпельхоф.

Я понимал ее ажиотаж, ведь до сих пор меня никогда не вызывали в ставку. Скрывая, насколько можно, волнение, я только сказал:

— Передайте Редлю, пусть немедленно идет ко мне в комнату, уложит мою форму и туалетные принадлежности в чемодан и привезет все на аэродром. Я туда отправляюсь прямо сейчас. Вы не знаете, о чем может идти речь?

— Нет, шеф. Мы ничего не знаем.

Я торопливо попрощался со своим другом, явно взволнованным известием, что меня вызывают в ставку, и прыгнул в такси. По дороге я пытался гадать о

причине столь неожиданного вызова. Может, речь пойдет об операции «Француз» (диверсии на иранских железных дорогах)? Или о проекте «Ульм» (нападение на военные заводы Урала)? Все возможно, хотя я плохо представлял, как вызов в ставку фюрера мог ускорить подготовку к этим операциям. «Ну что ж, — сказал я себе, — поживем — увидим!»

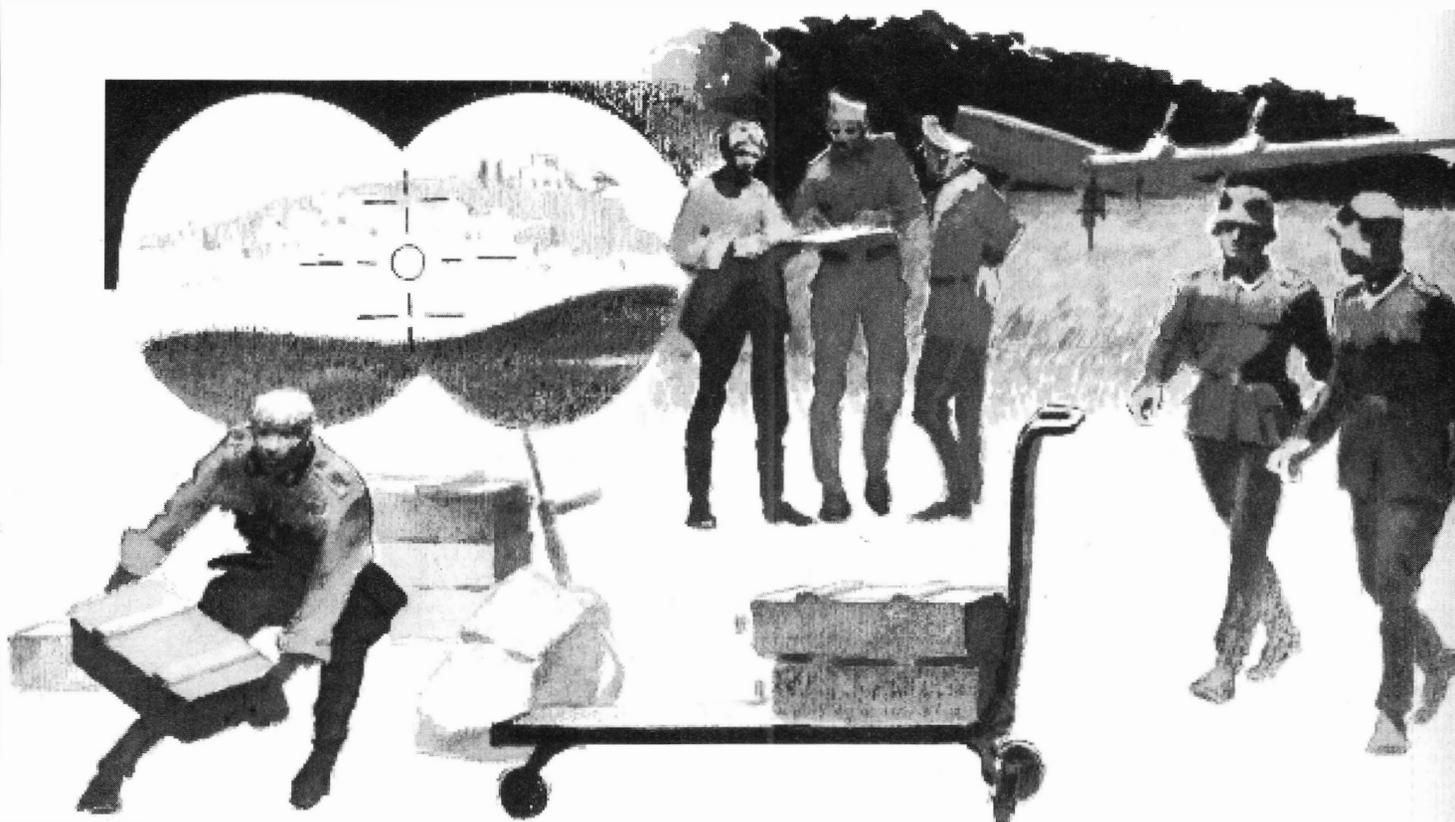
На аэродроме Редль, мой адъютант, уже ждал меня с чемоданом и портфелем. Я быстро переоделся. Редль рассказал мне последние новости. По радио только что объявили о смене режима в Италии, но ни я, ни он не видели никакой связи между этим событием и моим вызовом в ставку.

Когда мы направились к летному полю, винты «Юнкерса-52» начали медленно вращаться. «Какой комфорт, — успел подумать я, — этот огромный самолет для меня одного!» В последний момент я вспомнил, что забыл сказать главное.

— Надо, чтобы я мог с вами связаться в любой момент, — крикнул я Редлю. — Как только я узнаю, о чем идет речь, я вам позвоню. Две роты должны находиться в полной боевой готовности! Это главное.

Самолет взлетел и, развернувшись, начал набирать высоту. Я снова принялся гадать. Что меня ждет в ставке фюрера? С кем я встречу? Чем больше я размышлял, тем меньше понимал. В конце концов я бросил попытки разрешить эту загадку и принялся рассматривать самолет, в котором был единственным пассажиром. Прямо перед своим креслом я обнаружил небольшой шкафчик с напитками. Набравшись наглости, я через приоткрытую дверь спросил у летчиков, имеет ли право пассажир пользоваться его содержимым. Двух рюмок коньяка оказалось достаточно, чтобы успокоить нервы, и я мог уже любоваться живописными видами земли, над которой мы пролетали.

Вскоре мы пересекли Одер, и под нами поплыла зеленая шахматная доска Новых территорий в чередова-

нии лесов и полей. Мне было любопытно, где мы приземлимся, ведь до сих пор я не знал о ставке фюрера, как и большинство смертных, только, что она расположена в Восточной Пруссии и носит кодовое название «Волчье логово». К счастью, мой адъютант позаботился положить в мой портфель карту Германии, по которой я мог проследить маршрут. Через полтора часа после взлета с берлинского аэродрома мы пролетели, на высоте километра, над городом Шнайдемюль, затем пилот, в кабину которого я к тому времени перебрался, показал мне пальцем внизу зеркало большого озера и перекресток железных дорог Варшава — Данциг и Инстенбург — Познань. Железнодорожные пути выделялись на земле с ясностью геометрического чертежа, и я подумал, какую прекрасную цель представляет этот железнодорожный перекресток для авиации противника. Но тут же эта мысль разозлила меня. Я переживаю прекрасный час, мощный самолет несет меня в волшебном сияющем небе над прекрасной страной, а я не могу забыть хотя бы на минуту об этой проклятой войне.

За нашей спиной солнце все больше клонилось к горизонту. Постепенно самолет снизился до 300 метров. Пейзаж внизу стал меняться, превращаясь в плоскую равнину, перерезанную многочисленными речушками и испещренную пятнами озер. Я бросил взгляд на карту — пролетев почти 500 километров, мы оказались над Мазурскими болотами. В этих местах, под Танненбергом, в начале первой мировой войны старый Гинденбург нанес жестокое поражение русским войскам. С радостью и гордостью я подумал, что сегодня фронт находится далеко на востоке, где-то под Смоленском, за сотни километров от границ Германии.

Самолет начал снижаться по широкой спирали. В неясном свете сумерек я различил на берегу озера большой аэродром. «Юнкерс» опустился еще, коснулся колесами земли и, пробежав по бетонной дорожке посадочной полосы, остановился. Перед баракom, маскировавшим здание аэродромных служб, меня ждал «Мерседес».

— Капитан Скорцени? — осведомился унтер-офицер. — У меня приказ немедленно доставить вас в ставку.

По прекрасной дороге, проложенной через лес, мы вскоре достигли первого пояса безопасности — охраняемого шлагбаума. Унтер-офицер передал мне пропуск, который я должен был предъявить вместе с личными документами офицеру поста. Он записал мое имя в журнал, я расписался, шлагбаум поднялся, и мы снова поехали. Дорога стала немного уже — мы пересекли березовую рощу, переехали железнодорожные пути и достигли второго поста. Снова проверка документов. Я вышел из машины, офицер опять записал мое имя, попросил подождать и стал звонить по телефону. Положив трубку, он спросил, знаю ли я, кто меня вызывает. Я, естественно, чувствуя себя неловко, ответил, что не имею ни малейшего понятия.

— Вас вызвал Главный штаб ставки фюрера, расположенный в Чайном домике, — сказал тогда он мне, явно находясь под впечатлением того, что услышал с другого конца провода.

Я же не знал, что думать. Даже это уточнение ничего мне не говорило. Какого черта мне делать в Главном штабе фюрера? Озадаченный и изрядно заинтригованный, я снова сел в машину.

Через несколько метров мы проехали нечто вроде портала — единственный вход на обширную территорию, окруженную высоким забором из колючей проволоки. Можно было подумать, что мы в старинном парке, обустроенном с большим вкусом, с березовыми рощами, прорезанными капризно переплетающимися тропинками. Вскоре я смог различить несколько строений, на первый взгляд, расположенных без всякого порядка. На крышах некоторых строений росла трава и даже небольшие деревца. Над другими зданиями и над подъездными дорогами была натянута маскировочная сеть, скрывавшая ставку от вражеской авиации. С воздуха местность должна была казаться, вероятно, заросшей лесом и необитаемой.

Совсем стемнело, когда мы наконец остановились перед Чайным домиком. Это было простое деревянное одноэтажное строение, состоящее из двух флигелей, соединенных чем-то вроде закрытого перехода. Позднее я узнал, что левое крыло занимала столовая, где фельдмаршал Кейтель, начальник Генерального штаба вермахта обедал в окружении ближайших сотрудников. Собственно Чайный домик находился в правом крыле здания. Я вошел в просторный вестибюль с удобными креслами, несколькими столами и полом, застеленным толстым ковром. Меня встретил капитан СС и представил пяти другим офицерам — подполковнику и майору сухопутных войск, двум подполковникам люфтваффе и майору СС. Вероятно, ждали только меня, поскольку сразу после представления капитан вышел, чтобы через минуту вернуться.

— Господа, — объявил он, — я провожу вас к фюреру. Каждый из вас коротко изложит свою военную биографию. Затем фюрер, возможно, задаст вам несколько вопросов. Следуйте за мной...

Сначала мне показалось, что я плохо понял. Потом безотчетный страх почти парализовал ноги. Через несколько мгновений я должен был в первый раз в моей жизни, предстать перед Адольфом Гитлером, фюрером Великой Германии и Главнокомандующим вооруженных сил рейха! Вот уж действительно, сюрприз из сюрпризов! «В волнении я, наверное, наделаю непростительных ошибок и буду вести себя как последний дурак! Только бы все прошло нормально», — думал я, следуя за другими офицерами. Мы прошли метров сто, прежде чем я начал соображать, в каком направлении мы идем.

Мы вошли в другое здание, тоже деревянное, и оказались в просторном вестибюле, похожем на тот, что был в Чайном домике. Я успел лишь заметить светильники, рассеивающие мягкий свет, и на противоположной стене небольшую картину в скромной рамке: «Фиалка» Дюрера. Затем наш провожатый распахнул одну из дверей, и мы прошли в большую комнату, размером примерно шесть на девять метров. Справа от меня была стена со множеством окон, закрытых простыми занавесками. Посередине стоял массивный стол, покрытый картами. Перед монументальным камином, занимавшим почти всю левую стену, — маленький столик и четыре или пять кресел. В глубине — свободное пространство, на котором и остановилась наша группа. Как самый младший по званию, я занял место на левом фланге ряда. На бюро между двумя окнами я заметил безукоризненный частокol множества остро заточенных карандашей. «Именно здесь вырабатываются величайшие решения нашей эпохи», — успел подумать я до того, как прямо перед нами распахнулась дверь.

Мы застыли, повернув головы в сторону двери. И вот незабываемое мгновение: появляется человек, который более любого другого государственного деятеля, решительно повернул судьбу Германии, — мой господин, которому я безраздельно предан уже много лет и которому абсолютно доверяю. Какое странное ощущение солдата, внезапно представшего перед своим главнокомандующим!

Подойдя размеренным шагом, фюрер приветствовал нас, вскинув руку тем характерным жестом, который мы так хорошо знали по газетным фотографиям. Одет он был очень просто: мундир офицера вермахта без знаков различия, белая сорочка и черный галстук. На левой стороне мундира — железный крест первого класса, награда Великой войны, и черная нашивка за ранение.

Пока капитан СС представлял офицеров на другом краю строя, я не мог рассмотреть фюрера так хорошо, как я того желал. Нужно было усилие, чтобы не сделать шаг вперед, ибо я не хотел упустить из вида маленький его жест. Сначала я только слышал его голос, деловым тоном задававший короткие вопросы. Особенный тембр этого голоса был мне уже хорошо знаком из радиопередач. Но я с удивлением обнаружил в нем мягкую и немного протяжную интонацию, придававшую некий шарм его австрийскому акценту. Какой странный каприз человеческой природы, подумал я. Человек, которого слушают миллионы, и который хотел бы олицетворять в глазах общества идеал прусского духа, не может скрыть своего происхождения, хотя давно уже не живет на родине! Сохранил ли он в себе что-нибудь от дружелюбия и приветливости австрийцев? Остался ли подвержен зову сердца? Затем я опомнился: «Господи, что за неуместные вопросы, совершенно праздные мысли приходят мне в голову в такой момент!»

Другие офицеры уже кратко представились. Теперь Адольф Гитлер стоял передо мной. Когда он протянул мне руку, я сконцентрировался на единственной мысли: «Только без чрезмерной угодливости». Несмотря на волнение, мне удалось кивнуть головой почти идеально с точки зрения военного этикета, то есть коротко и сухо. Затем я кратко сообщил свои анкетные данные — место рождения, где учился, этапы моей жизни офицера резерва и настоящее положение. Пока я говорил, фюрер смотрел мне прямо в глаза своим знаменитым взглядом, полным непреодолимой силы.

Затем Адольф Гитлер отступил на шаг назад и резко задал первый вопрос:

— Кто из вас знает Италию?

Я один ответил утвердительно:

— Я два раза был в Италии перед войной, мой фюрер. Я проехал на мотоцикле до Неаполя.

Сразу же последовал второй вопрос, опять ко всем нам:

— Что вы думаете об Италии?

С растерянным видом, поколебавшись, офицеры начали отвечать, с трудом подбирая слова:

— Италия... партнер по Оси... наш союзник... подписала антикоминтерновский пакт...

Наконец настала моя очередь.

— Я австриец, мой фюрер. — сказал я просто.

Я, действительно, считал этот ответ достаточным, чтобы выразить свою точку зрения. Всякий истинный австриец глубоко переживает потерю Южного Тироля, самого прекрасного района, который у нас когда-либо был.

Гитлер долго и задумчиво (по крайней мере, мне так показалось) на меня смотрел, потом сказал:

— Все могут идти. А вы, капитан Скорцени, оставайтесь. Я хочу с вами поговорить.

И вот мы одни. Фюрер по-прежнему стоял передо мной. Роста он был ниже среднего, плечи немного сутулились. Разговаривая со мной, он был весь в движении. Жесты его, короткие и сдержанные, имели, однако, огромную убеждающую силу.

— У меня есть для вас задание чрезвычайной важности, — начал он, — Муссолини, мой друг и наш верный соратник по борьбе, был вчера предан своим королем и арестован соотечественниками. Я не могу и не хочу бросить в момент самой большой опасности величайшего из всех итальянцев. Для меня дуче олицетворяет последнего римского Цезаря. Италия, или скорее ее новое правительство, несомненно перейдет в лагерь противника. Но я не отступлю от своего слова; надо, чтобы Муссолини был спасен, и как можно быстрее. Если мы не вмешаемся, они сдадут его союзникам. Я поручаю вам эту миссию, счастливое завершение которой будет иметь неоценимое значение для будущих военных операций на фронтах. Если вы не останетесь перед любым препятствием, не испугаетесь любого риска, чтобы достигнуть цели, вы добьетесь ее!

Он замолчал, чтобы совладать с волнением, выдаваемым дрожащим глосом.

— Еще один важный пункт, — продолжил он. — Вы должны сохранять чрезвычайную секретность. Кроме вас, только еще пять человек будут знать об этой операции. Вы будете действовать под видом офицера люфтваффе и поступаете в подчинение генерала Штудента. Я его уже ввел в курс дела. Впрочем, вы сейчас с ним встретитесь. Он ознакомит вас с некоторыми деталями. Вам придется самому собрать необходимую информацию. Что касается командования наших войск в Италии и германского посольства, не надо ставить их в известность. Они не владеют положением и своими действиями могут только все испортить. Я повторяю, вы отвечаете за абсолютную секретность операции. Надеюсь, что скоро вы сообщите мне хорошие новости. Желаю вам удачи!

Чем больше фюрер говорил, тем больше росла во мне уверенность. Его слова казались мне столь убедительными, что в тот момент у меня не возникло ни капли сомнения в благополучном исходе дела. В то же время в его голосе дрожали нотки такой теплоты, такого волнения, особенно, когда он говорил о непоколебимой верности своему итальянскому другу, что я был буквально потрясен.

— Я все прекрасно понял, мой фюрер, и сделаю все, что в моих силах, — только и смог я ответить.

Энергичное рукопожатие обозначило конец нашей беседы. За эти несколько минут — которые мне, однако, показались очень долгими — взгляд фюрера непрерывно буравил мои глаза. Даже когда, развернувшись, я направился к двери, то чувствовал этот взгляд спиной. Пересекая порог, я еще раз вскинул руку в приветствии и убедился, что не ошибся: он до последнего момента не отводил от меня взгляда.

За дверью ждал адъютант. Пока он вел меня к Чайному домику, я думал о великом событии, которое только что пережил. Я пытался вспомнить цвет глаз фюрера. Серые? Карие? Серо-карие? Странно, но я не мог точно вспомнить, какие именно. А ведь мне казалось, я еще ошущал его взгляд на себе. Взгляд невы-

носимой силы, почти гипнотический. Выражение его глаз за время разговора почти не менялось: думаю, этот человек полностью владел собой и прекрасно контролировал эмоции. С другой стороны, он буквально излучал огромную энергию, сконцентрированную в нем, это было видно с первого взгляда.

В вестибюле Чайного домика я закурил сигарету и жадно затянулся. Только когда ординарец осведомился о моих «желаниях», я почувствовал, что ужасно голоден. Я заказал чашку кофе и еще «чего-нибудь». Через одну или две минуты мне уже принесли плотный ужин. Но едва я успел снять портупею и поднести чашку ко рту, как ординарец вернулся.

— Генерал Штудент ожидает вас в соседней комнате, господин капитан.

Дверь открыли, я вошел в небольшой кабинет и представился генералу, полноватому человеку с жизнерадостным выражением лица. Глубокий шрам пересекал лоб, напоминая о тяжелом ранении, полученном в 1940 году под Роттердамом, где он командовал автомобильной дивизией. Я сообщил ему, что фюрер только что объяснил мне, в общих чертах, мою задачу. Генерал не успел ответить, как в дверь постучали, и — еще один сюрприз, но, как оказалось, не последний в этот день — в комнату вошел Гиммлер, шеф СС. Он, наверное, хорошо знал генерала, поскольку они обменялись дружескими приветствиями — я ждал, когда меня представят. Короткое рукопожатие, и рейхсфюрер СС предлагает нам сесть.

Самое заметное на лице Гиммлера — старомодное пенсне. Выражение неподвижного лица не выдает ни единой мысли, рождающейся в мозгу этого всесильного человека. Он вежливо улыбнулся и обрисовал политическую ситуацию в Италии. Так же как и Гитлер, он не верил, что правительство Бадольо останется в лагере Оси. Анализируя события, приведшие к падению Муссолини, Гиммлер перечислил несколько имен, ни одного из которых я не знал — офицеров, политических деятелей, аристократов. Одних он называл предателями, других — колеблющимися, третьих — верными друзьями. Когда я достал бумагу и ручку, чтобы сделать некоторые пометки, он с внезапным раздражением, почти с бешенством, остановил меня:

— Вы с ума сошли, честное слово. Это должно остаться в строжайшей тайне, запомните все так, черт возьми!

Конечно, я немедленно убрал ручку. Хорошенькое начало, подумал я. Если мне повезет, то в суматохе этого дня дай Бог запомнить пять или шесть имен из сотни, упомянутых им. Тем хуже — посмотрим, что будет дальше.

— Измена Италии не вызывает сомнений, — говорил между тем Гиммлер. — Единственный вопрос — когда это произойдет. Возможно, уже завтра. Итальянские эмиссары уже ведут в Португалии закулисные переговоры с союзниками.

И снова он сыпал именами, названиями. Затем менял тему и стал обсуждать с генералом Штудентом некоторые вопросы, меня не касающиеся. Вспомнив, что мои товарищи в Берлине с нетерпением ждут от меня вестей, я попросил разрешения отойти позвонить. Пока я в коридоре ждал связи, вытащил сигарету. В этот момент из комнаты вышел Гиммлер и накинулся на меня:

— Опять эти проклятые сигареты! Разве вы не можете хотя бы несколько часов не курить? Я уже вижу;

вы не тот человек, который нужен для этой миссии!

Он бросил последний, испепеляющий взгляд и ушел.

Вот это дела! Второй раз за вечер он набрасывается на меня. Видно, не очень-то я понравился господину Гиммлери. Может, следует считать себя уже отстраненным от проведения операции, порученной мне Гитлером? Раздав сигарету каблуком сапога, я немало ошеломленно думал, что же мне делать дальше. К счастью, на помощь пришел адъютант фюрера — он все слышал.

— Все не так страшно, — сказал он. — Рейхсфюрер распекает всех подряд, а через несколько минут уже и не помнит. Он, верно, взвинчен сейчас чем-нибудь, а когда он в таком состоянии, никогда не знаешь, как себя с ним вести. Идите спокойно к генералу Штуденту и обговорите с ним свои дальнейшие действия.

Я последовал его совету и вернулся в кабинет. За несколько минут все было решено: утром я вылетаю с генералом в Рим. Официально я буду его адъютантом. В то же время полсотни бойцов моего ударного отряда вылетят с берлинского аэродрома на юг Франции, а оттуда отправятся в Рим с частями первой автомобильной дивизии, должной прибыть на итальянский фронт.

— Остальное решим на месте, — подытожил генерал. — Надеюсь, что наше сотрудничество даст хорошие результаты. До завтра.

Сначала телефонный звонок. У аппарата лейтенант Редль.

— Что происходит? — кричит он возбужденно. — Мы с нетерпением ждем вестей...

— Нам поручена важная операция. Отправление завтра утром. Я не могу объяснить подробнее по телефону. Мне необходимо еще подумать, свяжусь с вами позже. А сейчас первый приказ: в эту ночь никто не должен спать. Все автомашины должны быть готовы к отправке, надо будет перевезти кое-какое снаряжение. Я беру с собой пятьдесят человек, только самых лучших, и в первую очередь тех, кто знает итальянский язык. Сейчас составлю список, вы сделайте такой же со своей стороны, потом сравним их. Приготовьте колониальное обмундирование для всех и сухие пайки для парашютистов. Все должно быть готово к пяти часам утра. Как только приму решение, сообщу.

В Чайном домике я попросил дежурного офицера предоставить мне кабинет и прислать секретаршу, которая немедленно передавала бы мои приказы моему отряду. Эти требования были немедленно выполнены. С чашкой крепкого черного кофе в руках — я был слишком взволнован, чтобы есть — я попытался спокойно обдумать положение. Какое оружие, какое снаряжение, сколько взрывчатки необходимо взять для пятидесяти человек? Рассмотрев подробно каждый пункт, я составил длинный список. Мой небольшой отряд должен обладать максимальной огневой мощью при минимальном весе груза. Возможно, придется десантироваться с самолетов. Я предусмотрел по два пулемета на группу из девяти человек, остальные будут вооружены автоматами. Конечно, гранаты, но не с длинными ручками, а маленькие, «лимонки», которые можно положить в карманы. Кроме того, взрывчатка — килограммов тридцать будет, наверное, достаточно — мы возьмем английскую взрывчатку, привезенную из Голландии, она превосходит немецкую по качеству. Плюс различные детонаторы и взрыватели, в том чис-

ле и замедленного действия. Необходимы каски колониального варианта, белье, продовольствие на неделю и сухие пайки на три дня пути. Я немедленно передал этот первый список в Берлин, затем начал выбирать из своих людей тех, кто любой ценой должен принять участие в операции. Вскоре список был готов. Я вызвал на связь Берлин. Ответил Редль.

— Мы здесь все в мыле, — начал жаловаться он. — Каким образом, по-вашему, мы должны успеть к трем часам утра? Ваш список слишком велик...

Я его решительно оборвал.

— Это еще не все. Я отправляю вам дополнительный перечень. Я тут не загораю. Я только что говорил с самим фюрером и с рейхсфюрером СС. — Я почувствовал, что это сообщение заставило его прикусить язык, и добавил: — Сам фюрер поручил мне проведение этой операции. Хорошо, теперь сравним наши варианты кандидатов в отряд.

За исключением одного или двух человек, мы назвали одни и те же фамилии.

— Тут настоящий бунт, — сказал мне Редль, — все, без исключения, хотят участвовать в операции. Никто не хочет отстать.

— Сообщите всем немедленно имена отобранных, это успокоит и тех, и других. И не теряйте времени. Заканчивайте подготовку.

Я положил трубку и спросил себя, что я мог забыть. Ах, да! Мне нужны еще радиостанции и особенно надежная радиотелефонная связь. Значит, необходимо оставить в Берлине человека для связи, получить шифры, по крайней мере, на месяц, установить несколько сеансов: чем больше, тем лучше, как днем, так и ночью. Я отправил еще одну телеграмму. Наши сообщения передавались под грифом «Совершенно секретно, дело особой государственной важности». Мы должны соблюдать большую осторожность. Если бы итальянцы или их секретные службы узнали о наших планах, все наши усилия оказались бы напрасными.

Но это еще не все. Постоянно на ум приходили новые детали: необходимы трассирующие пули, на случай, если придется вести бой ночью, ракетницы, медикаменты для больных и раненых, а также одного или двух фельдшеров. Может быть, нам понадобится и гражданская одежда для офицеров. Таким образом, список постоянно пополнялся, и я много раз звонил в штаб-квартиру в Берлине, где царил лихорадочный активный.

Только к трем часам утра я смог подумать об отдыхе. Ординарец проводил меня в подвальное бомбоубежище. С двух сторон центрального коридора тянулись ряды помещений в виде ниш, похожие на каюты парохода. Хотя кровать была удобна, я не мог заснуть. В этом подвале я чувствовал себя неудобно, а шум вентиляторов действовал на нервы. Но, по крайней мере, я мог спокойно думать. Первый раз за день я в полном объеме оценил трудности, которые предстояло преодолеть. Во-первых, необходимо было обнаружить местопребывание дуче. Но, допустим, мы успешно разрешим первую проблему, — что делать дальше? Без сомнения, Муссолини содержится в надежном месте и строго охраняется. Будем ли мы вынуждены штурмовать крепость или тюрьму? Это второе. Мое перевозбужденное воображение уже рисовало разные яркие картины; я ворочался на постели, пытаюсь отогнать мысли, но они возвращались снова и снова. Неужели мне поручили миссию, которая приведет прямо в рай

(или в ад)? Как бы то ни было, это даст возможность показать, на что я способен — не бежать от риска или, в крайнем случае, достойно покинуть сей прекрасный мир.

Внезапно пришла мысль, что я еще и отец семейства. А я ввязался в серьезную авантюру, даже не подумав о завещании. Включил свет и занес на бумагу свою «последнюю волю». Затем, поняв, что уснуть все равно не смогу — к тому же было уже почти шесть часов, — вышел, все еще в пижаме, из своей «каюты» и спросил у ординарца — эти бедняги, кажется, никогда не спят, — где я могу принять душ. Добрый шотландский контрастный душ — то ледяная вода, то почти кипяток — унес все мои заботы. Без пятнадцати семь я уже сидел за завтраком в Чайном домике. Теперь во мне проснулся зверский аппетит, ординарец сновал, как челнок, между кухней и обеденным залом за блюдами, которые я заказывал. За окнами влажные от росы поля начинали куриться под первыми лучами восходящего солнца.

Наконец, утолив голод, я взял свой портфель, составлявший весь мой багаж и прыгнул в автомобиль, заказанный накануне, чтобы ехать на аэродром. Там я должен был встретиться с генералом Штудентом. Только что полученная телеграмма, подтвердила отправление моих пятидесяти человек. Аэродром, с которого мы должны были лететь, был другой и находился почти на вершине высокого холма, — прекрасная цель для вражеской авиации. Удивительно, но он еще ни разу не подвергался нападению. Генерал прибыл через несколько минут. «Хейнкель-111» — самолет более быстрый, чем старый добрый «Юнкерс», на котором я прилетел, — стоял, уже готовый к полету. Генерал Штудент представил меня своему личному пилоту, капитану Герлаху. Затем меня втиснули в летный комбинезон, который оказался мне немного мал, и увенчали голову пилоткой офицера люфтваффе. Погода стояла прекрасная, и я радовался мысли, что предстоит великолепное путешествие.

Мы разместились в чреве самолета. Стрелок, второй пилот и радист были уже на местах. Самолет взлетел, набрал высоту и взял курс строго на юг. Из-за шума двигателей всякий разговор был невозможен. Генерал задремал, и я, воспользовавшись этим, пробрался в кабину летчиков и устроился в кресле второго пилота. С этого места открывался чудесный вид.

Сначала мы летели над бывшей Польшей. Примерно через полчаса на горизонте, с левой стороны, появилось темное пятно; вскоре я различил несколько остроконечных шпилей — Варшава. Немного позднее мы пролетели над индустриальным районом Верхней Силезии, над бесчисленными трубами заводов, выплевывавших в небо черные клубы дыма.

Затем пересекли бывшую Чехословакию, ставшую протекторатом Германии. Внизу проплывала уже не монотонная польская равнина, а простиралась сильно пересеченная местность. Плодородные равнины по берегам чистых рек окружали поросшие лесом горные вершины. Я понял, что мы пролетим прямо над Венной. Вскоре старая столица империи развернулась под крыльями нашего самолета. Затем настала очередь альпийских виадуков Земмеринга, проплыла зеленеющая Штирия, Грац со своим гордым замком. К полудню мы пересекли Хорватию, и через некоторое время я заметил вдали отблеск солнечных лучей на поверхности моря. Вот и Пола, теперь военно-морская база

Италии, а когда-то, подумал я с грустью, до Сен-Жерменского договора, все это побережье принадлежало австро-венгерской монархии. Адриатическое море невыразимой голубизны было просто великолепно. Мы достигли итальянской территории; под левым крылом промелькнула Алькона, затем мы поднялись, чтобы перелететь Апеннины. Миновав их, нам пришлось снизиться до 300 метров: воздушное пространство севернее Рима находилось под контролем истребителей союзников.

И вот наконец Вечный город с его семью холмами, Коллизеум и площадью св. Петра. Самолет начал снижаться и скоро приземлился на аэродроме почти на границе города. Было полвторого, за пять с половиной часов мы пролетели почти 1500 километров.

Черт возьми, какая жара! Настоящее пекло. Выйдя из самолета, я инстинктивно попытался было снять меховой комбинезон и только в последний момент вспомнил, что еще не получил формы люфтваффе. Офицер войск СС в качестве адъютанта генерала аэромобильной дивизии — это заинтриговало бы многих. Пришлось обливаться потом. В течение двух или трех последующих часов я чувствовал себя уже просто мучеником. Даже поездка в открытом автомобиле не освежила меня.

Мы прибыли во Фраскати — маленький, прелестный, типично итальянский городок, в котором фельдмаршал Кессельринг расположил главный штаб немецких войск в Италии.

12 мая 1943 года война в Африке закончилась полной победой союзников. Итало-германский экспедиционный корпус, одержавший в начале войны столько блестящих побед, больше не существовал. Основной причиной его поражения была неспособность морских и воздушных сил Оси обеспечить доставку необходимого пополнения и снаряжения. 10 июля союзным войскам удалось в первый раз вступить на территорию Европы, они высадились на Сицилии. Немецкие и итальянские войска дрались с англо-американцами за каждую пядь земли. Несколько недель они вели ожесточенные бои за обладание небольшой деревушкой Кафалу, на северном побережье Сицилии.

Такова была, в общих чертах, ситуация на фронте в день нашего прибытия в Рим. В тот же вечер генерал Штудент привел меня, в качестве адъютанта, к маршалу Кессельрингу, пригласившему нас на обед. Между тем мне удалось раздобыть колониальную форму офицера-десантника, и я наконец смог снять меховой комбинезон. После обеда, когда мы пили кофе, один из офицеров из окружения маршала рассказал, как он спросил у итальянского генерала, знает ли тот место, где содержится интернированный дуче. Конечно, я насторожил уши. Генерал якобы дал честное слово, что ни он сам, ни кто-либо из руководства итальянской армии не имеют об этом ни малейшего понятия. Как всегда импульсивный, я не смог сдержаться и заметил:

— Остается узнать, можно ли верить этому заявлению.

Однако маршал Кессельринг, сидевший сзади, казался, не очень оценил этот комментарий.

— Лично я, — сказал он гневным тоном, — абсолютно ему верю. У меня нет никаких оснований сомневаться в честном слове итальянского генерала. Вам, капитан Скорцени, советую впредь поступать аналогично!

Мне кажется, я даже покраснел. Во всяком случае, я твердо решил в дальнейшем быть более сдержанным в своих суждениях и до конца вечера больше не открывал рта.

В поисках дуче

На следующий день начали прибывать самолеты с парашютистами генерала Штудента. На третий день прилетели и мои люди. Их расположили в казармах недалеко от аэродрома Пратика-ди-Маре. При встрече с ними я предупредил, что, возможно, нам предстоит вскоре важная операция. Попросил быть в полной боеготовности, чтобы я в любой момент мог рассчитывать на нее.

Затем я вернулся в Фраскати, забрав с собой Редля. Только когда мы оказались в моей комнате, я посвятил его в суть возложенной на нас миссии. Он, казалось, был искренне взволнован и горд, что я получил приказ от самого фюрера. Мы сразу сошлись во мнении, что будет очень трудно найти местопребывание Муссолини. Что касается нашей задачи, то есть освобождения дуче, мы решили о ней пока не думать, так как час «Ч» казался еще не близок.

К счастью, я смог запомнить среди сотен имен, названных Гиммлером, два самых важных: Капплер и Дольман. Капплер был представителем гестапо в Италии, у него в подчинении была организация, в любой момент готовая помочь. Дольман, уже достаточно долго живший в Риме, имел прекрасные связи во влиятельных кругах. По совету рейхсфюрера СС, мы — генерал Штудент и я — вступили в контакт с ними, посвятили в цели нашей миссии и попросили помощи.

Во-первых, мы узнали, что по итальянской столице ходят различные слухи, в том числе самые фантастические. Одни говорят о самоубийстве Муссолини, другие — о серьезной болезни, третьи утверждают, что дуче находится в доме отдыха. Нам удалось, однако, установить, что в полдень 25 июля дуче отправился на аудиенцию к королю. С этого момента его больше никто не видел. Следовательно, он был арестован в самом дворце.

Первое более или менее точное сообщение мы получили совершенно случайно. Среди итальянских чиновников, с которыми общался Капплер, был офицер корпуса карабинеров, остававшийся в глубине души приверженцем фашистского режима. В одной из бесед этот человек проронил ценные сведения: вроде бы дуче был перевезен на санитарной машине из королевского дворца в казармы карабинеров в Риме. Наше расследование подтвердило эту информацию. Мы, кроме того, узнали, в какой части здания и на каком этаже содержался пленник. К сожалению, после ареста прошло уже больше десяти дней и, вероятно, Муссолини уже был переправлен в другое место.

Еще три недели мы безрезультатно пытались выяснить, где Бадольо прятал бывшего главу фашистского правительства. Ничего, никакого следа, даже намек — до того дня, когда к нам на помощь пришел его величество случай.

В римском ресторанчике мы познакомились с одним торговцем фруктами, время от времени наезжавшим к своим клиентам в Террачину, небольшой городок на берегу залива Гаэта. У его лучшего клиента в этом городке был слуга, имевший родственницу, за

которой ухаживал один карабинер. Этот карабинер служил на острове Понца, где находилась тюрьма, и часто писал своей возлюбленной. В одном из писем он и упомянул о прибытии на остров одного замечательного узника, «очень важной персоны». Эта информация вскоре получила подтверждение, но несколько позднее один молодой морской офицер проговорился в бессвязной, полупьяной беседе, что его крейсер недавно перевез дуче из тюрьмы на острове Понца в городок Специя, где находилась итальянская военноморская база на лигурийском побережье.

Конечно, все результаты расследований немедленно передавались, через генерала Штудента, в ставку фюрера. Как только мы сообщили о «следах», ведущих в Специю, я получил приказ подготовить операцию по немедленному освобождению дуче. Целые сутки мы, лихорадочно соображая, чесали затылки. В ставке, наверное, думали, что нет ничего проще, чем умыкнуть человека с боевого крейсера на глазах вооруженного экипажа! К счастью, на следующий день мы узнали, что дуче опять — в который раз! — поменял тюрьму.

В Берлине — да простят мне читатели это небольшое отклонение от темы, только ради самой необычности факта — мобилизовали между тем даже ясновидцев и астрологов. Кажется, самому Гимmlеру пришла в голову идея привлечь этих так называемых ученых. Во всяком случае, я еще никогда не слышал хотя бы об одном положительном результате их «исследований»!

Немного позднее новые сведения, полученные из различных источников, в том числе и по анализам упорных слухов, направили наши поиски на Сардинию. Указания на один из мелких островков или на госпиталь в маленьком, затерянном в горных лесах городке, вскоре оказались ложными. Напротив, версия о присутствии дуче в морской крепости Санта-Маддалены у северо-восточной оконечности Сардинии, получила все больше и больше подтверждений. Однажды немецкий офицер связи при итальянском адмиралтействе, фрегаттен-капитан Хунеус — старый морской волк, сошедший прямо со страниц романов Джозефа Конрада — сообщил нам по собственной инициативе, что какой-то очень важный пленник содержится в этом старинном городе-крепости. Эти сведения показали мне настолько важными, что я решил немедленно лететь на Сардинию и самому провести разведку. Я взял с собой фрегаттен-капитана и лейтенанта Варгера из моего отряда, который бегло говорил по-итальянски. По прибытии в Санта-Маддалену я на немецком тральщике совершил небольшое путешествие по акватории порта и вдоль берегов острова. Под прикрытием паруса я сделал несколько фотографий портовых сооружений и даже, хотя и издали, усадьбы, которая интересовала нас больше всего — виллы «Вебер», расположенной на окраине города. Потом я начал искать способы узнать, что же это был за «важный узник». Для этой цели я решил задействовать лейтенанта Варгера.

Мой план базировался на том, что все итальянцы — яростные спорщики. Варгер, переодетый в простого немецкого матроса, должен был, с наступлением вечера, потолкаться в тавернах и прислушиваться к разговорам. Как только он уловит разговор о дуче, он должен будет вмешаться и заявить, что ему достоверно известно, что Муссолини тяжело заболел. Очень вероятно, эта версия вызовет протесты, что позволит Вар-

геру заключить пари. Чтобы казаться более убедительным, Варгер должен будет притвориться слегка пьяным.

Из-за последнего обстоятельства возникли неожиданные трудности — Варгер не пил вообще. Только после неоднократного напоминания о долге солдата я смог убедить его немного отступить от своих принципов.

Мой план, с виду такой простой, прекрасно удался. Бродячий торговец, который приносил каждый день фрукты на виллу «Вебер», принял пари. Чтобы показать Варгеру, что он знает, о чем говорит, он провел его в дом возле виллы и через слуховое окно чердака показал террасу, по которой прогуливается дуче.

На следующий день Варгер вернулся на этот наблюдательный пост. Через несколько дней он знал приблизительное количество солдат охраны, время смены караулов, пулеметные точки и тому подобное.

Настало время выработать план дальнейших действий. Каким образом мы сможем вытащить Муссолини с виллы, а затем вывезти его из города? Наша задача осложнялась еще тем, что Санта-Маддалена — морская крепость. Были необходимы самые точные сведения о расположении зенитных батарей, частей и их количестве. Поскольку имевшихся у нас карт было недостаточно, я решил облететь город на самолете и сделать несколько снимков с воздуха.

Вернувшись в Рим, я получил в свое распоряжение «Хейнкель-111», и 18 августа 1943 года мы взлетели с аэродрома Пратика-ди-Маре. Сначала пилот взял курс на север. В то время активность в воздухе авиации союзников над Тирренским морем была уже столь высока, что в целях безопасности все самолеты, направлявшиеся на Сардинию, должны были следовать через острова Эльба и Корсика.

В назначенный час мы приземлились в Паузании, на одном из главных аэродромов Сардинии, где самолет должен был дозаправиться. Я быстренько «подскочил» в Пало, где встретился с Хунеусом и Варгером, проинформировавшим меня, что в Санта-Маддалене ничего нового, за исключением постоянного усиления мер безопасности.

Успокоенный, я вернулся в Паузанию. После разведывательного полета я планировал отправиться на Корсику, где была расквартирована бригада СС. План, начинавший созревать в моей голове, возможно, потребовал бы привлечения достаточно серьезных сил, и я хотел обговорить с командованием бригады предварительные детали операции. В 15 часов мы взлетели. Я приказал пилоту быстро набрать высоту 5000 метров. Облет района Санта-Маддалены, вообще говоря, был запрещен, и я вынужден был забраться как можно выше, чтобы спокойно сделать снимки. Расположившись в передней турели, рядом с пулеметом, с фотокамерой и морской картой под рукой, я только принялся любоваться переливами темно-синего моря, как в наушниках раздался голос заднего стрелка:

— Внимание! Сзади два самолета, английские истребители.

Самолет лег на крыло, стараясь оторваться от противника, я положил палец на гашетку пулемета, готовый в любой момент открыть огонь. Через некоторое время пилот выравнял самолет; я уже сказал себе, что все закончилось благополучно, как внезапно увидел, что нос нашей машины под острым углом устремился вниз. Обернувшись, я увидел искаженное лицо летчи-

ка, пытавшегося, без особого успеха, вывести самолет из пике. Бросив взгляд через стекло своей кабины, я увидел, что левый мотор не работает. Самолет падал со все возрастающей скоростью. Не оставалось времени даже на прыжок с парашютом. Я услышал в наушниках:

— Держитесь...

Инстинктивно я вцепился в ручки пулемета, и мгновение спустя самолет столкнулся с поверхностью воды. Я, наверное, ударился головой о стекло кабины, ибо потерял сознание. Через несколько секунд я почувствовал, как что-то передо мной разбивается на тысячи осколков. Затем чья-то рука схватила меня за ворот куртки и потащила вверх. Вокруг только вода, ничего, кроме воды. Самолет медленно погружался, в кабине пилотов, передняя часть которой была разбита, было уже сантиметров тридцать воды, и она хлестала через зияющую пробоину.

С трудом открыв дверь в салон, мы попробовали докричаться до задней кабины. Никакого ответа. Значит, наши два товарища погибли? Теперь надо было как можно быстрее выбраться наружу из самолета, могущего затонуть с минуты на минуту. Объединенными усилиями нам удалось открыть верхний аварийный люк в кабине пилота. Сразу же внутрь устремились новые потоки воды. Пора! Мы быстро вытолкнули второго пилота через люк, затем я глубоко вздохнул и протиснулся сам. Я почувствовал, что поднимаюсь, резким движением ног оттолкнулся от самолета и выскочил на поверхность. Через несколько секунд появился и первый пилот.

Неожиданно произошла странная вещь. Почти весь самолет, освобожденный от нашего веса, появился из воды. Оба летчика бросились к задней кабине, открыли люк. Оторопевшие, они увидели забившихся в угол кабины двух солдат, которых мы уже посчитали погибшими. Они были невредимы, но немного ошалевшие. На четвереньках они доползли до края крыла. К несчастью, ни тот, ни другой не умели плавать, хотя оба были уроженцами Гамбурга, портового города. Первому пилоту между тем удалось достать надувную лодку. Удар кулаком — вылетела пробка из баллона с кислородом; лодка быстро наполнилась газом, и солдаты смогли на нее забраться.

В тот же момент я вспомнил с замиранием сердца о своем портфеле и фотокамере, оставшихся в кабине пилотов. Я нырнул, проник в кабину через пробоину, и мне удалось вытащить портфель и камеру, которые я, вынырнув на поверхность, забросил в лодку. Через несколько секунд хвост самолета вздыбился, и машина ушла под воду. Уцепившись за лодку, как и оба пилота, я огляделся. В двухстах или трехстах метрах от нас из воды торчали камни подводной скалы. Мы вплавь направились к ней, толкая перед собой лодку. Скала оказалась обрывистой и скользкой, но нам достаточно легко удалось на нее забраться. Второй пилот обнаружил в «НЗ» лодки ракетницу и хотел выстрелить, но я приказал ему подождать, пока появится какой-нибудь корабль.

Примерно через час мы заметили дым на горизонте. Я выпустил красную ракету и, к нашей радости, корабль взял курс в нашу сторону. Вскоре к нам уже шла спасательная шлюпка. Нашим спасителем оказался вспомогательный итальянский крейсер, специально оборудованный для противовоздушной обороны. «Нам повезло, что капитан не знает как мы здесь оказа-

лись,» — подумал я, пожимая ему руку. Поскольку я был совершенно голый — ныряя за камерой, я освободился от одежды, — он предложил мне белые шорты и пару сандалий. И только, когда я с облегчением растянулся в шезлонге, почувствовал острую боль в грудной клетке: через несколько дней врач определил, что у меня сломано три ребра.

К концу дня мы снова оказались в Паузании. Я сразу же отправился в Пало, чтобы взять у капитана Хунеуса корабль и отправиться на Корсику, где меня ждал командир бригады СС. Я хотел выполнить хотя бы этот пункт плана.

Была почти полночь, когда наш торпедный катер проскользнул между скалистых берегов в порт Сан-Бонифачио. Из здания итальянской военной администрации порта мне не удалось установить телефонную связь с бригадой. Только на следующее утро мне представили автомашину. По стечению обстоятельств, весь этот день я гонялся за командиром бригады, который, со своей стороны, пытался, и тоже напрасно, найти меня. В конце концов, мы все же встретились на севере острова, в Бастии, в штабе немецкой военно-морской базы на Корсике.

В то же время Редль, оставшийся в Риме, терялся в ужасных догадках. Не встретив меня, как было условлено, вечером 18 августа, он позвонил в штаб парашютной дивизии, чтобы узнать, есть ли у них какие-нибудь новости о самолете. Ему коротко ответили: «Самолет считается пропавшим без вести, экипаж, скорее всего, пошел на дно, рыб кормить». Два дня бедняга считал меня погибшим, ибо я вернулся в Рим только поздним вечером 20 августа. Я встретил его по дороге от аэродрома, в расположении моего отряда, и он чуть с ума не сошел от радости.

Как только мы прибыли в гостиницу, сразу приступили к разработке детального плана наших дальнейших действий. На этот раз у нас была твердая уверенность, что местопребывание дуче обнаружено. Генерал Штудент, которого мы на следующее утро поставили в известность о положении дел, полностью разделял наше мнение.

Вдруг — как гром среди ясного неба — приказ из ставки фюрера:

«Ставка только что получила от Абвера (адмирал Канарис) доклад, согласно которому Муссолини находится на небольшом островке недалеко от острова Эльба. Капитану Скорцени немедленно подготовить десантную операцию и сообщить в Ставку о времени, когда она может быть проведена. Ставка фюрера утверждает план операции».

«Как это могло произойти?» — спрашивали мы себя. Считалось, что агентура адмирала обладает чрезвычайно эффективными средствами сбора информации. Однако через несколько дней мы познакомились и с циркуляром под грифом «секретно», разосланным абвером всем командирам соединений вермахта в Италии. В этом циркуляре было черным по белому написано: «Абсолютно точно установлено, что правительство Бадольо продолжит борьбу на нашей стороне при любых обстоятельствах. Новое итальянское правительство будет даже еще теснее участвовать в совместных действиях, чем бывшее фашистское правительство».

Поскольку наше мнение было диаметрально противоположным, генерал Штудент попросил аудиенцию у самого фюрера. После долгих объяснений по телефону разрешение, наконец, было дано, и мы получили

приказ прибыть в Восточную Пруссию. Мы сразу же вылетели, приземлились после полудня и узнали, едва выйдя из самолета, что Гитлер ждет нас.

Нас провели в ту же комнату, где я был представлен фюреру несколько недель назад. На этот раз все кресла перед камином были заняты, и я имел возможность познакомиться практически со всем руководством рейха. Слева от фюрера сидел Риббентроп, министр иностранных дел, справа — фельдмаршал Кейтель, за ним генерал Йодль. Мне указали на следующее кресло. Слева от Риббентропа сидел Гиммлер, за ним генерал Штудент и гросс-адмирал Дениц. Между Деницем и мной расположилась в кресле массивная фигура рейхсмаршала Германа Геринга.

Генерал Штудент коротко представил меня, затем предоставил мне слово. Сначала я страшно волновался, взгляды этих восьми человек так меня сковывали, что я забыл даже о записях, приготовленных во время полета. Постепенно, однако, я обрел обычную уверенность. По возможности, ясно и коротко, в деталях представил все этапы нашего расследования. Многочисленные убедительные свидетельства в пользу нашей версии, согласно которой дуче находится в Санта-Маддалене, произвели впечатление. А рассказ о пари, заключенном лейтенантом Варгером, вызвал улыбки на некоторых лицах, в частности, Деница и Геринга.

Когда я закончил — беглый взгляд на часы подсказал мне, что я говорил больше получаса, — фюрер решительным жестом пожал мне руку:

— Вы убедили меня, капитан Скорцени. Вы, конечно же, правы, я отменяю мой прежний приказ о нападении на остров. Вы уже разработали план, позволяющий вызвать дуче из этой морской крепости? Если да, представьте нам его.

С помощью схемы, набросанной от руки, я рассказал о нашем проекте, выработанном несколько дней назад. Я объяснил, что, кроме флотилии торпедных катеров, мне потребуется несколько тральщиков и, кроме моих пятидесяти человек, около роты добровольцев из состава бригады СС, стоящей на Корсике. С другой стороны, чтобы прикрыть наш отход, я бы хотел иметь право использовать зенитные батареи наших сил на Корсике и Сардинии. Мой план атаки на восходе солнца, кажется, получил полное одобрение. По ходу доклада Гитлер, Геринг и Йодль задали мне множество вопросов. После меня слово взял фюрер:

— Я одобряю ваш план, капитан, и надеюсь, что при выполнении его с должной настойчивостью и без всяких колебаний он вполне реален. Гросс-адмирал Дениц, отдайте необходимые распоряжения своим подразделениям. Требуемые части поступают на время проведения операции под командование капитана Скорцени: необходимо любой ценой освободить моего друга Муссолини, и как можно быстрее, чтобы помешать передаче его союзным войскам. Однако, капитан, когда вы будете готовы, и я дам вам разрешение начать операцию. Италия, возможно, еще будет нашим союзником, по крайней мере, официально. Если в этом случае ваш рейд закончится неудачей, я буду вынужден дезавуировать вас перед мировым общественным мнением. Я заявлю, что, постоянно твердя о необходимости спасения дуче и о своем плане его освобождения, вы лично заставили потерять голову командиров некоторых подразделений, расквартированных в Италии, и, в любом случае, действовали по собственной инициативе. Чтобы помочь нам одержать по-

беду и поддержать честь Германии, вы должны быть готовы принять, в случае неудачи, это тяжелое обвинение, даже не помышляя о защите.

У меня не было времени даже подумать. В любом случае, когда честь моей родины поставлена на карту, я знаю, что покорно приму и молча вынесу весь позор подобного обвинения. Слишком взволнованный, я смог только склонить голову, не найдя слов для ответа.

Довольный Гитлер отпустил меня, перед тем дружески пожав мне руку.

— Вам удачи, Скорцени, — сказал он, таким уверенным тоном, что его уверенность проникла в меня, как электрический заряд. Я не раз слышал о почти гипнотической силе убеждения фюрера. Невозможны были больше никакие сомнения — мне удастся.

На следующее утро, мы отправились обратно в Рим. По прибытии я рассказал своему верному Редлю, что, в случае провала операции, я должен буду взять на себя всю ответственность за наше предприятие. Как истинного австрийца, Редля все это не очень взволновало.

— Ну что ж, — сказал он спокойно, — если так должно быть, то я попрошу, чтобы меня заключили с вами в одну камеру. Возможно, нас поместят в сумасшедший дом. Это будет прекрасная возможность испытать на себе комфорт камеры с мягкими стенами.

И только случайность избавила нас от этой печальной перспективы. Увы, через несколько дней мы едва не начали штурм тюрьмы, в которой уже не было пленника.

Снова с нуля

Фрегаттен-капитан Шульц, командир эскадры торпедных катеров, предоставленной в мое распоряжение, был настоящий сорви-голова. Он уже давно мечтал об операции подобного рода. Мы поминутно рассчитали все фазы нашего рейда, стараясь не упустить малейшей детали, предусмотреть все возможные случайности. Наконец план был полностью готов.

Накануне дня «Икс» эскадра торпедных катеров зайдет с официальным дружеским визитом в Санта-Маддалену. Она должна войти в военный порт и пришвартоваться у причала, расположенного напротив виллы. В тот же день тральщики под командой лейтенанта Редля забирают на Корсике десант командос, пересекают пролив и бросают якоря на рейде Пало, напротив Санта-Маддалены. Солдаты, естественно, остаются в укрытии. В первые часы дня «Икс» флотилии начинают маневрировать, показывая, что собираются покинуть места стоянок и выйти в море. Внезапно тральщики высаживают десант, часть которого обеспечивает прикрытие основной группы, чтобы огрadyть ее от любых неожиданностей со стороны города. Катера находятся в постоянной готовности поддерживать нас огнем.

Затем я, вместе с основной частью десанта, вхожу на территорию виллы. Мы идем строем, и, по моему замыслу, это внезапное появление роты марширующих солдат должно внести еще большее замешательство в ряды противника. Насколько возможно, мы будем избегать, пока идем по городу, всяких конфликтов и до последней возможности постараемся не открывать огонь. Затем мы врываемся в ворота виллы, где я принимаю на месте решение о конкретном способе дейст-

вия, в зависимости от сложившейся обстановки. Чтобы охрана виллы не узнала раньше времени о нашей высадке, выделяется несколько групп, которые пережут линии связи.

Как только мы нейтрализуем полторы сотни человек охраны, я доставляю дуче на борт торпедного катера. В это время рота солдат СС займется орудиями, прикрывающими выход из порта. Что касается зенитных пушек системы противоздушной обороны итальянцев, расположенных на холмах вокруг города, они будут под прицелом наших батарей, установленных на северном побережье Сардинии.

Немного удачи — и все пройдет как по маслу. Единственное обстоятельство меня действительно немного беспокоило: ниже виллы «Вебер», почти на набережной — военные казармы с почти двумястами курсантами морской школы. Мне необходимо солидное прикрытие, чтобы обезопасить фланги. С другой стороны, у берега стояли две летающие лодки итальянского флота и санитарный гидросамолет. Я специально выделил два взвода, чтобы они вывели их из строя, тогда итальянцы не смогут организовать немедленное преследование торпедного катера с дуче.

За день до дня «Икс», на рассвете, катера покинули порт Анцио и после недолгого перехода прибыли в Санта-Маддалену. После этого Редль отправился на борту минного тральщика на Корсику проконтролировать погрузку десанта. Они должны были, по нашему плану, прийти в Санта-Маддалену к концу дня. Ожидая развития событий, я еще раз принялся изучать план виллы «Вебер» и ее окрестностей. Малыш Варгер хорошо поработал, все нанесено на схему очень тщательно и точно: расстояния, расположение дверей, караульных постов, и т.п. Однако я не мог никак отогнать от себя чувство какой-то неуверенности, которое преследовало меня каждый раз, когда кто-то выполнял важное дело без моего контроля. Наконец решил последний раз сам все проверить. Варгер меня сопровождал. Едва мы подошли к вилле, как я обнаружил телефонный кабель, не отмеченный на схеме Варгера. Меня охватил гнев: именно такая, на первый взгляд, незначительная оплошность могла провалить важнейшую операцию. Но должен признать, что, за исключением этой ошибки, в остальном карта была составлена очень тщательно. Два отделения карабинеров прогуливались вдоль улицы. Еще одно, вооруженное пулеметами, охраняло ворота. К сожалению, высокий забор защищал внутренний двор от нескромных взглядов прохожих. Мы, в целях маскировки, были одеты в форму простых матросов и несли корзины с грязным бельем, поэтому на нас никто не обратил внимания. Целью прогулки был соседний с виллой дом, расположенный чуть выше по улице, что могло позволить нам заглянуть за забор. Пока Варгер сдавал белье в стирку, я, под предлогом отсутствия в доме туалета, поднялся еще выше и из-за обломка скалы стал рассматривать виллу и окружавший ее парк. Все казалось спокойным, и, сравнив по памяти с планом расположение дорожек в саду и некоторые другие объекты, я вернулся, успокоенный, в дом прачки. И здесь меня поджидал тот самый счастливый случай, о котором я уже упоминал. Пока меня не было, один из карабинеров из охраны дуче зашел в дом в гости к хозяйке. Я осторожно направил разговор на падение режима Муссолини. Сначала солдата, казалось, совершенно не интересовала эта тема, он оживился лишь, когда я пред-

положил, что дуче уже, наверное, умер. С горячим темпераментом южанина он заявил, что все это враки. Я стал настаивать, утверждая, что знаю это совершенно точно от верного человека. Вроде бы несколько дней назад знакомый врач рассказал мне в мельчайших деталях о последних минутах бывшего главы фашистского государства.

Бравый карабинер больше не мог сдерживаться.

— Нет, нет, сеньор, это невозможно! — воскликнул он. — Я видел дуче только сегодня утром. Я сам сопровождал его, когда его везли к белому самолету, на котором он улетел.

Вот это да! Вот это сюрприз! Солдат говорил уверенным тоном, его рассказ выглядел очень правдивым. Только теперь я вспомнил, что санитарный гидросамолет, который еще вчера качался на волнах у берега, сегодня утром исчез. Я это, конечно, заметил, но не придавал большого значения. С другой стороны, меня немного удивило, когда я рассматривал виллу, что солдаты охраны чувствовали себя как-то слишком свободно, толпились на террасах и выглядели беззаботными. Вот, оказывается, где объяснение их поведения: в тюрьме не было больше пленника!

Нам крупно повезло, что все вовремя раскрылось. Хорошо бы мы выглядели, если бы развернули те морские и сухопутные военные действия, которые были запланированы.

Теперь необходимо было, в первую очередь, отменить операцию и прекратить выдвижение сил на исходные позиции. Я позвонил Редлю и застал его как раз в тот момент, когда он собирался отдать приказ об отправлении с Корсики. Подразделения десанта были уже на борту кораблей.

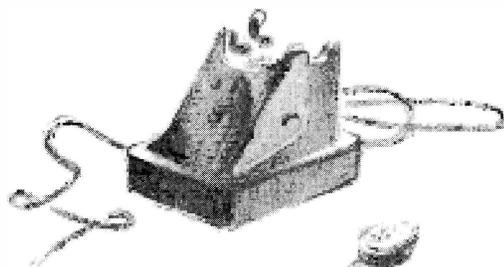
— Полный назад, все стоп! — таков был приказ.

Из предосторожности мы еще несколько дней сохраняли состояние готовности, на случай, если дуче вернется в Санта-Маддалену. К нашему удивлению, итальянцы также не снимали охрану с виллы. По-моему, итальянские секретные службы специально это делали, чтобы замести следы и ввести нас в заблуждение. Без сомнения, пленник представлял для них такую ценность, что они не остановились перед такой сложной проблемой, как постоянная смена места заключения Муссолини. На этот раз они достигли своей цели — в очередной раз мы потеряли след.

Надо было все начинать сначала. Несколько дней мы сбивали ноги, стараясь по горячим следам найти дуче. Слухов было предостаточно, — но, как только мы вплотную начинали заниматься их проверкой, они рассеивались, как дым.

Окончание следует

Перевел с немецкого
Н. НЕПОМНЯЩИЙ
Рисунки В. ЛЮЛЬКО

Л. БИНДЕМАН

ГАННИБАЛ, малая родина Марка Твена

«Открой для себя Миссури!» — манила реклама. Может, кого-нибудь и нужно было уговаривать, только не меня: я и сама мечтала об этом всю жизнь и однажды погожим апрельским утром проснулась в Ганнибале (штат Миссури), родном городе Марка Твена.

Главная улица городка Ганнибал. Если бы не современные магазины и машины, можно было бы представить знаменитого писателя прогуливающимся по «местному Бродвею» (фото автора).

Я переводчик Марка Твена. Моя приятельница, московская поэтесса, зная мою одержимость Твенем, давно величает меня по отчеству не Марковной, а Марктовной. Для осуществления своей мечты я предусмотрительно родила младшего сына, передала ему в генах клаустрофобию «невъездной» и в свое время проводила в аспирантуру университета Чикаго. Приглашая меня в гости, сын сказал по телефону:

— В конце месяца поедем в Ганнибал — красить за деньги забор.

Мы долго ехали по скучной прерии и добрались до Ганнибала лишь поздно ночью. Но утро с лихвой вознаградило за утомительный путь. Перед нами на зеленых холмах живописно рас-

кинулся старинный светлый городок. Чистые улочки сбежали к полноводной Миссисипи. С холма открывался обзор на всю реку вверх и вниз по течению и лесистые просторы Иллинойса на другом берегу. Приезжая в Ганнибал, Твен каждый раз поднимался на Холлидэй-хилл, откуда виден был весь город, и снова чувствовал себя мальчиком, а все прошедшие годы казались ему долгим сном.

Забор покрасили без нас. Он безупречно белый, рядом стоит указатель: «Забор Тома Сойера». За белым забором — родной дом и мемориальный музей Твена. Желаяших красить забор — хоть отбавляй. С 30 июня по 4 июля в Ганнибале проходят «Национальные дни Тома Сойера». Этот фестиваль, на который съезжаются семьями со всей Америки, проводится вот уже сорок лет. Среди прочих состязаний есть и покраска забора. Босые мальчишки, закатав рукава и подвернув джинсы, соревнуются, кто быстрее и лучше покрасит отведенные им несколько досок. На этом же фестивале избираются на год Том Сойер и Бекки Тэтчер из местных старшеклассников. Целый год они, как послы доброй воли, представляют Ганнибал в США и за его пределами, участвуя во всех официальных церемониях.

У хранителя музея горящая фамилия — мистер Суите¹. Юмористы не упустили бы случая ее обыграть. Но — шутки в сторону — мистер Суите действительно очень мил и радует о делах твеневского мемориала. Передаю в дар музею книгу своих переводов из Твена. Хранитель приятно удивлен неубывающей популярностью Марка Твена в России. Для меня, в свою очередь, приятная неожиданность, что Твен —

¹ Sweet (англ.) — милый, обаятельный (Здесь и далее прим. автора).

один из самых любимых зарубежных писателей в Японии.

Биография человека начинается задолго до его рождения. Вглядываясь в лицо миссис Клеменс, матери Твена, тонкой, хрупкой, но очень сильной духом женщины. Заступничество за обиженных — словом и делом — было для нее настоящей потребностью. В Сент-Луисе она как-то вырвала кнут у дюжего возчика, избивавшего свою лошадь, а в Ганнибале умилила не в меру норовистого корсиканца, грозившего измочалить толстую веревку о свою непослушную дочь. Как-то в городе возник спор: может ли она, столь благочестивая пресвитерианка, замолвить

заменены другими — незначительная, но очень трогательная деталь, свидетельствующая о бережливости и разумном самоограничении. Твен очень любил мать, ей посвящены многие замечательные странички его автобиографической прозы. По ним можно судить, что и свое непревзойденное чувство юмора он унаследовал от матери.

Твен, по собственному признанию, рос болезненным, вялым ребенком и первые семь лет своей жизни питался, главным образом, лекарствами. Как-то он спросил свою мать, которой шел уже восемьдесят восьмой год:

— Наверно, ты все время беспокоилась за меня?

Во время своего последнего приезда в Ганнибал в 1902 году Марк Твен сфотографировался рядом с домом, в котором жил в детстве, в том самом, что позже был описан в «Приключениях Тома Сойера».

Музей Бекки Тэтчер. Восковая русокося Бекки и ее мать собираются в гости.

доброе словечко за самого... сатану? Заговорщики всячески поносили его, обличали, и Джейн Клеменс не выдержала — вступилась. Да, он — величайший из грешников, утверждала она, а кто молится за него, как за других грешников? Разве кому-нибудь удалось спастись только собственными усилиями?

Вот где глубинные корни справедливости и благородства Твена, его независимости в суждениях и постоянной готовности прийти на помощь обиженным, вот откуда берет начало его бунтарство против лжи и лицемерия: детские впечатления глубоко западают в душу.

На бархатном платье миссис Клеменс две верхние пуговицы отличаются от остальных: видно, были утеряны и

— Да, все время.

— Боялась, что я не выживу?

Миссис Клеменс, поразмыслив, ответила:

— Нет, я боялась, что ты выживешь.

Для нас она навсегда тетя Полли из книги на все времена «Приключения Тома Сойера». Мне кажется, Твен — озорник Том ревновал ее к своему младшему брату Генри, с которого писал примерного мальчишка Сид.

В доме семейства Клеменсов обстановка очень простая и строгая. Из маленькой спальни на втором этаже Том удирал ночью через окно, услышав условный свист Гека. Напротив через улицу — «дом с колоннами», принадлежавший доктору Гранту, где Клеменсы жили в 1846 — 1847 годах после разо-

рения и последовавшей вскоре смерти отца, Джона Маршалла Клеменса. В гостиной наверху — восковые фигуры: доктор Грант в кресле у камина, за столом — миссис Грант и ее мать миссис Кроуфорд, возле стола — доктор Пик в визитке и с тросточкой. Он зашел навестить доктора Гранта, получившего множество колотых ран на дуэли. Юный Сэм прячется где-то неподалеку и подслушивает разные истории, которые впоследствии очень пригодятся писателю Марку Твену. Внизу — аптека доктора Гранта с традиционным набором медных ступок, пестиков, колбочек и весов, которые Твен, любивший поиздеваться над врачами, называл «орудиями уничтожения». Зубоврачебные инструменты того времени, и вправду, напоминают орудия пытки.

В доме по соседству — книжная лавка и музей Бекки Тэтчер. Восковая русокося Бекки (Лаура Хокинс) в кокетливых панталончиках расскажет, если нажмешь кнопку у двери, о детской любви к ней Тома Сойера. На той же стороне улицы и юридическая контора отца Марка Твена, избранного в 1840 году мировым судьей. Твен описывал ее в своих произведениях. На Хилл-стрит в «доме с привидениями» расположен музей восковых фигур. Известный американский скульптор Мартин Крюсон создал двадцать семь восковых фигур в человеческий рост. Тут и родители Твена, и семья самого Твена, и герои его двух самых популярных книг — Том Сойер, Гек Финн, тетя Полли, Сид, вдова Дуглас, индеец Джо и другие. Вечером в освещенном окне под крышей видно и само привидение.

Впрочем, вся историческая часть города — мемориал Твена. Ганнибал живет Твенем. Каждый ресторанчик использует в названии имени Марка Твена и его героев — Тома Сойера, Бекки Тэтчер, Гека Финна. Не забыт и злодей индеец Джо — его именем назван кемпинг. В лавке тетушки Полли продаются изделия народных промыслов, а в магазине миссис Клеменс — антиквариат, куклы, мебель и прочее. Кажется, вся Америка, вступив в «позолоченный век»¹, сбросила в Ганнибал кухонную утварь, предметы строгого пуританского быта, лоскутные одеяла, которые трудолюбивые леди того времени украшали затейливыми узорами. И церковь не упускает случая упомянуть о знаменитом земляке. В проспекте Первой пресвитерианской церкви читаем:

«Возможно, вам будет интересно узнать, что Сэмюэль Клеменс (Марк Твен) иногда посещал Первую пресвитерианскую церковь Ганнибалы. Ему было четыре года, когда семейство Клеменсов поселилось в нашем городе. Вскоре его мать и старшая сестра Памела стали прихожанками нашей церкви. Твен приезжал в Ганнибал на похо-

¹ Речь идет о 60-70-ых годах XIX века, иронически описанных Марком Твенем и Чарльзом Уорнером в романе «Позолоченный век».

роны матери. Панихида происходила в этой церкви».

Когда-то пасторы, возмущенные вольнодумством Твена, его критикой церкви и ее служителей, называли его «сыном дьявола». С тех пор многое переменялось в самой церкви. Настоятель храма Ларри Митчел с улыбкой замечает:

— О, Твен был настоящий философ.

Очевидно, желая показать, что прихожане церкви всегда отличались чувством юмора, демонстрирует висящую на стене в рамке страничку летописи приходской жизни времен Твена.

В 1878 году прихожане Первой пресвитерианской церкви устроили совместную трапезу, чтобы обучить своих дам, как лучше всего устроить званый ужин. По этому случаю для дам и джентльменов изготовили даже специальные памятные салфетки. За традиционной мансовой кашей на молоке последовали пирожки, конфеты, сэндвичи, кофе, мороженое. Заранее объявили и примерную стоимость угощения на человека (конечно, при разумной воздержанности гостя) — всего двадцать пять центов. Однако дамы проявили такое усердие в учении, что, когда трапеза закончилась, каждому джентльмену пришлось раскошелиться аж на двенадцать долларов! По тем временам, и особенно в захолустье Ганнибале, это была огромная сумма. Ну чем не сюжет для юмористического рассказа?

Потом мы побывали в гостях у Ларри Митчела. Он с гордостью показал нам свой роскошно обставленный трехэтажный особняк и поведал его историю. Некогда особняк принадлежал богатому врачу. Жена хозяина влюбилась в друга дома, тоже врача. Любовники замыслили убить хозяина и осуществили свой подлый замысел. Убийство совершилось в спальне на третьем этаже. Присяжные, по неведомой причине, оправдали убийцу, но лишили его врачебной практики. Злодей с горя запил и стал заядлым картежником, а потом и вовсе устроил у себя притон. Осматриваем залу, где резались в карты, и балкон, где местные жрицы любви поджидали удачливых игроков.

Все это было вполне в духе времени. В конце XIX столетия Америка отправляла в антикварные лавочки не только предметы строгого пуританского быта, но и мораль. В это время в маленьком Ганнибале имелось пять борделей, и их обитательницы почитались вполне уважаемыми дамами, потому что покупали товары в дорогих магазинах, исправно платили налоги и проявляли заботу о здоровье клиентов.

«Но теперь это вполне добропорядочный дом», — заключает свой рассказ пастор и, вероятно, желая рассеять последние сомнения, добавляет, что его жена, миловидная учительница Дженнет, воспитывала дочь президента Клинтона Челси.

«Но теперь это весьма порядочное заведение», — читаем в рекламном проспекте ресторана на Берд-стрит, где когда-то располагался самый шикар-

ный бордель, открытый предприимчивой мамой из Чикаго. Из того же источника узнаем, что местные пасторы сорок лет вели войну с вертепами разврата и в конце пятидесятых одержали победу. Бордели закрылись, и Ганнибал стал благопристойным городом, где проводятся семейные фестивали.

Пароход «Марк Твен», на котором мы плывем по Миссисипи, стилизован под старушку «Большую Миссури». Ее приход в Ганнибал во времена Твена мигом преобразил весь город. Но сначала о Миссисипи. Лучше, чем Марк Твен, о ней не скажешь. «Огромная Миссисипи, величавая, великодушная Миссисипи, в милую ширину, катит свои воды, сверкая на солнце; на другом берегу — густой лес. Два мыса — и сверху и снизу по течению — замыкают зеркало реки, превращая ее в озеро, тихое сверкающее и пустынное». А вот и описание парохода «Большая Миссури», дающее полное представление о нынешнем «Марке Твене»: «Длинный и остроносый, он изящен и аккуратен. У него две высокие вычурные трубы, и между ними висит золоченая эмблема. Нарядная лоцманская рубка, вся застекленная, с золочеными украшениями, возвышается за ними над верхней палубой. Кожухи над колесами пышно расписаны, и золотые лучи расходятся над названием парохода. Все три палубы окружены белыми чистыми поручнями; гордо вьется флаг на флагштоке».

Совсем как в былые времена, оглушительно ревет паровой гудок, звенит колокол, и мы отчаливаем. Наш гид обращает внимание пассажиров на мысы, излучины, острова, а заодно рассказывает байки в духе твеновских вралей. У холма под названием «Прыжок влюбленных» узнаем историю краснокожих Ромео и Джульетты, чьи отцы, вожди двух индейских племен, постоянно враждовали. Правда, в отличие от шекспировской, эта история закончилась счастливо. Однажды один из вождей, завидев на холме свою дочь в объятиях сына заклятого врага, нацелил стрелу в сердце юноши. Но влюбленные в мгновение ока прыгнули вниз, на крышу проходившего поезда, и укатили в другой город. Там они открыли табачную лавку и стали жить-поживать и девяносто долларов в день наживать. Заодно и девять детей нажили.

Рассказывал гид и о знаменитой пещере Марка Твена, где, как помнит читатель, заблудились Том и Бекки. Решаем побывать и там.

О давнем интересе экскурсантов к знаменитой пещере свидетельствуют надписи на ее стенах, сделанные коптящими свечами. Нынешние любители запечатлеть свои имена для истории пользуются маркерами. Как Том и Бекки, с интересом осматриваем чудеса пещеры — «Гостиную», «Собор», «Дворец Аладдина», тайные укрытия знаменитых грабителей. Пещера электрифицирована, и, желая показать нам ту или иную достопримечательность, гид включает свет. В «Автобиографии»

Твен упоминает, что пещера считалась страшным местом — в ней находилось мертвое тело девушки четырнадцати лет, дочери врача из Сент-Луиса. Оно покоилось в двойном цилиндре (стеклянном и медном), подвешенном в одном из переходов. Тело сохранялось в спирту. Хирург из Сент-Луиса, по словам Твена, был чудачком и поступал иной раз весьма странно.

Идем вслед за гидом по лабиринту извилистых коридоров. Как выяснилось, он Твена почитает, но не читает, даже «Приключения Тома Сойера» в руки не брал, однако ему доподлинно известно, что Твен слухавил: Том оставил Бекки с догорающей свечой не в темной глубине пещеры, а неподалеку от выхода, завидев свет. Читатели Твена снисходительно усмехнутся: писатель и сам сознался в «обмане» в «Автобиографии», как и в том, что исключительно в интересах искусства заморил в пещере индейца Джо: тот просто не мог умереть в пещере голодной смертью, ведь запас летучих мышей там не иссякает.

Любопытно, что в городе Марка Твена давно вошло в моду венчаться в пещере. Молодые приглашают туда стора и гостей. Однажды на такую свадьбу явилось сто пятьдесят приглашенных.

Мечтая вернуться в полюбившееся им место, люди бросают монетки в моря, озера, фонтаны. В Ганнибале принято бросать монетки в расщелину пещеры — там уже скопился всем видимый клад.

Я была в Ганнибале в апреле, в пору цветения вишни, и мысленно снова и снова возвращаюсь в светлый городок на берегу Миссисипи. Брожу по чистым улочкам с булыжными мостовыми, где вместо мусорных урн — деревянные бочки, любящие домами в стиле американской «плотницкой готики», поднимаюсь на Кардиффскую гору, у подножия которой стоит памятник Тому Сойеру и Геку Финну. Но главная притягательная сила Ганнибала — дух Твена, ведь недаром же он, обездивший весь мир, сказал как-то журналисту в далекой Индии: «Всем тем, что составляет мою суть, я обязан маленькой деревушке в Миссури на другом конце света».

...На высоком берегу Миссисипи стоит бронзовый Твен и внимательно глядится в речные дали. «Человеческое было его религиозие, и весь мир оплакивал его, когда он умер» начертано на памятнике, поставленном штатом Миссури своему знаменитому земляку. В юности Марк Твен служил лоцманом на этой могучей реке и стал одним из величайших лоцманов человечества на нескончаемой реке, именуемой ЖИЗНЬЮ.

г. Г а н н и б а л, С Ш А

Этот жизнерадостный юнец несколько недель назад появился на свет в уютном родительском гнезде, устроенном где-нибудь на приморских скалах или тундровых останцах, а может быть, на вершукке старого деревянного маяка. Жизнестойкое племя зимняков — так называется этот вид пернатых хищников — заселило всю Субарктику, но не только благодаря своей личной воле к жизни: без маленького грызуна лемминга, за счет которого быстро набирает вес наш птенец, не жить бы зимняку в суровых условиях Заполярья.